

И $\frac{231}{479}$

СТАРОДУВОВСКИЕ
ДРАГУНЫ
ВЪ РУССКОМЪ ОУЛАДѢ.

ШЕАФЪ
ПОЛКА IV
№ 33
и. п. № 33

74

~~1861~~
~~5~~

У 231
479

СТАРОДУБОВСКІЕ ДРАГУНЫ

ВЪ РУЩУВСКОМЪ ОТРЯДѢ.

(Изъ воспоминаній о турецкой войнѣ 1877 — 1878 гг.).

А. Фильдерлингъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. А. Полетики (Литейная, № 42.)

1879.

(Изъ журнала «Военный Сборникъ», 1879 г.).

2007335181

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го іюня 1879 года.

СТАРОДУБОВСКІЕ ДРАГУНЫ

ВЪ РУЩУКОМЪ ОТРЯДЪ.

(Изъ воспоминаній о турецкой войнѣ 1877—1878 гг.).

I. ПОДЪ ВОЙНУ.

Въ Румыніи.

Придвинутая къ юго-западной границѣ отечества, дѣйствующая армія, въ полной готовности, грозно ожидала объявленія войны. 12-го апрѣля, въ день Высочайшаго манифеста, передовыя войска нашей арміи уже перешагнули границу и, четырьмя колоннами, потянулись въ Румынію, слѣдуя обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ.

12-й драгунскій Стародубовскій полкъ, входившій въ составъ правой колонны (8-я и 12-я кавалерійскія дивизіи подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Дризена), слѣдовалъ изъ Унгенъ черезъ Яссы, Романъ, Бакеу, Фокшаны, Бузеу и Плоешти къ Бухаресту, который, по маршруту, былъ пока конечнымъ пунктомъ движенія передоваго отряда.

Переходъ черезъ границу — этотъ первый шагъ входящихъ въ роль дѣйствующихъ лицъ кровавой драмы — какъ первое сильное ощущеніе, навсегда останется памятнымъ для всѣхъ участниковъ кампаніи, въ цѣломъ рядѣ дальнѣйшихъ событій. Даже обыкновенный путешественникъ всегда съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ переѣзжаетъ границу — что же испытываютъ войска, вооруженной рукой вторгаясь за предѣлы отечества? Въ эту минуту, каждый ясно сознаетъ свое назначеніе, цѣль, къ которой стремился, къ чему готовился; вспоминаетъ все прошедшее, думаетъ о предстоящемъ, мысленно прощается со всѣмъ, что дорого и осталось далеко назадъ. Всѣ эти новыя, разнообразныя впечатлѣнія, сливаясь въ одно неопредѣленное чувство, сильно волнуютъ душу. Громкое, долго неумолкаемое «ура» въ послѣдній разъ раздавалось на родной почвѣ; съ музыкой и пѣснями тронулись въ

походъ. Я позже догналъ полкъ, на дорогѣ въ Румынію, быстро промчавшись по желѣзной дорогѣ. Приближаясь къ Унгенамъ, спѣшившіе въ дѣйствующую армію военные невольно выглянули изъ оконъ вагона, разговоры на время стихли; подѣзжая къ мосту, каждый молча перекрестился, мысленно прощаясь съ родиной.

Черезъ три недѣли утомительнаго похода, изъ дня въ день совершая большіе переходы, полкъ 2-го мая достигъ столицы Румыніи, и 3-го мая, пройдя черезъ Бухарестъ, остановился въ 10-ти верстахъ южнѣе города, въ Адунаци-Копочини. Размѣстившись по-дивизионно въ двухъ небольшихъ бѣдныхъ валахскихъ деревушкахъ, мы стали въ условіяхъ почти обыкновенной мирной стоянки. Тутъ же, съ первымъ дивизиономъ полка, расположился штабъ дивизіи, 19-я конная батарея, состоящая при нашей бригадѣ, и въ окрестныхъ деревняхъ остальные полки дивизіи.

Такимъ образомъ, съ 3-го мая наступательное движеніе передовыхъ войскъ было остановлено, и мы болѣе мѣсяца простояли на одномъ мѣстѣ въ полномъ бездѣйствіи. Уже первоначальное движеніе наше по Румыніи значительно замедлилось вслѣдствіе сильныхъ весеннихъ разливовъ рѣкъ: дороги распустились, многіе мосты были снесены или испорчены, и передовыя войска пришли къ назначеннымъ пунктамъ нѣсколькими днями позже маршрута. За нами части боролись еще съ болѣшими трудностями и дольше задержались на пути отвратительными румынскими дорогами, которыя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, стали вовсе непроходимыми. Вслѣдствіе этого главныя силы нашей арміи окончательно сосредоточились въ Румыніи только къ 20-му мая и расположились: правый флангъ, 9-й корпусъ, у Слатины; центръ, 12-й корпусъ, въ составъ котораго мы входили, по дорогѣ изъ Бухареста въ Александрію и лѣвый флангъ, 8-й корпусъ, по дорогѣ изъ Бухареста въ Журжево. Но и тутъ дальнѣйшее движеніе на нѣсколько недѣль остановлено приготовленіями къ переправѣ. Приготовленія эти, вслѣдствіе крайней неисправности румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, шли медленно. Необходимо было доставить по желѣзной дорогѣ всю осадную артилерію, боевые и продовольственные запасы, мостовыя принадлежности, понтоны. Не смотря на всѣ принятые мѣры, безпрестанно встрѣчались все новыя задержки. Рядъ этихъ задержекъ и сильный разливъ Дуная, который опадалъ очень медленно, вынуждали къ постояннымъ отсрочкамъ переправу, которую не только войска, стоявшія на-готовѣ, но за ними и вся Россія, изъ дня въ день, давно ожидала съ волненіемъ.

Такимъ образомъ весь май мѣсяцъ мы спокойно простояли въ Ру-

мыни. На Дунай въ это время ничего замѣчательнаго въ военномъ отношеніи не происходило; только изрѣдка доносились отдаленные раскаты выстрѣловъ съ нашихъ батарей въ Турну, въ Журжевъ и въ Ольтеницъ по турецкимъ крѣпостямъ на Дунай, какъ бы напоминая о близости непріятели и ожидающихъ насъ событіяхъ.

Продолжительную стоянку въ Румыніи мы съ пользою употребили на приведеніе себя въ порядокъ; пришлось многое поправить, возобновить, дополнить, послѣ продолжительнаго, быстрого и утомительнаго похода. Принялись чинить и красить обозъ, исправлять амуницію, сѣдельные уборы, вьюки, покупать и достраивать необходимое и, понемногу отдохнувъ, оправившись, пришли въ надлежащій видъ: хоть на смотръ въ мирное время. Если люди и матеріальная часть полка были въ отличномъ состояніи, то, къ сожалѣнію, лошади немного выиграли отъ этой стоянки. Благодаря пресловутому «товариществу», которое довольствовало насъ въ Румыніи, полкъ, отъ дурнаго качества фуража, потерялъ павшими въ теченіе этого мѣсяца 28 строевыхъ и 4 подъемныхъ лошади, такъ что еще до начала военныхъ дѣйствій нѣкоторые эскадроны были приведены въ 15-ти и даже въ 14-ти рядовой составъ во взводахъ. Правда, къ этому слѣдуетъ прибавить и то обстоятельство, что въ Румыніи намъ въ первый разъ стали отпускать ячмень, которымъ исключительно и довольствовались впослѣдствіи; въ началѣ же на многихъ, привыкшихъ къ овсу лошадей, ячмень оказалъ вредное вліяніе.

Однообразная, скучная стоянка наша ничѣмъ не развлекалась; служба шла своимъ чередомъ: по утрамъ проѣздки, небольшія ученья, осмотръ какихъ либо предметовъ вооруженія, снаряженія обоза; наконецъ, канцелярія съ ея безчисленнымъ количествомъ бумагъ, чуть ли не большимъ чѣмъ въ мирное время, вотъ и все. Населеніе Румыніи, въ жалкихъ деревняхъ, занятыхъ полкомъ, представляло мало развлеченій. Валахи относились къ намъ крайне недружелюбно, сторонились, избѣгали насъ. Пользуясь необыкновенной добросовѣстностью и строгой дисциплиной, съ которыми исполнялся приказъ Главнокомандующаго, о соблюденіи войсками надлежащаго порядка въ дружественной намъ Румыніи, безсовѣстно брали съ насъ въ три-дорога за самыя необходимыя вещи. Единственнымъ развлеченіемъ являлась близость Бухареста, куда стремились офицеры всѣхъ чиновъ и оружій.

Бухарестъ казался въ то время самымъ очаровательнымъ мѣстомъ, роскошнѣйшимъ эльдорадо: неприхотливы стали въ походѣ. На самомъ дѣлѣ столица, которой такъ чванятся румыны, называя ее маленькимъ Парижемъ, далеко не красивый, не опрятный и не здоровый

городъ. Отвратительныя мостовыя, грязныя узкія улицы, въ которыхъ рядомъ съ красивымъ домомъ, съ претензіями на щегольство, лѣпится ветхая лачуга; удушливый жаръ, спертый дурной воздухъ, только нѣсколько хорошихъ отелей и ресторановъ, увеселительныя сады, извозчики, по преимуществу русскіе скопцы, съ парными колясочками, запряженными хорошими лошадьми, да масса наѣхавшей публики, оживляя городъ, придавали ему шумный характеръ, столичный блескъ. Съ румынами мы вовсе не сходились; они явно выказывали непріязнь къ русскимъ и рѣдко можно было встрѣтить на улицѣ офицера, гуляющаго съ мѣстнымъ жителемъ. Не смотря на общительность русскаго челоуѣка, онъ здѣсь держался въ сторонѣ, не смѣшиваясь съ мѣстнымъ элементомъ, къ которому не чувствовалось симпатіи. Распущенность нравовъ, легкомысліе, чванство и хвастовство между румынами паразитичны.

Къ концу мая жизнь наша оживилась. Дошли слухи о подвигѣ Дубасова и Шестакова, о взрывѣ мониторовъ; рядомъ съ этимъ самыя небывалыя слухи о переправѣ нашихъ войскъ, о десантѣ, совершенномъ турками, о какихъ-то необыкновенныхъ подвигахъ, къ-мъ-то совершенныхъ; слухи эти тотчасъ же опровергались другими, еще болѣе невѣроятными; тѣмъ не менѣе, ясно сознавалось только одно, что близится конецъ нашей стоянкѣ, что настаетъ время приниматься за дѣло, для котораго пришли издалека.

Въ это время командиръ нашего корпуса, генералъ Ванновскій, устроилъ по подпискѣ вечеръ для всѣхъ офицеровъ корпуса. Праздникъ удался какъ нельзя лучше; со всѣхъ окрестностей съѣхались офицеры къ живописному дому съ большимъ садомъ въ деревнѣ Мигалешти, занятой корпуснымъ штабомъ, офицеры всѣхъ родовъ оружія перемѣшались въ группы, встрѣчались товарищи, сводились новыя, возобновлялись старыя знакомства и, въ оживленной бесѣдѣ о предстоящихъ дѣлахъ, весело провели вечеръ, закончившійся иллюминаціей и общимъ ужиномъ при нѣсколькихъ хорахъ военной музыки. На вечерѣ присутствовалъ также генералъ Драгомировъ, прославившійся вскорѣ знаменитой переправой, лишь загадочно рисовавшейся въ нашемъ воображеніи, и которую вся армія, стоявшая на рубежѣ, ждала съ такимъ нетерпѣніемъ, прикованная взоромъ къ турецкому берегу, высоко и грозно выступающему надъ синевой Дуная: туда мы рвались, тамъ, далеко, на той сторонѣ, была конечная цѣль. Спустя нѣсколько дней мы въ послѣдній разъ до переправы видѣли Драгомирова, пріѣхавшаго погостить къ намъ въ полкъ; дивизія его стояла по сосѣдству. Въ тотъ же день онъ получилъ приказаніе сняться съ бивака и слѣдовать съ дивизіей къ Дунаю.

Такимъ образомъ мы узнали, что на него выпала честь первому вступить въ роль на кровавой аренѣ и выполнить столь трудное военное предпріятіе.

Дѣло начиналось; все зашевелилось; тронулся 8-й корпусъ, за нимъ поднялись и остальные. 3-го іюня получено приказаніе всѣмъ войскамъ выступить съ квартиръ 7-го іюня. Велѣно взять съ собой продовольствія на четыре дня для людей и лошадей и, въ четыре перехода, слѣдовать изъ Капочини въ Александрію, причемъ наша дивизія, временно прикомандированная къ 8-му корпусу, слѣдовала за нимъ. Наканунѣ выступленія получено приказаніе отложить его еще на три дня, до 10-го іюня. Какъ узнали впоследствии, причиною тому было извѣстіе, что, по неисправности румынской желѣзной дороги, понтонные парки опоздали къ сроку маршрута. Пришлось остановить еще на три дня движеніе всей арміи и отложить на столько же времени самую переправу.

10-го іюня, въ 7 часовъ утра, мы наконецъ выступили изъ Капочини, гдѣ простояли болѣе мѣсяца. Въ знойный іюньскій день, полкъ съ 19-й конной батареей выстроился въ деревнѣ и, перекрестившись, съ пѣснями, весело тронулся въ путь. Походъ подходилъ еще подъ условія мирнаго времени, и потому мы высылали впередъ квартирьеровъ въ ночлежные пункты назначенные по маршруту. Только для боевой практики полка шли съ соблюденіемъ военныхъ предосторожностей, высылая авангардъ, арьергардъ и боковые разѣзды. Къ вечеру собрались въ окрестностяхъ Калагурени, гдѣ вся дивизія соединилась на бивакѣ. Далѣе уже слѣдовали въ общей колоннѣ, мѣняя очередь полковъ.

Мы шли къ переправѣ; но когда и гдѣ она будетъ, для насъ оставалось тайной. Шли круглыми, обходными путями, по дурнымъ дорогамъ, черезъ Добротешти, Кирьяки-Бей, Путинею, Витанешти въ Александрію. Движеніе это имѣло цѣлью скрыть отъ непріятеля, зорко слѣдившаго за нами съ противоположнаго берега, истинное направленіе, избранное нами для сосредоточенія войскъ къ переправѣ. На бивакѣ у Путиinei, 12-го іюня, мы ближе подошли къ Дунаю и до насъ ясно долетали звуки орудіейныхъ выстрѣловъ. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, я, съ бивака, поѣхалъ верхомъ въ направленіи къ Дунаю.

Хотя мы были въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, но, вѣхавъ на возвышенность, намъ представилась чудная картина: внизу у Журжева съ слободзейскими батареями, Дунай и на противоположномъ его берегу, Рушукъ, подъ стѣнами котораго мы такъ долго стояли впоследствии. Грозная твердыня Дуная едва обрисовывалась на высокомъ обрывистомъ берегу, изрѣдка выпуская клубъ бѣлаго дыма, вслѣдъ за которымъ до

носился глухой раскатъ крѣпостнаго выстрѣла. Съ румынскаго берега отвѣчали наши батареи. Далеко слышанные нами первые выстрѣлы, какъ грозные предвѣстники будущаго, какъ бы издали давали знать, что война началась, что скоро настанетъ и нашъ чередъ. До заката солнца простояли мы тутъ, любуясь на чудную картину.

14-го іюня у насъ была дневка въ Витанешти, и на другой день, въ четыре часа по-полудни, мы вступили въ Александрію, маленькій, грязный городишко, наполненный разными складами и запасами. На улицахъ тѣснились евреи, подридчики, агенты «товарищества», интендантскіе чиновники; устраивались лазареты для принятія первыхъ раненыхъ, героевъ предстоящей переправы. Городъ кишѣлъ народомъ; вездѣ проявлялась усиленная, лихорадочная дѣятельность, въ ожиданіи важнаго событія. Выйдя изъ города на громадное поле, вся дивизія расположилась на бивакѣ.

Пока мы стояли въ резервѣ у Александріи, 8-й корпусъ уже вступилъ въ бой на Дунаѣ, форсируя переправу. Первоначально всѣ были убѣждены, что переправа состоится у Никополя, близъ Фламунды; тамъ дѣлались всѣ приготовленія, туда же сосредоточивались войска, которыя къ 12-му іюня должны были прибыть на указанныя имъ мѣста. Къ этому же времени, т. е. къ 12-му іюня, благодаря смѣлой, неутомимой дѣятельности нашихъ моряковъ и артиллеристовъ, свободное плаваніе турецкихъ мониторовъ прекращено, средній Дунай очищенъ, минныя загражденія между Никополемъ и Парпаномъ заложены, всѣ приготовленія къ переправѣ совершенно окончены, и самый день переправы назначенъ.

Но, какъ сказано выше, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, все движеніе войскъ пришлось остановить на три дня, и эта невольная остановка имѣла важное значеніе. Удостоверившись, по рекогносцировкѣ Дуная, что вода въ окрестностяхъ Зимницы спала на столько, что переправа сдѣлалась возможною, Главнокомандующій назначилъ Зимницу пунктомъ переправы.

Рѣшеніе это, оставленное въ глубокой тайнѣ, сообщено только командиру 8-го корпуса, генералу Радецкому, которому дано было секретное предписаніе не продолжать движенія чрезъ Сяки на Никополь, а свернувъ къ Зимницѣ, съ дивизіей Драгомирова во главѣ, въ ночь съ 14-го на 15-е, начать тамъ переправу на понтонныхъ лодкахъ. Скрытое движеніе это искусно маскировано цѣлымъ рядомъ соотвѣствующихъ мѣропріятій, и, чтобы окончательно привести въ заблужденіе противника, приказано съ 12-го іюня начать усиленное бомбардированіе Руцука у Никополя. Эту-то канонаду мы и слышали съ

бивака у Путиная, когда выѣхали взглянуть на Дунай. Три дня немолкаемо гудѣли орудія по всему Дунаю, такъ что съ бивака нашего невозможно было различить истиннаго направленія. Между тѣмъ, въ полночь съ 14-го на 15-е іюня, войска 14-й пѣхотной дивизіи подошли къ переправѣ и въ темную ночь стали садиться на понтоны. Только съ началомъ разсвѣта турки замѣтили наше движеніе и, выйдя изъ лагеря, открыли огонь по приближавшимся понтонамъ. Не смотря на всѣ невыгодныя условія, не смотря на сильный ружейный и артилерійскій огонь и на упорное сопротивленіе непріятеля, войска наши, бросаясь въ штыки, тѣснили турокъ. Въ два часа по-полудни уже вся 14-я дивизія, съ стрѣлковой бригадой, переправилась на правый берегъ вслѣдъ за ней перевезли полки 9-й пѣхотной дивизіи, и къ вечеру 8-й корпусъ сталъ твердой ногой въ Систовѣ, владѣя противоположнымъ берегомъ Дуная; турки отступили на Рушукъ и Тырновъ.

Въ тотъ же день по биваку быстро разнеслась радостная вѣсть о славной побѣдѣ. Дунай былъ нашъ, русскій флагъ развѣвался на турецкомъ берегу. Громкое, задушевное ура охватило весь бивакъ; всю ночь мы ликовали, празднуя первую побѣду. Какъ всегда, вѣсть эта дошла до насъ съ самыми небывалыми толкованіями и невозможными измышленіями. Только на другой день выяснились подробности славнаго дѣла. Считаю излишнимъ приводить ихъ здѣсь, — такъ хорошо знакома всѣмъ эта первая, доблестная страница минувшей кампаніи.

Подъ прикрытіемъ 8-го корпуса, ставшаго бивакомъ въ окрестностяхъ Систова и не тревожимаго болѣе озадаченными турками, принялись за наводку понтоннаго моста черезъ Дунай. Въ ожиданіи этого, мы четыре дня, съ 16-го по 20-е іюня, простояли бивакомъ у Александріи. Теперь предстояла переправа 12-го армейскаго корпуса на правый берегъ. По случаю этого, 20-го іюня, получено приказаніе изъ корпуснаго штаба: дивизіи нашей, временно прикомандированной къ 8-му корпусу, снова войти въ составъ 12-го корпуса и 21-го числа перейти изъ Александріи въ Фрумозе. Мы сѣли на бивакъ, разбили коновязь и разсѣдали лошадей. Дождавшись обоза, только стали деньщики разворачивать палатки, вынимать котлы, варить пищу, бѣгать съ самоварами, какъ, послѣ полудня, получено приказаніе немедленно слѣдовать къ переправѣ у Зимницы. Вывернули котлы, въ мигъ осѣдали лошадей, и въ четыре часа уже вся дивизія въ полной готовности, въ резервномъ порядкѣ, выстроилась на бивачномъ полѣ, гдѣ успѣли все наскоро подобрать и уложить, заиграли «подъ штандарты», справа по три, полкъ за полкомъ потянулись къ Дунаю. Кончились обыкновенные переходы съ

удобствами мирнаго времени, начиналась война,—и съ ней всё неожиданности, труды и лишения, неизбежныя въ боевой обстановкѣ.

II.

За Дунаемъ. Взятіе Бѣлы.

Поздно вечеромъ подошли мы къ Зимницѣ. Мгла, туманъ, густое облако дыма,—ничего не видать. Только топотъ лошадей, стукъ колесъ, разговоры и крики столпившихся къ переправѣ войскъ слышались съ разныхъ сторонъ. Свернувъ съ дороги на поляну, кое-какъ выстроились въ колонну и слѣзли съ лошадей. Разобраться въ темнотѣ не было возможности, дожидаться обоза поздно; не ѣвши цѣлый день, утомленные, голодные, въ сухую, легли мы на землю возлѣ лошадей.

Прибѣжалъ ординарецъ звать къ начальнику дивизіи. Съ трудомъ, сквозь темныя массы спящихъ войскъ, добрались мы до избы, иди на свѣтъ фонаря, поставленнаго у крыльца. На полу сидѣлъ начальник дивизіи, возлѣ него начальникъ штаба, кругомъ собрались полковые командиры.

Начальникъ дивизіи объявилъ намъ полученную диспозицію, по которой 12-я кавалерійская дивизія, перейдя Дунай, слѣдуетъ въ авангардѣ на Рушукъ. Въ виду этого признавалось необходимымъ выставить отъ каждаго полка развѣдочныя партіи, для рекогносцировки береговъ рѣки Янтры, первой оборонительной линіи, съ крѣпкими позиціями, по дорогѣ изъ Систова въ Рушукъ. Развѣдка Янтры, отъ Дуная до Новиграда, возлагалась на улановъ, отъ Новиграда до Бѣльчева—на гусаровъ, отъ Бѣльчева до Бѣлы—на казаковъ, отъ Бѣлы до Косны—на драгуновъ. Самый важный участокъ выпадалъ на нашу долю: черезъ Бѣлу проходить большое рушукское шоссе, единственная постоянная переправа по большому каменному мосту и лучшая оборонительная позиція на правомъ берегу Янтры. Изслѣдованіе этого направленія поэтому возложено было на драгуновъ, и имѣлось въ виду на слѣдующій же день выставить впередъ 12-й драгунскій полкъ съ 19-ю конной бѣтареей для занятія города Бѣлы. Развѣдочнымъ партіямъ слѣдовало съ разсвѣтомъ перейти на тотъ берегъ, для чего начальнику переправы послано приказаніе, до перехода войскъ первыми пропустить по мосту конныхъ развѣдчиковъ. Получивъ всѣ приказанія и условившись относительно ихъ исполненія, мы ночью вернулись къ своимъ частямъ на бивакъ.

Первое назначеніе, данное полку, имѣло чисто-кавалерійскій характеръ. Выслать къ сторонѣ непріятеля, въ неизслѣдованномъ еще направленіи, небольшой развѣздъ подъ начальствомъ офицера, развѣдать

дорогу, рѣку, переправу на ней, отыскать бродъ, тщательно освидѣтельствовать мостъ, осмотрѣть позицію на противоположномъ берегу и собрать попутно свѣдѣнія о непріятелѣ—вотъ въ чемъ состояла задача, въ которой соединялись все виды и условія развѣдокъ. При этомъ развѣдчики высылались на два перехода впередъ, по мѣстности, занятой отступающимъ противникомъ. Отъ успѣха столь важнаго и сопряженнаго съ явною опасностью порученія зависѣла въ данномъ случаѣ участь отряда. Не доѣзжай наши развѣдчики до Янтры, не изслѣдуй ее точно—останавливалось движеніе всего отряда, или двинутый въ этомъ направленіи полкъ подвергался опасности быть застигнутымъ врасплохъ. Взвѣсивъ все эти обстоятельства, я рѣшился послать двухъ офицеровъ при взводѣ изъ восьми рядовъ—сила достаточная, чтобы отразить непріятельскій развѣздъ—и въ то же время скрыто пробраться къ непріятелю. Два офицера представляли больше гарантій въ исполненіи даннаго порученія. Не вернется одинъ, другой доставитъ требуемыя свѣдѣнія.

Останавливаюсь на этомъ съ тѣмъ, чтобы показать какія важныя задачи выпадаютъ на долю кавалеріи, какъ только она вступаетъ въ сферу дѣйствій, задачи, исполняемыя младшими офицерами, и на рѣшеніи которыхъ основанъ успѣхъ военныхъ предпріятій. Поэтому молодые кавалерійскіе офицеры обязаны въ мирное время готовиться къ этой дѣятельности, развивая въ себѣ знаніе, находчивость, рѣшимость, спокійствие и безграничную смѣлость.

Вернувшись къ спящему биваку, я немедленно потребовалъ къ себѣ штабсъ-капитана Пославскаго и поручика Яниковскаго и возложилъ на этихъ опытныхъ и лихихъ офицеровъ исполненіе даннаго порученія, разрѣшивъ имъ выбрать изъ всего полка людей и лошадей по ихъ желанію, въ числѣ 16-ти рядовыхъ при двухъ унтеръ-офицерахъ. Инструкція дана слѣдующая: немедленно изготовившись, къ разсвѣту быть на переправѣ, переѣхавъ мостъ, повернуть на лѣво, къ Бѣлѣ, и безостановочно слѣдовать въ этомъ направленіи, съ соблюденіемъ всехъ военныхъ предосторожностей; потомъ, пройдя какъ можно дальше, скрытно остановиться на ночь въ сторонѣ отъ дороги, въ балкѣ, не разсѣдывая лошадей; не отдыхая выставить часовыхъ, на зарѣ незамѣтно подойти къ Бѣлѣ, осмотрѣть мостъ, лично удостовѣрившись, что онъ не поврежденъ, не минированъ, переѣхать на тотъ берегъ, если онъ не занятъ непріятелемъ, и, послѣдно отступивъ, расположиться поодаль, наблюдая развѣздами Бѣлу. Одному же изъ офицеровъ, немедленно по окончаніи рекогносцировки, съ нѣсколькими вѣстовыми быстро ѣхать обратно на встрѣчу полка съ подробнымъ донесеніемъ.

Черезъ нѣсколько часовъ взводъ моихъ молодцовъ стоялъ въ полной готовности. Лошади осѣдланы безъ вьюка, ружья вынуты изъ чехловъ. Смѣло и бодро смотрѣли драгуны, гордясь, что ихъ выбрали для первой встрѣчи съ врагомъ. Отпустивъ молодцовъ, тяжело стало на душѣ. Ни на минуту не заснулъ я эту ночь, все думалъ о нашихъ развѣдчикахъ, какъ вернутся они, какъ исполнить свою задачу. Первый разъ приходилось посылать людей на опасное предпріятіе, нести за нихъ нравственную отвѣтственность. Каждый шагъ въ то время былъ новымъ для насъ дѣломъ, неиспытаннымъ еще ощущеніемъ. Кровавыми уроками приобрѣтали мы боевую опытность.

Солнце взошло, проснулся, зашевелился бивакъ, осѣдлали лошадей, полки выстроились, и стройно, въ порядкѣ, спустилась дивизія къ Дунаю. Тутъ всѣ слѣды недавняго дѣла уже исчезли; только внизу на дорогѣ, помнится, лежала лошадь, разорванная гранатою въ клочки. Дойдя до ставки Главнокомандующаго, мы остановились, развернувъ фронтъ вдоль шоссе, откуда ожидался пріѣздъ Его Величества Государя Императора, выѣхавшаго напутствовать войска, идущія въ бой. Въ эту торжественную минуту, забывъ усталость и лишенія, люди весело глядѣли въ ожиданіи Царя. Вдали показалась коляска, въ струнку выравнивались полки, заиграли встрѣчу; вдоль по фронту проѣхалъ Государь, привѣтствуемый восторженными криками. Вслѣдъ за нимъ проѣхалъ Его Высочество Главнокомандующій съ начальникомъ штаба арміи.

На переправѣ нашимъ глазамъ представилась величественная картина. День былъ ясный, солнечный, все было залито яркимъ свѣтомъ. У нашихъ ногъ, широкой синей лентой разстилался побѣжденный Дунай, перерѣзанный поперекъ четырьмя мостами, сковавшими грознаго врага. Одинъ мостъ въ 300 саж. перекинуть былъ черезъ главное русло, а три меньшихъ моста черезъ рукава и разливы. Чуть замѣтной желтой полоской едва отдѣлялся отъ воды легкій понтонный мостъ, но мощной рукой проведена черта, указывающая путь наступательному движенію русской арміи. Вдали выступалъ изъ воды обрывистый, песчано-каменистый берегъ, покрытый зеленой шапкой садовъ, окружающихъ Систово. У переправы толпилась блестящая пестрая свита, на мосту суетились моряки, наблюдавшіе за порядкомъ. Передъ мостомъ мы слѣзли съ лошадей, разомкнули ряды и справа по три, держа лошадей въ поводу, медленно потянулись черезъ Дунай. За полкомъ шли повозки, вьючныя лошади и волы. Только вечеромъ весь полкъ перешелъ на ту сторону. Ступая на вражескую землю, солдаты крестились.

Поднявшись по крутому берегу, мы проѣхали черезъ виноградники, гдѣ такъ упорно защищались турки, и, оставивъ Систово вправо, еще

нѣсколько часовъ прошли по дорогѣ въ Бѣлу, и по пути встрѣтили казачій бивакъ, гдѣ намъ сообщили, что въ этотъ день, въ семи верстахъ отъ нихъ, на казачій разъѣздъ напали черкесы, но подписѣйшей сотней были отброшены.

Свернувъ съ большого шоссе, ведущаго на Тырновъ, возлѣ мѣстечка Виноградъ, мы остановились на бивакѣ. Уже стемнѣло; какъ ни утомлены были люди, пришлось отрядить одинъ эскадронъ на аванпосты и выслать разъѣзды. Мы первые шли въ этомъ направленіи, впереди насъ былъ непріятель. Заварили кашу, наскоро заморили червячка, и скоро богатырскимъ сномъ въ первый разъ уснули драгуны на турецкой землѣ, зорко оберегаемые товарищами, не дремавшими на постахъ.

Въ это время, т. е. черезъ недѣлю послѣ славнаго дѣла у Систова, за Дунаемъ стояло уже болѣе трехъ русскихъ корпусовъ, а именно: 14-й корпусъ, еще 10-го іюня переправившійся у Галаца и Браилова, затѣмъ переправившіеся у Систова: 15-го іюня,—8-й корпусъ съ Стрѣлковою бригадой; 21-го іюня,—13-й корпусъ, имѣя во главѣ передовой кавалерійскій отрядъ съ болгарскимъ ополченіемъ, двинутые въ направленіи къ Тырнову, и 22-го іюня,—12-я кавалерійская дивизія, направленная къ Рушукъ. Всего за Дунаемъ около 85,000; изъ нихъ 30,000 на нижнемъ Дунаѣ, у Галаца и Браилова, и 55,000 на среднемъ Дунаѣ у Систова. На той сторонѣ, у Зимницы, подходили къ переправѣ остальные части 12-го корпуса, и далѣе за ними, въ Румыніи, 9-й, 4-й и 11-й корпуса.

Поднявшись рано утромъ, первая мысль была о нашихъ развѣдчикахъ; извѣстій отъ нихъ еще не было. Только успѣли мы выстроиться, какъ на бивакъ пріѣхали два драгуна, съ письменнымъ донесеніемъ отъ начальника разъѣзда. Штабсъ-капитанъ Пославскій подробно и обстоятельно излагалъ результатъ развѣдки. Въ первый день, никѣмъ не замѣченный, онъ благополучно прошелъ большую часть пути. Скрытно переночевавъ, онъ съ разсвѣтомъ выслалъ разъѣзды по всѣмъ направленіямъ; встрѣченные ими одиночные всадники — черкесы и баши-бузуки—удалились. Подойдя къ Бѣлѣ, лично осмотрѣлъ мостъ, который оказался не поврежденнымъ, отыскалъ вправо отъ моста удобопроходимый бродъ черезъ Янтру, узналъ, что ночевавшія наканунѣ въ Бѣлѣ значительныя турецкія силы отступили, и что возлѣ Бѣлы остались только конные отряды черкесовъ. Такимъ образомъ, первая развѣдка мѣстности и противника, произведенная въ виду непріятеля, въ двухъ переходахъ отъ арміи, удалась вполне; собранныя свѣдѣнія точно отвѣчали требованіямъ. Выполнивъ задачу и потерявъ при этомъ только одного человѣка, убитаго въ перестрѣлкѣ съ черкесами, разъѣздъ оста-

новился по эту сторону Янтры, ожидая прибытія отряда. На основаніи полученныхъ свѣдѣній, начальникъ дивизіи отдалъ приказаніе: 12-му драгунскому полку, съ 19-й конной батареей, немедленно слѣдовать къ Бѣлѣ, занять этотъ городъ и удержаться тамъ на позиціи до прибытія подкрѣпленій, а остальнымъ полкамъ слѣдовать лѣвѣе и, не переходя Янтры, наблюдать лѣвый берегъ, ниже Бѣлы, до Дуная.

Цѣль, поставленная полку, исполнѣ отвѣчала, въ данномъ случаѣ, тактическому назначенію драгуновъ—быстрымъ движеніемъ предупредить непріятеля занять важный пунктъ, переправу, и удержаться на немъ до прибытія своей пѣхоты.

Послѣ четырехъ часовъ марша, мы, въ полдень, подошли къ Янтрѣ. На шоссе, по сю сторону моста, стояли жители, вышедшіе къ намъ на встрѣчу. Впереди священникъ, въ черномъ, длиннополномъ кафтанѣ, въ башмакахъ, съ чернымъ греческимъ клобукомъ, съ крестомъ въ рукахъ. Болгары, крича «здравствуй братушка», разглядывали насъ съ любопытствомъ, кланялись, снимали шапки, крестились и, покачивая головой, приговаривали: «бѣгалъ турка», указывая рукою направленіе.

Головная часть остановилась, чтобы дать подтянуться полку и батарее. Въ это время, по мосту, на встрѣчу къ намъ скакалъ болгаринъ, безъ шапки, съ бритой головой, съ обнаженной шашкой въ рукахъ. Неистово крича «черкесы, черкесы»—онъ указывалъ шашкой на деревню, лежащую недалеко отъ насъ влѣво. Зная, что въ этомъ направленіи посланы гусары, отдѣливъ разъѣздъ для связи, я рѣшился немедленно вступить въ городъ. Вскорѣ, дѣйствительно, влѣво отъ насъ, раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Потомъ мы узнали, что 1-й эскадронъ Ахтырскаго гусарскаго полка встрѣченъ былъ въ этой деревнѣ партією черкесовъ. Ъхавшій впереди командиръ эскадрона, майоръ Сискевичъ, бросился на нихъ, причемъ раненъ пулей въ животъ; гусары, изрубивъ двухъ человекъ, обратили остальныхъ въ бѣгство.

1-й эскадронъ слѣбился, драгуны быстро перешли мостъ и въ разсыпную взобрались на крутыя, почти отвѣсныя высоты противоположнаго берега. Послышались выстрѣлы, цѣпь подалась впередъ, и подъ прикрытіемъ стрѣлковъ прочіе эскадроны съ батареею потянулись на мостъ.

Большой, широкій каменный мостъ, на 12-ти каменныхъ аркахъ,—единственная постоянная переправа на Янтрѣ,—принадлежитъ, такъ же какъ и рушукское шоссе, къ лучшимъ сооруженіямъ въ Турціи, исполненнымъ по инициативѣ Мидхада-паши. По серединѣ моста, на мраморной доскѣ золотыми буквами высѣченъ шифръ султана. За мостомъ

шоссе круто сворачиваетъ вправо, прислонившись къ отвѣсному берегу и, проходя черезъ городъ, втягивается въ ущелье. Бѣдный болгарскій городишко совершенно разоренъ, турецкій кварталъ пустъ, окна выбиты, вещи выброшены. Проѣхавъ пустынной улицей городъ, мы остановились на позиціи, занявъ противоположный выходъ горнаго дефиле. Два эскадрона высланы впередъ для освѣщенія мѣстности и занятія аванпостовъ по наружнымъ высотамъ. Впереди, внѣ ружейнаго выстрѣла, видѣлись непріятельскіе посты и разбѣжавшія партіи черкесовъ. Темнѣло; кругомъ мертвая тишина. Не разсѣдывая лошадей, не раскладывая костровъ, мы, въ полной боевой готовности, провели ночь, постоянно высылая разбѣзды. Непривычные еще люди, преувеличенно доносившіе съ постовъ, полнѣйшая темнота, первый ночлегъ въ виду непріятеля—все это держало насъ въ постоянной тревогѣ; никто въ отрядѣ не сомкнулъ глазъ въ эту ночь.

Еще съ вечера мною было послано донесеніе и на другой день Главнокомандующій телеграфировалъ Государю Императору: *23-го іюня стародубовскіе драгуны заняли Бѣлу.*

Прошла нескончаемая ночь; съ разсвѣтомъ отрядъ расположился на позиціи. Внизу на шоссе взводъ артилеріи, по сторонамъ, на высотахъ, два сѣшенныхъ эскадрона залегли въ цѣпи; остальные орудія, подъ прикрытіемъ одного эскадрона, на высотахъ лѣваго фланга; скрытно позади, на поворотѣ дороги, коноводы, прикрытые эскадрономъ. Обозы отправлены за рѣку. Занявъ крѣпкую позицію въ дефиле, мы рѣшились до послѣдней крайности отстоять мостъ, взятый нами накануне.

Въ отрядъ пріѣхалъ начальникъ дивизіи. Противъ насъ на курганѣ стали показываться одиночные всадники, число ихъ увеличивалось и скоро они какъ мухи облѣпили холмъ. Въ бинокль ясно можно было различить, что въ числѣ ихъ былъ начальникъ; слѣзши съ лошади, онъ въ трубу осматривалъ нашу позицію. Приказано не стрѣлать; молча глядѣли противники другъ на друга. Утомленные безсонной ночью, не ѣвши, люди засыпали на палящемъ солнцѣ, лежа въ цѣпи. Дѣ 2-хъ часовъ простояли на мѣстахъ; въ это время подоспѣли двѣ сотни казаковъ и непріятель сталъ отходить. Тогда приказано двумъ сотнямъ и одному эскадрону произвести рекогносцировку. Выѣхавъ за цѣпь, они разсыпались во все стороны и смѣлою рысью двинулись впередъ. Освѣтивъ мѣстность верстъ на 15 кругомъ, отбѣснивъ всюду непріятельскіе разбѣзды, причемъ убито два человѣка, брошенные турками на мѣстѣ, эскадроны вернулись, донеся, что непріятель, въ значительныхъ силахъ, быстро продолжаетъ отступленіе.

Получивъ это донесеніе, мы снялись съ позиціи и, вернувшись въ городъ, расположились бивакомъ. Не успѣли мы отдохнуть, какъ въ 6 часовъ вечера получено еще донесеніе съ аванпостовъ о появленіи непріятеля съ праваго фланга. Немедленно два эскадрона съ двумя орудіями на рысяхъ двинуты въ этомъ направленіи. Показавшіяся издали незначительныя силы противника, при быстромъ появленіи драгуновъ съ конной артилеріей, остановились внѣ выстрѣла. Это была послѣдняя тревога. Къ концу дня на мосту показалась наша пѣхота. То была 1-я бригада 33-й пѣхотной дивизіи съ артилеріей, которая получила приказаніе, бросивъ ранцы, усиленнымъ маршемъ слѣдовать къ намъ на помощь для занятія Бѣлы.

Радостно встрѣтили утомленные драгуны товарищей пѣхотинцевъ, которые, не смотря на утомительный, быстрый маршъ, весело шли впередъ, надѣясь еще въ этотъ день попасть въ дѣло. Тутъ, съ началомъ военныхъ дѣйствій, всѣ мы, кавалеристы, во-очію поняли и ясно сознали ту великую тактическую истину, что пѣхота есть главный родъ оружія, и затѣмъ, до конца кампаніи, всегда съ должнымъ уваженіемъ относились къ этой почтенной силѣ.

Съ появленіемъ пѣхоты, ставшей бивакомъ на нашей позиціи, первоначальная роль наша кончилась. Три эскадрона отошли назадъ въ городъ, одинъ остался впереди на аванпостахъ.

Надо удивляться, какимъ образомъ турки даже не пробовали удержатъ насъ на Янтрѣ, имѣя такую сильную и важную въ стратегическомъ отношеніи позицію; какъ, на другой день, они не попытались атаковать насъ! Это можно объяснить только паникой, которую навела на турокъ славная переправа у Систова, послѣ которой они бѣжали безъ оглядки, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, какъ намъ передавали впоследствии плѣнные, что, видя передъ собой спѣшенныхъ драгуновъ, съ ружьями и штыками, они были убѣждены, что Бѣла занята не высланной впередъ кавалерійской частью, а уже подоспѣвшею на мѣсто пѣхотой, вслѣдствіе чего и не рѣшились насъ атаковать.

Вернувшись въ городъ, мы застали уже много болгаръ, высыпавшихъ на улицы. Видя, что турки отступили и русскія войска заняли городъ, «братушки» совсѣмъ успокоились и стали выносить солдатамъ хлѣбъ, баранину, вино. Незадолго передъ тѣмъ пустынный городъ ожилъ: зашумѣли, забѣгали; зажгли огни, появился обозъ, поставили котлы, заварили пищу, начались оживленные разговоры. Наконецъ удалось драгунамъ хорошо поужинать и спокойно уснуть.

Такъ закончился день занятія моста на Янтрѣ у города Бѣлы. Въ теченіе 36 часовъ лошадей не разсѣдывали, люди не выходили изъ сѣдла, не ѣли горячей пищи и, на первый разъ, сильно утомились.

III.

Подъ Рушукомъ на аванпостахъ.

По переходѣ войскъ черезъ Дунай и при дальнѣйшемъ движеніи арміи впередъ, Главнокомандующій призналъ необходимымъ 12-й и 13-й армейскіе корпуса соединить въ отдѣльный отрядъ, назначивъ ему особую цѣль дѣйствій въ окрестностяхъ крѣпости Рушука.

Общее начальство надъ этимъ отрядомъ, которому присвоено названіе *рушукскаго отряда*, ввѣрено Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Для исправленія должности начальника штаба рушукскаго отряда назначенъ командиръ 12-го армейскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Ванновскій. Командованіе же нашимъ 12-мъ корпусомъ возложено на Его Императорское Высочество Великаго Князя Владиміра Александровича.

Наслѣдникъ Цесаревичъ вступилъ въ командованіе отрядомъ 25-го іюня, по присоединеніи 13-го армейскаго корпуса къ 12-му. Такимъ образомъ, черезъ три дня послѣ перехода нашего за Дунай, мы вступили въ составъ рушукскаго отряда, въ которомъ и оставались до конца кампаніи.

Въ это время общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны было слѣдующее: передовой отрядъ генералъ-лейтенанта Гурко и за нимъ 8-й корпусъ генералъ-лейтенанта Радецаго направлены къ Балканамъ; на лѣвомъ флангѣ—рушукскій отрядъ; на крайнемъ лѣвомъ флангѣ—14-й корпусъ генералъ-лейтенанта Циммермана вступилъ въ Добруджу; на правомъ флангѣ—9-й корпусъ генералъ-лейтенанта барона Криденера направленъ къ Никополю.

Первоначальное движеніе этихъ отрядовъ сопровождалось всюду рядомъ успѣховъ. На Дунаѣ заняты Тульча, Бабадагъ, Гирсово и Систово. Кавалерія рушукскаго отряда, занявъ Бѣлу, двинулась далѣе къ Рушуку и Разграду. Генералъ Гурко, быстрымъ движеніемъ, уже 27-го іюня занялъ Тырновъ, древнюю столицу Болгаріи. Баронъ Криденеръ 3-го іюля овладѣлъ Никополемъ.

Перехожу къ дѣйствіямъ полка. 25-го іюня, дивизія наша, составляя авангардъ рушукскаго отряда, получила приказаніе сняться съ бивака у города Бѣлы и тремя колоннами слѣдовать въ направленіи

къ Рущуку. Главныя силы дивизіи: 12-й донской казачій полкъ съ донской батареей и 12-й драгунскій Стародубовскій полкъ съ 19-й конной батареей (10 эскадроновъ, 12 орудій), составляя среднюю колонну, направлены по рущукскому шоссе—на деревню Дольній-Монастырь; лѣвая колонна — 12-й уланскій Бѣлогордскій полкъ—на дер. Беланову; правая колонна — 12-й гусарскій Ахтырскій полкъ — на дер. Балабанларъ, отрядивъ эскадронъ на Капровицы, для охраненія крайняго праваго фланга. Пройдя по шоссе полъ дороги и никого не встрѣтивъ на пути, мы остановились на привалѣ у разоренной корчмы: небольшой бѣлый каменный домикъ, посерединѣ крытый дворъ, по обѣ стороны двѣ комнатки, позади навѣсъ для лошадей. Такія станціи встрѣчаются по всему шоссе, въ разстояніи отъ 5 до 10 верстъ, и носятъ въ Турціи общее названіе «ханъ».

На шоссе отъ Бѣлы до Рущука, на протяженіи около 45 верстъ, шесть такихъ хановъ, однообразной постройки; всѣ они ярко-бѣлаго цвѣта и издали видѣются по дорогѣ. Пока отдыхали на привалѣ, получено отъ казаковъ, шедшихъ въ авангардѣ, донесеніе, что сирава показался непріятель. Въ цѣпи наѣзтниковъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ.

Тогда, для прикрытія нашего дальнѣйшаго наступательнаго движенія съ праваго фланга, 2-й эскадронъ драгуновъ немедленно отраженъ въ боковой авангардѣ. Прикрытые съ фронта и фланга, мы двинулись далѣе. Дорогой, разѣзды наши захватили въ плѣнъ турецкаго солдата, какъ оказалось низама, артилериста. Какъ первый плѣнный, взятый нами, онъ возбудилъ во всѣхъ общее любопытство; особенно солдаты разсматривали его съ удивленіемъ, подшучивали и острили на его счетъ. Изнуренный, тощій, жиденькій турокъ былъ ужасно взволнованъ, пугливо озирался и видимо ожидалъ, что его тотчасъ же убьютъ. Допрошенный переводчикомъ, онъ показалъ только, что впереди насъ значительныя силы отступаютъ къ Рущуку, и что онъ отсталъ отъ своей части.

Къ вечеру мы пришли въ деревню Дольній-Монастырь, гдѣ, съ конной батареей и штабомъ дивизіи, расположились на бивакѣ. Шедшіе впереди казаки прошли далѣе по шоссе до деревни Обретеникъ. Дольній-Монастырь небольшая деревня, лежащая въ долинѣ, на склонахъ горъ; лѣса и виноградники закрываютъ мѣстность; внизу, какъ на двѣ котла, ничего не видно. Въ деревнѣ три отдѣльныхъ квартала, налѣво—болгарскій, направо—турецкій и черкесскій, по срединѣ—базарная площадь и корчма, нѣсколько каменныхъ фонтановъ, кругомъ сады. Это общій типъ всѣхъ болгарскихъ деревень, черезъ которыя мы проходили; вездѣ мы нахо-

дили турецкіе и черкесскіе кварталы пустыми, разоренными, ни разу не нашли въ деревнѣ ни одного турка; все это заранѣе, со всеѣмъ скорбомъ, выселялось при нашемъ появленіи; одни болгары оставались полными хозяевами деревень. Кромѣ этихъ трехъ отдѣльныхъ кварталовъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ попадаются еще цыганскія хаты. Черкесскія же сакли вездѣ стоятъ особнякомъ. Турецкое правительство, по выселеніи нашихъ черкесовъ съ Кавказа, размѣстило ихъ по всей сѣверной Болгаріи, гдѣ въ каждой деревнѣ нѣсколько черкесскихъ семей держали въ страхѣ все болгарское населеніе.

Мы давно размѣстились въ пустыхъ сакляхъ турецкаго квартала; уже смеркалось, а 2-й эскадронъ, отдѣленный въ боковой авангардѣ, еще не возвращался. Когда совсѣмъ стемнѣло, то въ ночной тишинѣ раздалась веселія, боевыя пѣсни, и въ деревню вступилъ эскадронъ, имѣвшій въ этотъ день жаркую стычку съ непріятелемъ. Люди, возбужденные первымъ дѣломъ, орали во все горло, а въ рядахъ раздавался громкій говоръ. Всѣ мы вышли на встрѣчу эскадрона; начальникъ дивизіи поздравилъ драгуновъ съ огненнымъ крещеніемъ и поблагодарилъ молодцовъ. Позади слышались стоны раненыхъ, за эскадрономъ вели нѣсколькихъ плѣнныхъ, вооруженныхъ турецкихъ крестьянъ. Развели огни, забѣгали фельдшера, зашумѣла, оживилась деревня.

Командиръ 2-го эскадрона донесъ, что, посланный въ боковой авангардѣ, онъ съ эскадрономъ и сотнею казаковъ далеко выдвинулся впередъ, доѣхавъ почти до деревни Батинцы. Тутъ по развѣздамъ дано было нѣсколько выстрѣловъ, и они увидали недалеко по дорогѣ громадный обывательскій турецкій транспортъ, который гналъ скотъ въ Рушукъ. Въ транспортѣ было до 200 головъ скота, 150 овецъ и 50 повозокъ. Когда они приблизились къ транспорту, конвой, который оказался вооруженнымъ, попрятавшись за повозками, открылъ по нимъ сильный ружейный огонь. Тогда драгуны и казаки бросились на нихъ въ шашки, и началась отчаянная рубка. Болѣе 40 турокъ изрублены на повозкахъ; съ нашей стороны раненъ сотенный командиръ, два драгуна убиты и три ранены, изъ нихъ два тяжело. Наступленіе темноты, удаленіе отъ отряда и появленіе непріятельской пѣхоты не дали эскадрону возможности воспользоваться добычей. Разоривъ весь транспортъ, командиръ эскадрона собралъ людей и вернулся на бивакъ.

Приведенные немедленно къ допросу, плѣнные показали, что, съ переходомъ русскихъ за Дунай, турецкое правительство, черезъ своихъ запѣвѣвъ (жандармовъ), прислало имъ ружья и приказало жителямъ изъ всѣхъ деревень съ имуществомъ перебираться въ Рушукъ, всюду сопротивляясь русскимъ. Въ тотъ же день гусарскій эскадронъ также

напалъ по дорогѣ на небольшой обывательскій транспортъ, и присланный къ намъ плѣнный показалъ то же самое.

Долго въ этотъ вечеръ горѣли огни на бивакѣ и велась оживленная бесѣда.

На другой день, 26-го іюня, мы все утро простояли спокойно. Полковой священникъ, отецъ Іоаннъ, маститый старецъ, который впоследствии безотлучно всюду провожалъ полкъ, участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ, дѣлилъ съ нами всѣ труды, лишенія и опасности, отслужилъ первую панихиду по убитымъ. Горячо, усердно молились солдаты о павшихъ въ бою товарищахъ; со всей деревни собрались болгары. Проста, но величественна эта служба въ полѣ! Затѣмъ подали первую помощь раненымъ. Одинъ оказался прострѣленнымъ въ грудь и въ руку, причемъ круглая пуля гладкостѣннаго ружья большого калибра застряла у него въ спинѣ; рядомъ лежалъ молоденькій, красивый драгунъ съ прострѣленной ногой. Въ лихорадочномъ возбужденіи они рассказывали намъ, какъ, наканунѣ, рубили турокъ. Пока ихъ оперировали, подъ хлороформомъ, чтобы вырѣзать пули, они все время распѣвали пѣсни. Когда ихъ отправили въ госпиталь, они плакали, прощаясь съ полкомъ и все надѣялись скоро снова стать въ ряды товарищей. Но не суждено было вернуться первымъ раненымъ; одинъ вскорѣ умеръ, другой, съдѣлавшись калѣкой, уволенъ въ отставку. Такимъ образомъ мы потеряли четырехъ человекъ, пятый легко раненый остался въ строю.

Вечеромъ того же дня пришло извѣстіе, что впереди насъ, у Обретеника, на казаковъ наступаетъ непріятель. Скоро раздались орудіиные выстрѣлы, все чаще и громче долетая до насъ. Полкъ съ конной батареей изготовился по тревогѣ и на рысяхъ помчался на выстрѣлы, чтобы поддержать казаковъ. Только выѣхали мы изъ деревни, какъ противъ насъ, въ пустомъ черкесскомъ кварталѣ, загорѣлась хата. Пламя скоро охватило всю избу, огненнымъ языкомъ высоко взвиваясь къ небу. Въ эту минуту мы не обратили вниманія на это обстоятельство; какимъ образомъ загорѣлся пожаръ, кто поджегъ хату въ то время какъ мы спѣшили на помощь къ казакамъ—неизвѣстно. Впоследствии однако мы замѣтили, что это условный сигналъ, подаваемый туркамъ, когда съ нашей стороны подходили подкрѣпленія. Противникъ нѣсколько разъ весьма удачно пользовался этимъ способомъ передачи свѣдѣній. Кто служилъ имъ при этомъ, болгары или укрывавшіеся турки, сказать нельзя, потому что виновные ни разу не были найдены.

До Обретеника болѣе чѣмъ на пять верстъ шоссе извилисто подымается въ гору. Мы все шли рысью, путаясь въ телеграфной прово-

локъ, сброшенной со столбовъ на дорогу. Когда полкъ поднялся на гребень высоты, надъ нимъ пролетѣла первая граната и разорвалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, разбивъ казачью повозку. На минуту полкъ остановился; вытянуться длинной кишкой по гребню, значило подвергнуться продольному огню турецкой артилеріи. Но свернуть съ шоссе оказалось невозможнымъ, казаки ждали помощи, мѣшкать не приходилось. Прибавивъ ходу, полкъ галопомъ вѣхалъ на высоту. Нѣсколько гранатъ, пущенныхъ въ насъ, пролетѣли надъ головами, и мы наконецъ доскакали до Обретеника. Тутъ на позиціи распорядился командиръ 12-го казачьяго полка, полковникъ Хрещатицкій, который, съ шестью сотнями и донской батареей, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ удерживалъ позицію въ три версты. Почти весь полкъ былъ спѣшенъ и отстрѣливался. На огонь казачьей батареи отвѣчали четыре турецкихъ орудія; съ обѣихъ сторонъ сдѣлано болѣе 40 выстрѣловъ. Непріятельская цѣпь подходила уже къ самой деревнѣ. Тутъ убитъ одинъ урядникъ, ранены два казака и много лошадей. По указаніямъ полковника Хрещатицкаго, такъ удачно распоряжавшагося боемъ, одинъ эскадронъ въ пѣшемъ строю занялъ деревню; другой эскадронъ спѣшился вправо отъ шоссе; дивизіонъ съ конной батареей въ центрѣ. Съ появленіемъ драгунъ огонь сталъ утихать и непріятель отступилъ по всей линіи. Совершенно стемнѣло и преслѣдовать не было возможности; мы остались на позиціи въ полной готовности. Въ цѣпи по временамъ раздавались выстрѣлы, всѣ были на сторожѣ.

Съ развѣдомъ сильные разѣзды драгунъ, посланные по всѣмъ направленіямъ, донесли, что непріятель отступилъ верстъ на восемь отъ деревни Домогилы, лежащей верстахъ въ пяти отъ насъ. По близости остались одни только черкесы, которые, небольшими партіями рыская въ окрестностяхъ и пользуясь крайне пересѣченной мѣстностью, постоянно тревожили наши разѣзды и сторожевую цѣпь. Изъ допросовъ мѣстныхъ жителей мы узнали, что войска, атаковавшія насъ наканунѣ, были подъ начальствомъ Фуада-паши, который съ отрядомъ изъ пѣхоты и кавалеріи, при четырехъ орудіяхъ, производилъ рекогносцировку. Въ виду быстрого наступленія нашего на Рушукъ, онъ былъ высланъ съ цѣлью сбить наши передовыя части кавалеріи и осмотрѣть силу и расположеніе нашихъ войскъ. Энергическое сопротивление, оказанное казаками у Обретеника, и быстрое появленіе драгунъ, принудили турецкій отрядъ, не окончивъ рекогносцировку, отступить въ направленіи къ Рушуку.

Постоянно слѣдуя впереди, въ двухъ и болѣе переходахъ отъ главныхъ силъ, кавалерія наша имѣла частыя стычки съ непріателемъ и

съ боемъ удерживала занятые мѣста до прибытія подкрѣпленій. Съ приходомъ пѣхоты мы отдыхали день, другой, потомъ снова высылались далеко впередъ и сходились съ противникомъ. Какъ въ Бѣлѣ, такъ и послѣ дѣла подъ Обретеникомъ, пѣхота на другой день вечеромъ, быстрымъ маршемъ, подошла къ намъ. На этотъ разъ пришелъ 130-й Херсонскій полкъ, съ которымъ впослѣдствіи мы участвовали во многихъ дѣлахъ и близко породнились въ бою.

Съ прибытіемъ пѣхоты мы расположились бивакомъ на позиціи: въ центрѣ двѣ конныя батареи, на лѣвомъ флангѣ казаки, на правомъ драгуны; одинъ баталіонъ пѣхоты въ резервѣ, другой занялъ деревню Обретеникъ, третій, съ эскадрономъ драгунъ, выдвинуть впередъ къ деревнѣ Домогилѣ; части эти смѣнялись черезъ сутки. Такимъ образомъ мы ежедневно высылали два эскадрона на аванпосты и, вмѣстѣ съ казаками, наблюдали пространство по обѣ стороны рушукскаго шоссе, отъ Домогилы до Абланова, гдѣ входили въ связь съ уланами, протянувшими цѣпь до Дуная.

На другой день послѣ прихода нашего въ Обретеникъ, когда непріятель, только что отступившій, стоялъ еще по близости, полкъ сорвался съ коновязей. Случилось это такимъ образомъ. По мѣстнымъ условіямъ мы не стали бивакомъ въ общей полковой колоннѣ, а имѣли эскадроны разбросанными. 1-й эскадронъ стоялъ позади другихъ на высотѣ. Въ ночь съ 27-го на 28-е іюня поднялась буря; темень была страшная, проливной дождь, вѣтеръ и гроза. Пахатная земля совсѣмъ размокла; колышки, къ которымъ отдѣльно привязывалась каждая лошадь, не держались въ растворившейся почвѣ. Молнія ударила возлѣ 1-го эскадрона, лошади въ испугѣ шарахнулись и спустились внизъ на 2-й эскадронъ; къ нимъ пристали остальные и скоро почти весь полкъ понесся карьеромъ, взявъ направленіе на непріятеля. Минута была критическая. Разбуженные топотомъ лошадей и криками, мы думали, что это ночное нападеніе, но скоро увидали, что мчатся наши же лошади. Оставшіеся взводы были тотчасъ же посланы въ погоню; дѣльный день ловили лошадей, и только къ вечеру собрался весь полкъ, потерявъ однако до 80 лошадей, которыхъ нельзя было поймать: онѣ быстрѣе другихъ понеслись къ непріятелю, и нѣкоторые, какъ рассказывали болгары, усаkali до Рушука, гдѣ ихъ переловили турки.

Четыре дня мы простояли спокойно, потерявъ изъ вида непріятеля. Вслѣдствіе этого 1-го іюля посланъ дальній развѣздъ, въ составѣ одного эскадрона, подъ начальствомъ майора Канукова, для развѣдки мѣстности и непріятеля, къ сторонѣ Рушука и къ берегамъ Ломы.

Съ разсвѣтомъ эскадронъ выступилъ съ бивака и только поздно

ночью вернулся назадъ, сдѣлавъ до 50 верстъ. Развѣдка, произведенная майоромъ Кануковымъ, можетъ считаться образцовою по смѣлости предпріятія, точности и полнотѣ добытыхъ свѣдѣній и осторожности исполненія. Выйдя за цѣпь аванпостовъ и выславъ во все стороны развѣзды, онъ съ эскадрономъ проѣхалъ на 20 верстъ впередъ по шоссе, до станціи Ханъ-Гюль-Чесме, лежащей всего въ 15 верстахъ отъ Рушука. Здѣсь онъ напалъ на свѣжій слѣдъ бивака. По тщательному осмотру его, исчислилъ силу отряда въ 30—40 таборовъ съ 4-мя батареями. Нѣкоторые примѣты указывали на то, что подъ конецъ здѣсь оставался только небольшой аріергардъ, который снялся съ бивака наканунѣ и пошелъ въ Рушукъ. Изъ Ханъ-Гюль-Чесме Кануковъ съ нѣсколькими офицерами и драгунами скрытно подѣхалъ къ Лому, у деревни Иванъ-Чифтликъ. Здѣсь онъ увидалъ, на правомъ берегу Лома, непріятельскіе посты и позади отдѣльные отряды; далѣе замѣтно было движеніе войскъ. Изъ всего этого можно было заключить, что непріятель, отступая передъ нами на Рушукъ, остановился на бивакѣ у Ханъ-Гюль-Чесме, но съ нашимъ появленіемъ у Обретеника окончательно отступилъ къ Рушуку, и теперь главные силы слѣдовали изъ Рушука по шоссе на Шумлу. Свѣдѣнія эти, добытыя Кануковымъ, вполне выяснили положеніе дѣлъ и точность ихъ скоро обнаружилась. Слѣдуя изъ Рушука фланговымъ маршемъ, относительно нашего расположенія, и прикрываясь теченіемъ рѣки Лома, турки высылали вдоль Лома боковые авангарды, которые, переходя рѣку, тревожили наши передовыя кавалерійскіе отряды. Этимъ они хотѣли скрыть движеніе главныхъ силъ, шедшихъ по шоссе. Такъ, въ тотъ же день, на гусарскіе аванпосты сдѣлано нападеніе у Острицы на Ломѣ. Дивизіонъ драгуновъ, изъ Обретеника, на рысяхъ отправленъ былъ въ Батинцы, для поддержки гусаровъ. На слѣдующій день, турки сдѣлали нападеніе на правый флангъ нашихъ аванпостовъ, для чего, въ направленіи къ Пенелены, двинуть былъ одинъ баталіонъ Херсонскаго полка съ эскадрономъ драгуновъ. Все это ясно указывало, что турки изъ Рушука направляютъ большія силы по рушукско-шумлинскому шоссе.

Въ Рушукѣ въ то время почти не оставалось войскъ; къ тому же паника, произведенная быстрымъ нашимъ наступленіемъ, послѣ перехода черезъ Дунай, была такъ велика, что это, быть можетъ, было единственное во всю кампанію время, когда занятіе Рушука открытой силой представлялось предпріятіемъ возможнымъ и съ полнымъ шансомъ на успѣхъ.

Подробное донесеніе о рекогносцировкѣ, произведенной майоромъ Кануковымъ, съ 1-мъ эскадрономъ драгуновъ въ окрестностяхъ Рушука,

немедленно сообщено въ корпусный штабъ. Такъ какъ изъ донесенія этого слѣдовало, что непріятель, отступивъ, очистилъ рушукское шоссе, то вслѣдъ за симъ сдѣлано распоряженіе о переходѣ 12-го корпуса въ наступленіе. 6-го іюля мы получили слѣдующее приказаніе: авангарду, въ составѣ 1-й бригады 33-й пѣхотной дивизіи (129-й Бессарабскій и 130-й Херсонскій полки), 12-го драгунскаго Стародубовскаго и 12-го уланскаго Бѣлогородскаго полковъ, 19-й конной, 5-й донской казачьей и одной пѣшей батареи, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона Дризена, слѣдовать по рушукскому шоссе изъ Обретеника въ Ханъ-Гюль-Чесме. Для прикрытія этого движенія, которое относительно непріятеля, расположеннаго на правомъ берегу Лома, было флангово-наступательнымъ маршемъ, отъ главнаго авангарда высланы въ боковой авангардъ 12-й драгунскій полкъ съ баталіономъ Херсонскаго полка, коимъ приказано слѣдовать вдоль лѣваго берега Лома и, посылая гдѣ можно разъѣзды на противоположный берегъ, прикрывать съ праваго фланга движеніе главной колонны.

Намъ предстоялъ длинный кружной путь изъ Обретеника черезъ Домогилу вдоль Лома на Ханъ-Гюль-Чесме. Выступивъ рано утромъ, мы только вечеромъ присоединились къ главному отряду. Движеніе наше еще больше замедлилось пѣхотой. Ограничиваясь обыкновенно однимъ приваломъ, мы въ этотъ день четыре раза дѣлали продолжительныя остановки, чтобы дать подтянуться и отдохнуть пѣхотѣ, изнемогавшей отъ жары, усталости и жажды. На всемъ пути намъ попался только одинъ фонтанъ, отъ котораго съ трудомъ можно было оторвать людей. Вообще движеніе пѣхоты съ кавалеріей въ общей колоннѣ, необходимое вблизи отъ непріятеля, страшно утомляетъ оба рода оружія, чрезчуръ замедляя движеніе кавалеріи и чрезмѣрно напрягая силы пѣхоты. На высотѣ нашей колонны, вдоль изгибовъ рѣки, слѣдовалъ взводъ драгуновъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Лихтанскаго. У деревни Кошево, съ противоположнаго берега рѣки, по разъѣзду сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ; тогда одинъ унтеръ-офицеръ переправился въ бродъ и, подѣхавъ къ деревнѣ, увидалъ черкеса, взбравшагося на дерево, откуда онъ стрѣлялъ по разъѣзду. Мѣткимъ выстрѣломъ смѣльчакъ свалилъ на землю черкеса и, снявъ съ него великолѣпное магазинное ружье и поясъ съ патронами, благополучно переправился назадъ къ своему взводу. Ружье это, какъ первый цѣнный трофей полка, было поднесено черезъ начальника отряднаго штаба Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу. Унтеръ-офицеръ же этотъ, неоднократно отличившійся внослѣдствіи смѣлыми подвигами, былъ изъ первыхъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена.

Вечеромъ мы наконецъ вышли на шоссе и присоединились къ отряду, уже давно отдохавшему на бивакѣ. Одинъ эскадронъ остался ночью на аванпостахъ, на мѣстности совершенно незнакомой. Въ этихъ случаяхъ на долю кавалеріи выпадаетъ тяжелая служба. Послѣ утомительнаго длиннаго перехода, когда остальные части, добравшись до бивака, варятъ пищу и ложатся спать, кавалеристъ сторожитъ товарищей. Не разсѣдывая, не слѣзая съ лошади, усталый, голодный, одинъ, не зная мѣстности, онъ всю ночь стоитъ на-готовѣ. Эта самая утомительная, самая трудная служба въ военное время. Не видная, не блестящая, мало цѣнимая—она требуетъ страшнаго напряженія силъ, выносливости, спокойствія, смѣлости и безграничной рѣшимости.

7-го іюля, рано утромъ, къ намъ пріѣхалъ генеральнаго штаба полковникъ Левицкій, посланный изъ отряднаго штаба для производства рекогносцировки передъ правымъ флангомъ нашихъ позицій, по теченію Ломы, отъ Иванъ-Чифтлика къ селеніямъ Бужисма и Красное. Взявъ съ собой 2-й эскадронъ 12-го драгунскаго полка и одну роту изъ 1-го баталіона 130-го Херсонскаго полка, полковникъ Левицкій выступилъ съ бивака въ направленіи къ Иванъ-Чифтлику, гдѣ выѣхалъ на линію нашихъ аванпостовъ. Впереди шелъ эскадронъ, разсыпавъ цѣль наѣздниковъ, за нимъ—рота. Скоро передъ нашими разѣздами стали шнырять черкесы; число ихъ все увеличивалось, и они стали медленно отходить, перестрѣливаясь съ драгунами. Отрядъ продолжалъ наступать. Поднявшись на высоты Бужисмы, онъ замѣтилъ движеніе турецкой пѣхоты, вышедшей изъ передоваго лагеря у селенія Басарбово, лежащаго въ пяти верстахъ ниже по Лому, на противоположномъ берегу. Черкесы, предупредивъ пѣхоту о нашемъ наступленіи, видимо хотѣли отрѣзать нашъ маленькій отрядъ, далеко вышедшій впередъ. Скоро около двухъ сотенъ черкесовъ переправились черезъ Ломъ, между Бужисмой и Краснымъ и, открывъ сильный огонь, потѣснили 2-й эскадронъ, половина котораго была разсыпана.

Въ это время турецкая пѣхота, съ противоположнаго берега, завязала перестрѣлку съ ротою херсонцевъ. Положеніе становилось критическимъ, когда другая сотня черкесовъ, скрытно обойдя отрядъ тѣмъ берегомъ, спустилась у Иванъ-Чифтлика и, перейдя Ломъ, заѣхала намъ въ тылъ. Тогда рота и эскадронъ оказались неожиданно окруженными со всѣхъ сторонъ тремя сотнями черкесовъ, поддержанными пѣхотой. Рота, нѣсколькими залпами очистивъ себѣ дорогу, стала медленно отходить, останавливаясь и стрѣляя спокойно, по командѣ. Черкесы же, кружась передъ нами въ разсыпную, подѣзжали на близкое раз-

стояніе давали нѣсколько выстрѣловъ и быстро отъѣзжали, атаковать же они не рѣшались. Когда же разсыпанные драгуны, преслѣдуемые черкесами, собрались къ полуэскадрону, то ударили на черкесовъ въ шашки, и поддержанные огнемъ пѣхоты, заставили ихъ отойти назадъ и уступить намъ высоты у Иванъ-Чифтлика. Въ этой схваткѣ у насъ убито шесть человѣкъ и два ранены, но за то и не мало черкесовъ пало подъ тяжелыми и вѣрными ударами драгуновъ. Въ ротѣ убито семь человѣкъ и 12 ранено. Всего мы потеряли 27 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Въ этомъ же дѣлѣ чуть не погибъ молодой прапорщикъ нашего полка, князь Яшвилъ. Въ началѣ перестрѣлки высланный отъ аванпостовъ 4-го эскадрона, съ однимъ унтеръ-офицеромъ и однимъ рядовымъ, узнать, что дѣлается на правомъ флангѣ, онъ далеко выѣхалъ впередъ и, настигнутый черкесами, едва усакалъ отъ нихъ. Черкесы долго гнались, стрѣлая въ слѣдъ. Одного отставаго драгуна они настигли и изрубили, подъ княземъ Яшвилъ ранили лошадь и почти догнали, когда унтеръ-офицеръ, уложивъ изъ винтовки ближайшаго, подаль коня офицеру и усакалъ съ нимъ отъ погони.

Когда нашъ отрядъ показался на высотахъ противъ Иванъ-Чифтлика, дежурная часть, — два эскадрона улановъ при взводѣ конной артилеріи, — прискакала на выстрѣлъ. Съ появленіемъ ея черкесы быстро усакали. Первая вернулась рота, при ней былъ полковникъ Левицкій; одинъ въ бѣломъ кителѣ, служа цѣлью для выстрѣловъ, онъ все время шелъ съ ротой, ободряя людей своимъ спокойствіемъ. Скоро показался и эскадронъ. Впереди шли пѣшкомъ драгуны, ведя подъ уздцы лошадей, черезъ сѣдла коихъ были перекинута убитые и раненые. Противникъ же, потерявшій болѣе 50 человѣкъ убитыми, отступилъ такъ быстро, что многихъ не успѣлъ подобрать. На скатѣ къ Лому валялись трупы людей и лошадей. Ближе къ намъ, почти у самыхъ постовъ, лежалъ красивый горнецъ въ желтой черкескѣ и красныхъ башмакахъ, съ богатымъ оружіемъ. Съ головы спала папахъ, черепъ былъ разрубленъ ударомъ шашки. Смѣльчакъ, заскакавши въ ряды драгуновъ, замahнулся на одного шашкой, драгунъ отклонился, и острая шашка черкеса пополамъ перерѣзала шею лошади у самой холки. Рослый же драгунъ сильнымъ ударомъ сшибъ черкеса, перерубивъ ему черепъ. Вообще надо отдать справедливость черкесамъ: выросшіе въ бою на Кавказѣ, они составляютъ самую лучшую часть кавалеріи турокъ. Посаженные на маленькихъ, быстрыхъ, выносливыхъ лошадяхъ, осѣдланныхъ легкимъ казачьимъ сѣдломъ, безъ вьюка, съ магазиннымъ ружьемъ и острой шашкой, неутомимые, предприимчивые, смѣлые въ одиночномъ бою, они постоянно тревожили наши аванпосты,

и мы многому отъ нихъ научились. Выростая какъ изъ земли и неожиданно нападая на отдѣльные посты и развѣзды, они въ мигъ рассыпались и исчезали при появленіи силы, никогда не принимая атаку. Въ бою черкесъ часто слѣзаетъ съ лошади и, кладя ружье поперекъ сѣдла, вѣрно прицѣливается и мѣтко бьетъ. Убитыхъ и раненыхъ онъ не бросаетъ и, во время самого дѣла, необыкновенно ловко ихъ подхватываетъ и увозитъ. Даже съ убитыхъ лошадей успѣваютъ снимать сѣдла. Во время всей кампаніи, не только ни одинъ черкесъ живымъ не попалъ намъ въ руки, но и мертвые попадались намъ рѣдко. Въ дѣлѣ 7-го іюля мы въ первый разъ нашли брошенные трупы черкесовъ.

Вернувшись на бивакъ, мы въ тотъ же вечеръ предали землѣ павшихъ товарищей. Ихъ похоронили у фонтана, возлѣ разоренной станціи Ханъ-Гюль-Чесме. Горячо помолились надъ ними драгуны, водрузивъ деревянный крестъ надъ общей могилой. Не разъ проѣзжали мы здѣсь впослѣдствіи и, останавливаясь поить лошадей у фонтана, крестились надъ могилой товарищей.

На другой день послѣ дѣла подъ Иванъ-Чифтликкомъ, весь 12-й корпусъ сосредоточился на высотѣ Ханъ-Гюль-Чесме. Мы еще продвинулись на нѣсколько верстъ впередъ, и кавалерія заняла передовую цѣпью гребень высотъ отъ Дуная, впереди Пиргоса до Иванъ-Чифтлика на Ломѣ. Влѣво отъ шоссе до Дуная стала 12-я пѣхотная дивизія, вправо до Лома 33-я пѣхотная дивизія. Это былъ конечный пунктъ нашего наступленія; 9-го іюля мы остановились въ 12 верстахъ отъ Рушукъ. Идти далѣе, не осаждая крѣпости, не было возможности. Впереди насъ до самого Рушукъ разстилалась ровная и открытая мѣстность. Съ передовыхъ постовъ ясно видѣлись отдѣльные форты—Левантъ-Табія, Ломъ-Табія, Эюбъ-Табія, которыми обнесена крѣпость съ южной и восточной сторонъ; съ крайнихъ постовъ на Дунаѣ видѣнъ былъ самый городъ.

Съ приходомъ нашихъ войскъ подъ Рушукъ произведенъ былъ рядъ рекогносцировокъ. На другой день по сосредоточеніи 12-го корпуса, къ намъ пріѣхалъ начальникъ отряднаго штаба, генералъ-лейтенантъ Ванновскій. Осмотрѣвъ наши позиціи, размѣстивъ на ней войска, онъ сдѣлалъ распоряженія объ укрѣпленіи мѣстности земляными работами; отсюда онъ проѣхалъ на наши аванпосты, гдѣ, именемъ Его Высочества, благодарилъ молодцовъ-драгуновъ, все время шедшихъ въ авангардъ, имѣвшихъ рядъ удачныхъ стычекъ съ непріятелемъ и съ бою проложившихъ путь отряду, благополучно доведя его до стѣнъ Рушукъ. Съ нашихъ постовъ начальникъ штаба долго разсматривалъ въ бинокль расположеніе непріятеля, видѣвшіеся на горизонтѣ от-

дѣльные форты грозной крѣпости и слушалъ донесенія начальниковъ аванпостныхъ участковъ. Проѣхавъ послѣдній нашъ постъ, начальникъ штаба, въ сопровожденіи своего помощника и меня, съ нѣсколькими драгунами, выѣхалъ за цѣпь и переѣхалъ на противоположный берегъ Лома, не занятый нашими аванпостами. Отѣхавъ съ полъ версты, мы увидали у фонтана болгарина съ разрубленной головой; несчастный до-тащился до воды и умеръ, истекая кровью. Далѣе намъ попадались на встрѣчу болгары, бѣжавшіе въ страхѣ изъ сосѣднихъ деревень, гдѣ рѣзали ихъ черкесы и баши-бузукки. По всему было видно, что непріятель тутъ, и что онъ хозяйничаетъ на этомъ берегу Лома. Тѣмъ не менѣе, нашъ развѣздъ изъ шести человѣкъ благополучно проѣхалъ по мѣстности, занятой противникомъ. Изслѣдовавъ правый берегъ Лома, мы доѣхали до Кошева, куда наканунѣ прибыла вторая бригада 33-й пѣхотной дивизіи, и возобновили связь съ отдѣльными частями отряда. Разставшись здѣсь съ начальникомъ штаба, мы, къ ночи, вернулись на свой бивагъ.

Къ вечеру слѣдующаго дня, 9-го іюля, съ праваго фланга нашихъ постовъ, примыкавшихъ къ Лому у Иванъ-Чифтлика, послышалось нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ изъ деревни Кадыкіой, лежащей на противоположномъ берегу Лома, въ прямомъ направленіи отъ насъ, въ пяти верстахъ отъ Иванъ-Чифтлика и въ 14-ти отъ Рущука. Пунктъ этотъ, по своему положенію весьма важный въ стратегическомъ отношеніи и въ послѣдствіи сильно укрѣпленный турками, прикрывалъ шоссе и желѣзную дорогу изъ Рущука въ Шумлу. Кадыкіой, большое зажиточное село, окутанное зеленою садовъ и виноградниковъ, съ высоко поднимающимся по срединѣ бѣлымъ минаретомъ, хорошо видно простымъ глазомъ съ нашихъ постовъ на Ломѣ. Пославъ въ этомъ направленіи развѣздъ и вооружившись биноклемъ, мы увидали возлѣ Кадыкіой наши войска и за ними большой красный флагъ корпуснаго командира. То былъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ, который, съ небольшимъ отрядомъ изъ трехъ сотенъ 37-го казачьяго полка и двухъ баталіоновъ 132-го Бендерскаго и 131-го Тираспольскаго пѣхотныхъ полковъ, при двухъ орудіяхъ донской артилеріи, производилъ въ этотъ день рекогносцировку изъ Трестеника къ Кадыкію. Цѣль рекогносцировки была развѣдать мѣстность, узнать о силахъ, сосредоточенныхъ въ окрестностяхъ Рущука, испортить телеграфъ и разрушить желѣзную дорогу, по которой, какъ было извѣстно изъ предъидущихъ развѣдокъ, непріятель отправлялъ большія силы изъ Рущука въ Шумлу. Дойдя до Кадыкіой, отрядъ остановился чтобы прикрыть и поддержать сотню, высланную для порчи желѣзно,

дороги и телеграфа. До вечера простоялъ здѣсь отрядъ. Между тѣмъ сотня, успѣвъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ подложить динамитъ и оборвать телеграфную проволоку, была настигнута черкесами, преслѣдовавшими ее до нашего отряда. Встрѣченные нѣсколькими выстрѣлами изъ казачьихъ орудій и завидѣвъ нашу пѣхоту, черкесы отступили. Вслѣдъ затѣмъ показалаcя турецкая пѣхота съ артилеріей и дала нѣсколько выстрѣловъ. Съ наступленіемъ темноты, присоединивъ къ себѣ сотню, небольшой отрядъ Великаго Князя, развѣдавъ противоположный берегъ, селеніе Кадыкѣй и далѣе шоссе и желѣзную дорогу, благополучно вернулся на лѣвый берегъ Лома, не преслѣдуемый непріателемъ и потерявъ всего двухъ убитыхъ и восемь раненыхъ.

На слѣдующій день вечеромъ, 10-го іюля, начальникъ штаба 12-й кавалерійской дивизіи, полковникъ Штрикъ, съ однимъ эскадрономъ драгунъ и однимъ эскадрономъ улановъ, произвелъ рекогносцировку непріятельскихъ позицій передъ лѣвымъ флангомъ нашихъ аванпостовъ. Въ этотъ день, противъ нашихъ постовъ передъ Пиргосомъ, на ближайшемъ гребнѣ высотъ, съ утра неожиданно показалаcя непріятельская цѣпь аванпостовъ. Вслѣдствіе этого можно было предположить, что турецкій отрядъ, посланный изъ Руцука, расположился впереди фортовъ, между крѣпостью и нашимъ расположеніемъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, надо было сбить непріятельскіе посты и вѣхаться на впереди лежащій гребень, за изгибомъ котораго скрывалась отъ насъ мѣстность. Разсыпавшись въ цѣпь, уланы смѣло на рысяхъ пошли впередъ, за ними въ резервъ шли драгуны. Непріятельскіе посты, открывъ сильный ружейный огонь, отступили; сбивъ ихъ, уланская цѣпь скоро рассыпалась по гребню, за ними вѣхалъ полковникъ Штрикъ и увидалъ недалеко отъ себя, впереди селенія Долабъ, — лагерь передоваго турецкаго отряда, скрыто расположеннаго въ складкѣ мѣстности. Вызванный въ ружье выстрѣлами съ аванпостовъ, отрядъ быстро всталъ на ноги и, въ составѣ четырехъ таборовъ пѣхоты, двухъ сотенъ черкесовъ, при двухъ батареяхъ, перешелъ въ наступленіе. Тогда полковникъ Штрикъ, отозвавъ наѣздниковъ и рассыпавъ оба эскадрона, чтобы не навлечь на себя огонь непріятеля, сталъ медленно отходить. Удачно произведенная рекогносцировка эта, заставивъ непріятеля выдти, открыла его силы и расположеніе и не стоила намъ ни одного человѣка.

Между тѣмъ непріятель продолжалъ открыто наступать на позицію, занятую 12-й пѣхотной дивизіей впереди Пиргоса на Дунаѣ. Двѣ батареи, девяти и четырехъ-фунтовыя, хорошо скрытыя земляной насыпью, молча ожидали непріятеля. Подпустивъ его на

близкій выстрѣлъ, онѣ открыли мѣткій огонь по наступившимъ колоннамъ пѣхоты и кавалеріи. Непріятель остановился и тотчасъ же сталъ отступать; черкесы, въ рядахъ коихъ удачно лопнуло нѣскольکو гранатъ, усакавали вразсыпную. Тогда на гребень вѣхала турецкая артилерія и учащеннымъ огнемъ стала отвѣчать нашимъ батареямъ. До темноты неумолкаемо гудѣли орудія. Занимая въ значительныхъ силахъ крѣпкую позицію, мы спокойно ожидали приближенія непріятели и, при громовыхъ раскатахъ выстрѣловъ, сквозь облака бѣлаго дыма, любовались на чудную картину заходящаго солнца. Мѣткій огонь нашей девяти-фунтовой батареи полковника Буда скоро заставилъ замолчать одну турецкую батарею; за ней и другая, перемѣнивъ нѣсколько разъ позицію, отступила. Это чисто-артилерійское дѣло, продолжавшееся нѣсколько часовъ, было ведено блистательно. Оно имѣло результатомъ, что непріятель, оставивъ передовой лагерь, отступилъ къ Руцукъ и совершенно очистилъ впереди лежащій гребень, который въ ту же ночь заняли наши аванпосты. Съ нашей стороны въ этомъ дѣлѣ потерь не было. Весь огонь, направленный на наши батареи, хорошо скрытыя, ложился позади ихъ, гдѣ вся земля была взрыта разрывами гранатъ, не причинившими намъ вреда. Непріятель же, стоявшій открыто, понесъ чувствительный уронъ, оставивъ на мѣстѣ обломки лафетовъ, колесъ, трупы лошадей; убитые же и раненые были имъ подобраны.

Этимъ закончился рядъ рекогносцировокъ, начатыхъ съ 1-го іюля. Турки всюду отступили, и вся мѣстность, по обѣимъ сторонамъ Лома, отъ Дуная до шумлинскаго шоссе, была изслѣдована и очищена отъ непріятели. Слѣдующіе затѣмъ дни мы спокойно стояли на аванпостахъ; впереди насъ не было даже турецкихъ постовъ, не раздался ни одинъ выстрѣлъ.

Этимъ временемъ войска наши стали возводить укрѣпленія, прочно устраиваться на бивакѣ. Всѣ понимали, что мы остановились на продолжительное время. Подойдя такъ близко къ Руцукъ, надо было выждать осадную артилерію, подвозъ боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ, прибытіе подкрѣпленій, чтобы начать осаду и обложеніе Руцукъ. Но послѣдующія событія на театрѣ военныхъ дѣйствій не дали возможности исполнить это намѣреніе и измѣнили цѣль и назначеніе руцукскаго отряда. На третій день по взятіи Никополя, 6-го іюля, войска девятаго корпуса получили приказаніе двинуться къ Плевнѣ. 7-го и 8-го іюля были первыя дѣла подъ Плевной, а съ ними и первыя неудачи. Передовой отрядъ генерала Гурко, 27-го іюня, овладѣвшій Тырновомъ, перевалилъ черезъ Балканы, 18-го іюля онъ

овладѣлъ уже Иени-Загрой, 19-го—Эски-Загрой и спускался въ долину розъ. Но и это побѣдоносное шествіе было пріостановлено. Въ сѣверо-западномъ углу Болгаріи выросла Плевна во всемъ ея грозномъ значеніи. Незнакомый до того городъ приковалъ общее вниманіе и потребовалъ напряженія всѣхъ боевыхъ силъ русской арміи. На Балканахъ остался одинъ восьмой корпусъ; отъ него до Дуная растянулась армія Наслѣдника Цесаревича, служа заслономъ для войскъ, сосредоточенныхъ подъ Плевной, отдѣляя ихъ отъ остальной турецкой арміи и прикрывая флангъ геройскихъ защитниковъ Шипки.

IV.

Подъ Разградомъ.

Въ началѣ іюля, генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ былъ назначенъ начальникомъ кавалеріи русскаго отряда. Принявъ непосредственное начальство надъ 2-й бригадой нашей дивизіи, онъ расположился у Кацелева, съ цѣлью связать войска 12-го и 13-го корпусовъ и дѣйствовать на сообщенія противника въ промежуткѣ между Русукомъ и Разградомъ.

15-го іюля графъ Воронцовъ съ отрядомъ изъ 2-й бригады 35-й пѣхотной дивизіи, входящей въ составъ 13-го корпуса, 138-го Болховскаго и 137-го Нѣжинскаго полковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тихменева, и 2-й бригады 12-й кавалерійской дивизіи подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Сталя, выступилъ изъ Кацелева въ направленіи къ Разграду. У деревни Езирдже, верстахъ въ 10-ти отъ Разграда, онъ наткнулся на авангардъ турецкой арміи, сосредоточенной у Разграда, подъ начальствомъ Азиса-паши. Съ шестью баталіонами графъ Воронцовъ атаковалъ вдвое сильнѣйшаго противника и въ жаркомъ дѣлѣ, въ которомъ войска наши дрались какъ львы, почти безъ выстрѣла идя въ штыки, нанесъ рѣшительное пораженіе туркамъ. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ около 200 человекъ убитыми и ранеными; потери же турокъ значительно больше, и въ числѣ ихъ убитъ начальникъ отряда Азисъ-паша, одинъ изъ талантливѣйшихъ турецкихъ генераловъ, предназначавшійся на должность начальника штаба въ арміи Мехметъ-Али-паши. Близость турецкой арміи, стоявшей у Разграда, не дала возможности графу Воронцову, съ незначительными силами,

преслѣдовать далѣе непріятеля и воспользоваться результатами одержанной побѣды; онъ отступилъ къ Кацелеву.

Въ тотъ же самый день, въ штабѣ 12-го корпуса, у Трестеника, получено было извѣстіе, что въ окрестностяхъ Разграда идетъ жаркій бой. Не зная еще причины, вызвавшей дѣло графа Воронцова у Езерджи, и могущія быть послѣдствія, легко можно было предположить, что турецкая армія наступаетъ изъ Разграда къ Лому, въ промежуткѣ между 12-мъ и 13-мъ корпусами, растянутыми на большое протяженіе. Въ такомъ духѣ получено первое донесеніе и, вслѣдствіе этого, приказано 2-й бригадѣ 33-й пѣхотной дивизіи немедленно слѣдовать изъ Кошева къ Пизанцѣ, на шоссе изъ Рущука къ Разграду, съ цѣлью поддержать, въ случаѣ надобности, отрядъ графа Воронцова, задержать наступленіе непріятеля и прикрыть правый флангъ 12-го корпуса. Мнѣ же, съ дивизіономъ драгуновъ, эскадрономъ улановъ, двумя конными орудіями и баталіономъ 130-го Херсонскаго полка, демонстрировать къ сторонѣ Рущука, для чего, перейдя Ломъ, занять Кадыкію, прикрывая, въ видѣ боковаго авангарда, войска, двинутыя на правый берегъ Лома къ сторонѣ Пизанцы. Черезъ нѣсколько часовъ мы были уже въ Кадыкію и, развернувъ боевой порядокъ, остановились на удобной позиціи. Непріятельскіе развѣзды отступили при нашемъ появленіи, и мы спокойно простояли здѣсь до вечера. Какъ сказано было выше, авангардъ турецкой арміи, разбитый въ этотъ день подъ Езирдже, отступилъ къ Разграду, и непріятель пока не намѣревался атаковать наши позиціи на Ломѣ. Двинутыя впередъ войска вернулись на свои биваки. Въ совершенной темнотѣ мы съ трудомъ переправились обратно черезъ Ломъ у Иванъ-Чифтлика. Рѣка здѣсь не широка, всего 30—40 сажень, но течетъ въ высокихъ, скалистыхъ берегахъ, отвѣсно падающихъ въ воду. Спускъ къ мосту идетъ съ обѣихъ сторонъ по крутой извилистой дорожкѣ, крайне затруднительной для движенія артилеріи. Ночью, придя на бивакъ, мы получили новое приказаніе: 12-му драгунскому полку перейти въ Кацелево на присоединеніе къ отряду графа Воронцова. На другое утро, 17-го іюля, мы выступили изъ подъ Рущука и, пройдя кружнымъ путемъ вдоль лѣваго, берега Лома болѣе 40 верстъ, къ вечеру прибыли въ Кацелево. 12-й гусарскій Ахтырскій полкъ отправленъ на наше мѣсто, а мы, съ 12-мъ донскимъ казачьимъ полкомъ, поступили въ распоряженіе графа Воронцова.

Всю дорогу мы встрѣчали болгаръ, съ женами, дѣтьми, повозками и всѣмъ имуществомъ, выселявшихся изъ окрестныхъ деревень. Всюду слѣды опустошенія, погорѣвшія села, разоренные дома, брошенные хозяйства, бѣгущіе жители. Каждый разъ, когда мы остано-

вливались послѣ наступленія, изъ деревень, лежащихъ передъ цѣпью между нами и турками, болгары массами переселялись въ мѣста занятые русскими войсками, убѣгая отъ насилія и злодѣйствъ башибузуковъ. Въ Кацелевѣ мы нашли большое оживленіе; выбирались болгары, подходили войска, открывали дивизіонный лазаретъ, подвозили на телѣгахъ раненыхъ; все это толпилось, кричало, суетилось. Послѣ дѣла подъ Езерджи около Кацелева сосредоточился почти весь 13-й корпусъ. Палатки дивизіоннаго лазарета были полны ранеными, врачи безъ отдыха работали два дня.

На слѣдующій день, 18-го іюля, войска 13-го корпуса отошли отъ Кацелева и нашъ отрядъ, изъ двухъ кавалерійскихъ, одного пѣхотнаго полковъ и батареи, занялъ позицію на противоположномъ берегу Лома. Одинъ баталіонъ Болховскаго полка высланъ былъ къ Езерджи для погребенія тѣлъ. Послѣ дѣла 15-го іюля обѣ стороны отступили, и брошенные на мѣстѣ трупы, разлагаясь подъ палящими лучами солнца, издавали страшное зловоніе. Вечеромъ баталіонъ вернулся; онъ похоронилъ 39 нашихъ и до 200 турецкихъ тѣлъ и принесъ съ собой раненаго пѣхотнаго солдата, изъ вольноопредѣляющихся, котораго во время дѣла не нашли въ кустахъ; несчастный четыре дня пролежалъ одинъ между убитыми, ожидая смерти. Онъ принесенъ былъ безъ чувствъ, но его успѣли еще спасти и привести къ жизни. Въ тотъ же день, вечеромъ, изъ передовой цѣпи къ намъ привели парламентаря. Впереди, на красивомъ арабскомъ жеребцѣ, ѣхалъ молодой турецкій офицеръ, за нимъ—унтеръ-офицеръ съ бѣлымъ значкомъ и трубачъ. Всѣ трое были на бѣлыхъ лошадяхъ, въ синихъ курткахъ и такихъ же длинныхъ шараварахъ съ красными галунами, въ фескахъ, опоясанные саблями, съ карабинами за плечами и съ повязанными глазами. Офицеръ, какъ оказалось, ординарецъ главнокомандующаго, везъ письмо отъ Мехмета-Али-паши къ Великому Князю Николаю Николаевичу. Его сняли съ лошади и подвели къ ставкѣ графа Воронцова; тѣмъ временемъ офицеры и солдаты обступили турокъ и съ любопытствомъ разглядывали ихъ; между ними былъ татаринъ, который понималъ по русски. Переговоривъ съ парламентаремъ черезъ переводчика, графъ приказалъ немедленно одному изъ драгунскихъ офицеровъ отвезти пакетъ къ Наслѣднику. Парламентарь же, въ ожиданіи отвѣта, переночевалъ у насъ на бивакѣ, гдѣ съ нимъ обошлись съ русскою любезностью и радушіемъ, угощая чѣмъ можно. На другой день офицеръ нашъ вернулся отъ Наслѣдника, который приказалъ передать парламентарю, что письмо отправлено къ Главнокомандующему, и что отвѣтъ будетъ доставленъ нами въ турецкій лагерь. Вслѣдъ за этимъ турецкій офицеръ и его конвой, въ

сопровожденіи драгуновъ, выведены за цѣпь на ружейный выстрѣлъ, откуда они рысью направились къ Разграду.

Недѣлю мы спокойно простояли у Кацелева, не тревожимые неприятелемъ и только наблюдая за нимъ постоянно высылаемыми къ сторонѣ Разграда разъѣздами. 20-го іюля графъ Воронцовъ неожиданно уѣхалъ изъ отряда. Получено извѣстіе о мобилизации гвардіи, и онъ, какъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, немедленно былъ вызванъ къ Наслѣднику. На мѣсто графа начальникомъ кавалеріи русскаго отряда назначенъ генералъ-лейтенантъ баронъ Дризенъ, который, 23-го іюля, съ 12-мъ уланскимъ полкомъ, прибылъ въ Кацелево. На другой день, 24-го, кавалерія продвинута верстъ на 10 впередъ, отъ Чернаго къ Бѣлому Лому, гдѣ мы остановились на бивакѣ у деревни Соленикъ.

25-го іюля, въ три часа дня, получено было приказаніе послать офицера, знающаго иностранные языки, въ качествѣ парламентаря въ турецкій лагерь, для передачи письма Великаго Князя Главнокомандующаго Мехмету-Али-пашѣ. Для исполненія этого порученія я назначилъ полковаго адъютанта, поручика Марченку, съ нимъ одного унтеръ-офицера, трубача и рядоваго. Люди и лошади выбраны лучшіе изъ полка, одѣты щегольски, какъ на ординарцы. Рядовой держалъ пикъ съ большимъ бѣлымъ флагомъ.

Передаю интересный рассказъ поручика Марченко о его поѣздкѣ въ турецкій лагерь (¹).

«Въ 3½ часа, говоритъ Марченко, я выѣхалъ изъ Соленика, напутствуемый пожеланіями товарищей не попасться въ руки башибузуковъ или черкесовъ. По дорогѣ изъ Соленикъ въ Констанцу и оттуда въ Садину, встрѣтилъ разъѣздъ 8-го гусарскаго Лубенскаго полка, отъ котораго узналъ, что въ Адаркіюфъ и Кизилмурадъ есть башибузуки и черкесы. Такъ какъ было уже 7½ часовъ вечера, то я на рысяхъ отправился въ Кизилмурадъ, гдѣ встрѣтилъ цѣлую толпу болгаръ, преимущественно женщинъ. Онѣ окружили меня, крича, что въ Кизилмурадѣ неистовствуютъ башибузуки и черкесы, въ доказательство чего поднесли мнѣ ребенка лѣтъ шести, съ глубокой кровавой раной на шеѣ, и подвели также раненаго старика.

«Настала для меня минута тяжелаго раздумья,—не забуду ея никогда... А тутъ еще унтеръ-офицеръ выразилъ на словахъ мою думу.—«Ваше благородіе—сказалъ онъ—если они дѣтей рѣжутъ, то, конечно, не поглядятъ на бѣлый флагъ».—Нельзя было не признать справедливости въ его словахъ, однако самолюбіе и долгъ тотчасъ же востор-

(¹) Рассказъ этотъ былъ помѣщенъ въ № 16-мъ «Летучаго Военнаго Листка».

жестовали во мнѣ. Мысленно простившись со всѣми близкими, я весело обратился къ солдатамъ: «братцы, мы должны ѣхать далѣе, чтобы быть въ турецкомъ лагерѣ, и, помни только — если по насъ будутъ стрѣлять, не смѣть отвѣчать». Затѣмъ поѣхалъ рысью. Погода была сухая и вокругъ насъ поднимались цѣлыя облака пыли. Изъ деревни выскочило около взвода баши-бузукъ и черкесовъ. Я приказалъ трубачу играть сигналъ «апель», но черкесы тотчасъ повернули назадъ и усакали. Вѣроятно они предположили, что съ нашей стороны идутъ большія силы. Достигнувъ деревни, я поѣхалъ шагомъ, приказавъ трубить. Былъ уже десятый часъ. Дорога спустилась въ ложину — и такъ какъ здѣсь было уже окончательно темно, я свернулъ на тропинку и поднялся на высокую и весьма крутую гору. Отѣхавъ отъ Кизилмурада верстъ шесть, переѣхалъ другой перевалъ, еще выше перваго. Тутъ унтеръ-офицеръ замѣтилъ, влѣво отъ дороги, человѣческія фигуры, поднявшіяся какъ оудто изъ подъ земли. Я приказалъ трубить. Кучка, человѣкъ въ двадцать, приблизились къ намъ шаговъ на 20 и остановилась, — я остановился раньше. Они стали кричать мнѣ что-то по турецки. Я отозвался съ объясненіемъ, что привезъ Мехмету-Али-пашѣ письмо Главнокомандующаго. Одинъ изъ кучки обратился ко мнѣ опять съ турецкою рѣчью. Я отцѣнилъ оружіе и бросилъ его вверхъ, чтобы имъ было замѣтиѣ; то же приказалъ сдѣлать и моимъ спутникамъ. Тогда турки приблизились къ намъ совсѣмъ и окружили. Одинъ, съ саблею въ рукѣ, заговорилъ, повторивъ нѣсколько разъ слова *накетъ*. Понявъ, что ему нужно самое письмо, я показалъ его. Онъ зажегъ спичку, прочелъ адресъ и тогда отправилъ одного изъ своихъ людей назадъ. Я слѣзъ съ лошади и закурилъ папирску. Изъ всего было видно, что мы попали на регулярныя войска. Спустя нѣкоторое время кто-то подскакалъ, слѣзъ съ лошади и подошелъ ко мнѣ; это былъ турецкій офицеръ. Сдѣлавъ подъ козырекъ, онъ сказалъ мнѣ что-то; по жестамъ его я понялъ, что меня приглашаютъ сѣсть на лошадь. Въ свою очередь я просилъ собрать наше оружіе, чтобы оно не пропало. Онъ тотчасъ исполнилъ это, пересчитавъ при мнѣ же. Затѣмъ люди мои остались, а я поѣхалъ вмѣстѣ съ офицеромъ, въ сопровожденіи трехъ конныхъ турокъ. Такимъ образомъ проѣхали мы три цѣпи, гдѣ каждый разъ опрашивали насъ, вѣроятно о пропускѣ. Вправо отъ дороги, на пригоркѣ, показалось много огней. Но вблизи третьей цѣпи мы повернули налѣво и поѣхали по полю, мимо коновязей; лошади стояли осѣдланныя, а группы людей сидѣли вокругъ небольшихъ костровъ. Далѣе, мы проѣзжали мимо нѣсколькихъ черныхъ массъ — что можно

было принять за лежащую пѣхоту. Мы переѣхали до 15-ти парныхъ бороздъ, направлявшихся къ горѣ. Борозды эти, по моему мнѣнію, произвели орудія, поставленные на позицію, гдѣ стояла вторая цѣпь.

«Наконецъ, справа глянуло что-то черное, оттуда послышался лай собакъ и прокричалъ два раза пѣтухъ. По моимъ соображеніямъ, это должно было быть селеніе Алифедерманъ (въблизи Разграда). Впереди показался свѣтъ. Въ то же время подскакалъ кто-то, сердито переговаривалъ съ сопровождавшимъ меня офицеромъ и ускакалъ назадъ. Офицеръ остановилъ меня и знаками просилъ надѣть на глаза повязку. Я съ готовностью исполнилъ его желаніе. Сквозь повязку мнѣ было видно, что мы приближаемся къ свѣту. Нѣсколько разъ обвели меня вокругъ этого свѣта, такъ что онъ остался влѣво, и остановились. Я слѣзъ съ лошади; офицеръ ввелъ меня въ палатку, гдѣ и развязалъ глаза.

«Въ палаткѣ никого не было, но, по словамъ офицера, она принадлежала муширу (бригадному генералу). Палатка круглая, конусообразная, высокая; къ среднему столбу привѣшанъ былъ складной, бѣлый бумажный фонарь, въ углубленіи—железная кровать, а у столба нѣсколько складныхъ стульевъ.

«Скоро вошелъ въ палатку довольно полный, средняго роста генералъ, въ растегнутомъ однобортномъ мундирѣ; на плечахъ, вмѣсто погонъ, были у него на подобіе того, какъ у нашихъ телеграфистовъ по мирному времени, квадратикъ изъ краснаго сукна, обшитые золотомъ каймой. Я представился. Посмотрѣвъ на письмо, онъ, ломанымъ французскимъ языкомъ, сказалъ, что мнѣ надо ѣхать къ Іонида-пашѣ. Я просилъ, нельзя ли послать сказать въ цѣпь, чтобы лошадямъ моимъ дали сѣна, и пристроить на ночь моихъ солдатъ. Онъ вѣжливо обѣщалъ исполнить мою просьбу. Снова завязали мнѣ глаза, посадили верхомъ, провели зигзагами минутъ 20, и опять, остановивъ у огня, ввели въ палатку. Когда сняли повязку я увидѣлъ передъ собой довольно высокаго мужчину, лѣтъ 40, въ однобортномъ пиджакѣ, башлыковаго цвѣта, съ галуннымъ шитьемъ на рукавахъ—какъ у румынскихъ офицеровъ—въ ботфортахъ и въ красныхъ, съ черными лампасами, рейтузахъ, въ обтяжку. Тутъ же находились, какъ оказалось послѣ, два адъютанта Іонида-паши: одного звали *мистеръ Аннслей* (англичанинъ), а другаго, турка—я забылъ; затѣмъ былъ еще третій, адъютантъ турецкаго главнокомандующаго, Мехметъ-Али-паши, Османъ-бей, который и далъ мнѣ росписку въ полученіи привезеннаго мною письма. Іонида-паша вѣсело и любезно заговорилъ со мною. Онъ сказалъ, что ему пріятно видѣть въ своей палат-

кѣ, какъ друга, того, кого завтра же онъ можетъ встрѣтить на полѣ сраженія, прибавивъ, что турецкое правительство старается и искренно желаетъ вести войну по-европейски. Я помянулъ башы-бузуковъ и черкесовъ. На это онъ отвѣчалъ мнѣ: «Башы-бузуки и черкесы—несчастье нашей арміи! Даю честное слово, что я самъ разстрѣлялъ ихъ болѣе 15-ти человекъ. За нихъ, мы, регулярныя войска, не можемъ отвѣчать. Очень можетъ быть, что попадись вы, на дорогѣ сюда, въ ихъ руки—не доѣхали бы ко мнѣ, и конечно весь стыдъ палъ бы все-таки на наши головы». Послѣ разговоръ перешелъ къ лошадямъ. Генералъ объяснилъ мнѣ, что онъ большой любитель лошадей, и состоялъ прежде гофъ-штаалмейстеромъ у египетскаго вице-короля. Приказалъ принести и показалъ мнѣ свое сѣдло, замѣтивъ, что такія же сѣдла заказаны на всю регулярную кавалерію (сѣдла кавалерійскія, англійскія). Потомъ онъ началъ переходить къ болѣе интереснымъ для него предметамъ, но я держалъ ухо остро и на каждый вопросъ его отвѣчалъ крайне обдуманно; наконецъ просто объявилъ, что не имѣю права отвѣчать на его, слишкомъ военно-стратегическіе разспросы. Онъ весьма вѣжливо извинился, объяснивъ, что немного увлекся. Изъ разговора я узналъ, что онъ командовалъ турецкими войсками въ дѣлѣ подъ Обретеникомъ, 25-го іюня, въ которомъ участвовалъ и нашъ полкъ; онъ же командовалъ (подъ его начальствомъ былъ авангардъ, прикрывавшій большой транспортъ въ 700 телегъ, шедшій изъ Рущука въ Разградъ) во время рекогносцировки Великаго Князя Владиміра Александровича и, наконецъ, онъ же командовалъ во время дѣла 10-го іюля, полкъ самымъ Рущукомъ.

«Уже было 2½ часа ночи, когда, чуть не мертвый отъ усталости, я шелъ спать въ палатку адъютанта Аннеслея. На утро генералъ обѣщалъ отгравить меня обратно. Забылъ сказать еще, что, между прочимъ, генералъ говорилъ мнѣ, какъ будто у нихъ никто не раздѣвается на ночь, и сколь это утомительно.

«Я не могъ тотчасъ же заснуть и слышалъ, какъ поставили къ моей палаткѣ часового. Всю ночь къ палаткѣ генерала подъѣзжали верховые. Часа въ четыре я уже проснулся и слышалъ какъ уѣзжалъ генералъ, и какъ вернулся спустя часа два. Часовъ въ пять по лагерю начали раздаваться сигналы рожковъ; сигналы эти походили на первое колѣно нашего сбора. Часовъ въ семь пришли будить меня; я представился спящимъ. Поднялся; мнѣ подали умыться, и затѣмъ вошелъ въ палатку генералъ — «чтобы еще разъ проститься съ своимъ другомъ», какъ онъ выразился. Арабъ подаль чай на серебрѣ; генералъ угостилъ меня прекрасною сигарой. Потолковали о томъ, о семъ.

Очень расхвалилъ онъ какъ моихъ солдатъ, такъ и лошадей, на которыхъ успѣлъ взглянуть. Затѣмъ генераль распростился со мной, сказавъ, что ему надо ѣхать осматривать позицію. Въ мое распоряженіе онъ далъ 60 человѣкъ регулярной кавалеріи, подъ командой капитана и адъютанта Аннеслея. Тутъ же при мнѣ генераль обратился къ нимъ и сказалъ, что они отвѣчаютъ жизнью за каждый волосъ какъ на моей, такъ и на головахъ моихъ спутниковъ. Еще разъ простился со мною генераль, замѣтивъ, что, быть можетъ, мы скоро повидаемся. Я отвѣчалъ: «надѣюсь, ваше превосходительство». Мнѣ завязали глаза, посадили на лошадь — и мы тронулись въ путь.

«Трензельныя поводья были въ рукахъ скакавшаго рядомъ конвойнаго, а я принялъ елико возможно воинственную посадку, зная, что меня провезутъ по всему лагерю. Должно быть по нашему пути собрались турки, такъ какъ около самой дороги слышался ихъ сдержанный говоръ. Одинъ разъ только кто-то громко произнесъ «гяуръ» — но въ тотъ же моментъ послышался ударъ и брань, а ѣхавшій съ правой стороны адъютантъ объяснилъ, что это капитанъ ударилъ турка, позволившаго себѣ выговорить бранное для христіанъ слова — гяуръ. Разными зигзагами меня везли часа четыре, такъ что отъ жары и повязки у меня сильно кружилась голова.

«Наконецъ остановились. Сняли повязку. Позади себя увидалъ я трехъ своихъ молодцовъ. Они радостно отвѣчали на мой привѣтъ. Вокругъ насъ было 60 человѣкъ конныхъ турокъ, на небольшихъ, но шустрыхъ лошадакахъ. Каждый изъ нихъ держалъ на бедрѣ магазинное ружье. Отдохнувъ здѣсь немного, тронулись далѣе. Дорога шла къ тому лѣсу, который, накануне, при выѣздѣ моемъ изъ Кизилмуреда, оставался вѣтво. Скоро мы спустились въ Кизилмурадъ; здѣсь роились бани-бузукы и черкесы. Они грабили, и на моихъ глазахъ убивали немногихъ изъ оставшихся въ селеніи жителей. Я обратилъ на это вниманіе Аннеслея. Онъ отвернулся и сказалъ, что противъ этого ничего не подѣлаешь, что онъ самъ негодуешь — и при первой возможности совсѣмъ покинетъ турецкую армію.

«Впервые всматривался я въ лицо черкесовъ и бани-бузуковъ — и они также поглядывали на меня, словно волки, дивясь, вѣроятно, что меня, русскаго, не убиваютъ. Одинъ, съ обнаженнымъ и окровавленнымъ ятаганомъ, приблизился было ко мнѣ; но капитанъ крикнулъ на него и тотъ удалился. Черкесы одѣты всѣ въ черкески, разныхъ цвѣтовъ, въ бараньихъ шапкахъ; у нѣкоторыхъ на головахъ бѣлыя покрывала, вооружены магазинными ружьями, шашками и кинжалами. Бани-бузукы одѣты въ разное тряпье, а вооружены пистон-

ными со штыками ружьями и ятаганами. Лица у всѣхъ звѣрскія, въ особенности же у стариковъ.

«За Кизилмурадомъ я весьма дружелюбно распростился съ моимъ конвоемъ. Они постояли немного на бугрѣ и повернули назадъ, направившись къ Садину. Я проѣхалъ нашу цѣпь и вернулся домой.

«Солдатики мои рассказали, что ихъ съ завязанными глазами провезли изъ цѣпи къ палаткѣ, гдѣ былъ толстый генераль (муширь, у котораго я былъ сперва). Онъ угощалъ ихъ ужиномъ, кофе и табакомъ. Тутъ началъ ихъ кто-то, на ломанномъ русскомъ языкѣ, спрашивать о нашемъ войскѣ, но они отвѣчали, что, молъ, ничего знать не знаютъ и вѣдать не вѣдаютъ. Предлагали имъ водки, но они, согласно своевременно отданному мною строгому приказу, отказались. Послѣ ихъ отвели въ другую палатку, гдѣ приготовлены были тюфяки съ сѣномъ. Они расположились спать. Но одинъ изъ нихъ, рядовой четвертаго эскадрона, Байко, молодецъ высокаго роста, набора 1876 года, не спалъ. «А, ваше благородіе—объяснилъ онъ мнѣ— всю ночь не могъ уснуть—за васъ боязно было. Да и то еще: только улеглись мы, глядь—лѣзетъ въ палатку черная этакая морда! Зубища такъ и блестятъ! Все думалось, что задушить хотятъ». На мой вопросъ, что онъ сдѣлалъ бы, если бы и въ самомъ дѣлѣ захотѣли его придушить, онъ отвѣтилъ: «да хотя бы плюнулъ въ глаза ему, нехристю»!

Съ 24-го іюля по 21-е августа мы, въ теченіе мѣсяца, держали аванпосты на Беломъ Ломѣ, у Соленика, и это была самая тяжелая для насъ служба во всю кампанію. Въ это время уже ясно обнаружилось, что силы, съ которыми мы начали кампанію, были недостаточны для такого обширнаго театра войны и постоянно возрастающихъ силъ противника. Всюду наступательное движеніе приостановлено; потребовались формированіе и отправка изъ Россіи новыхъ корпусовъ. Между тѣмъ, Плевна не уступала, притягивая къ себѣ всѣ свободныя и вновь прибывающія силы. Рушукскій отрядъ не получалъ подкрѣпленій. Растянувши фронтъ при наступленіи, отрядъ Наслѣдника Цесаревича не могъ продолжать активныя дѣйствія и нынужденъ стать оборонительно на Черномъ Ломѣ, прикрывая 100-верстное пространство отъ Дуная до Балкановъ, имѣя противъ лѣваго фланга крѣпость Рушукъ съ сильнымъ гарнизономъ, противъ центра—всю армію Мехмета-Али, сосредоточенную подъ Разградомъ, и на правомъ флангѣ—армію Сулеймана, угрожающую обходомъ Шинки. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ всѣ силы были разбиты, занимая небольшими частями болѣе

важные пункты; кавалерія же, прикрывая войска на такомъ громадномъ протѣженіи, растянулась до крайности.

Войска 12-го корпуса расположены были двумя группами: 12-я пѣхотная дивизія—отъ Пиргоса на Дунаѣ до Кошева на Ломѣ, на протѣженіи 14-ти верстъ; впереди на аванпостахъ, влѣво отъ Лома до Дуная—гусары, вправо до Кадыкія—казаки. Въ 20-ти верстахъ къ востоку, выше по рѣкѣ, у Аблавы, стояла 33-я пѣхотная дивизія, прикрытая съ фронта драгунами. Еще верстъ на 30-ть выше, у Папкія, стоялъ 13-й корпусъ, имѣя передъ фронтомъ 8-й Лубенскій гусарскій и 8-й Вознесенскій уланскій полки. Такимъ образомъ линія аванпостовъ рушукскаго отряда шла отъ Дуная до Кадыкія и далѣе по теченію Бѣлаго Лома до османъ-базарской дороги. Линія эта, выдвинутая на 10 — 15 верстъ впередъ и длиною слишкомъ въ 100 верстъ, охранялась пятью полками кавалеріи. На каждый полкъ среднимъ числомъ приходилось до 20-ти верстъ. Полки высылали ежедневно одинъ дивизионъ на аванпосты; эскадронъ, слѣдовательно, охранялъ участокъ въ 10-ть верстъ и болѣе. Отъ остальныхъ эскадроновъ высылались дальніе развѣды. При такой службѣ люди и лошади день и ночь работали безсмынно. Всѣмъ войскамъ, во изложеннымъ выше причинамъ, приказано держаться оборонительно на Ломѣ, усиливъ полевыми укрѣпленіями позиціи у Пиргоса, Аблавы и Папкія. Роль кавалеріи при этомъ была самая тяжелая. Наступательныя дѣйствія приостановились, поддержки ожидать было нельзя. Выдвинутая далѣе впередъ, растянутая на большое протѣженіе, въ виду непріятеля, который, постепенно сосредоточиваясь, становился предприимчивѣе, кавалерія могла только слѣдить за его дѣйствіями, всюду опасаясь прорыва и не будучи нигдѣ въ силахъ сопротивляться.

Часто, впоследствии, люди, не знакомые съ этой обстановкой, упрекали нашу кавалерію въ бездѣйствіи, удивляясь, отчего мы не дѣлали дальнихъ поисковъ, лихихъ набѣговъ, смѣлыхъ развѣдокъ, не тревожили противника. Но для этого нужны были свободныя, свѣжія силы; мы же, въ теченіе мѣсяца, ежедневно всѣми эскадронами выходили на аванпосты, и люди и лошади наши были измучены въ конецъ. Если при такихъ тяжелыхъ условіяхъ мы однако доставляли вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ, во-время доносили о всѣхъ его движеніяхъ и намѣреніяхъ, зорко оберегали нашъ участокъ, ни разу не потревожили отряда, не пропустили никого за цѣпь, отразили всѣ нападенія черкесовъ, не давъ снять у себя съ поста ни одного человѣка, то нельзя, по справедливости, не оцѣнить молодецкую службу драгуновъ.

На нашу долю выпало охраненіе самага большаго участка по Бѣлому Лому, отъ Кадыкію, черезъ Нисово, Соленикъ, Констанцу до Амуркію, на протяженіи около 30-ти верстъ, входя въ связь на лѣвомъ флангѣ у Кадыкію съ 12-мъ довскимъ казачьимъ полкомъ, на правомъ флангѣ у Садино—съ 8-мъ Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ. Для охраненія этого участка стояли: одинъ эскадронъ у Нисова, высылая разъѣзды къ Кадыкію и къ сторонѣ Пизанцы на шоссе; дивизіонъ съ двумя конными орудіями подъ начальствомъ поручика Леонова—въ центрѣ, у Соленика, на главномъ пути наступленія, и одинъ эскадронъ у Констанцы, высылая разъѣзды съ Садино и къ сторонѣ Разграда. Собственно главный бивакъ полка былъ у Соленика; здѣсь же помѣщался штабъ и обозъ, отсюда поочередно выходили эскадроны въ Нисово и въ Констанцу, высылались дальніе разъѣзды, производились разъѣздки.

Стоя на мѣстѣ подъ Разградомъ, мы, какъ глаза арміи, зорко слѣдили за непріятелемъ и постоянно собирали о немъ свѣдѣнія посредствомъ частыхъ разъѣздовъ, спроса жителей, лазутчиковъ. Такимъ образомъ, въ началѣ августа мы сообщили въ отрядъ точныя и полныя свѣдѣнія о непріятелѣ. Подъ Разградомъ сосредоточилось до 40 таборовъ пѣхоты, при 18-ти орудіяхъ, и три полка кавалеріи—регулярная и черкесы. Съ прибытіемъ Мехмета-Али начались дѣятельныя работы по возведенію укрѣпленнаго лагеря у Разграда; съ западной и южной сторонъ былъ построенъ рядъ отдѣльныхъ полевыхъ укрѣпленій, выдвинутыхъ по дорогѣ въ Рущукъ до Хасанлара и по дорогѣ въ Эски-Джуму до Халифедермана. Всѣ эти работы были обреченогносцированы нами.

Въ одной изъ такихъ рекогносцировокъ, маіоръ Кануковъ, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ 1-го эскадрона, наскочилъ на непріятельскій постъ и, въ глазахъ противника, захватилъ выѣхавшаго впередъ часоваго. Озадаченные дерзкимъ набѣгомъ, турки не успѣли вскочить на лошадей, какъ удалые офицеры уже скакали къ намъ назадъ съ добычей, преслѣдуемые лишь огнемъ. Плѣннаго отправили въ отрядъ, а изъ великолѣпной его винтовки Кануковъ не разъ пускалъ мѣткія пули въ турецкихъ набѣдниковъ. Часто послѣ этого подбирались къ нашимъ постамъ черкесы, желая отмстить за удачный набѣгъ, но ни разу не пришлось имъ захватить насъ врасплохъ и потѣшиться надъ драгунами; живымъ ни одинъ не дался врагу въ руки.

Пока мы стояли на Бѣломъ Ломѣ, по всей линіи были постоянныя аванпостныя стычки. 31-го іюля, на правомъ флангѣ нашихъ постовъ, черкесы и зейбеки (пѣхота изъ Малой Азіи) неожиданно напали, у

деревни Садино, на эскадронъ лубенскихъ гусаровъ; въ отчаянной схваткѣ гусары потеряли двухъ офицеровъ убитыми, одного раненымъ и 24 нижнихъ чина. Подоспѣвшій во-время другой эскадронъ выручилъ товарищей, обративши въ бѣгство черкесовъ. 4-го августа, на лѣвомъ флангѣ, турки выдвинули сильныя кавалерійскія части съ артилеріею противъ казачьихъ постовъ у Бесарбова и Кадыкюя. Подошедшія три роты съ двумя орудіями отбѣснили турокъ, послѣ чего полковникъ Хрещатицкій, съ двумя сотнями, пошелъ слѣдомъ за ними, прошелъ черезъ деревни Червена-воды и Лени-Есмиль, разсѣялъ баши-бузукъ и черкесовъ и возвратился съ потерей пяти человекъ.

9-го августа разнеслась вѣсть, будто Сулейманъ-паша, послѣ атакъ, веденныхъ имъ на Шипку, перешелъ Балканы и, выйдя къ Шумлѣ, соединился съ Мехметомъ-Али, чтобы атаковать наши войска на Ломѣ. Вскорѣ слухъ этотъ оказался ложнымъ; но, тѣмъ не менѣе, турки, видя наше бездѣйствіе и ободренные успѣхами подъ Плевной, дѣйствительно рѣшились перейти въ наступленіе. Первоначально они изъ Разграда пошли на нашъ правый флангъ, на 13-й корпусъ, главные силы котораго стояли на укрѣпленной позиціи у Панкюя. 10-го турки атаковали передовую позицію у Аяслара, но были отбиты Софійскимъ пѣхотнымъ полкомъ. 11-го они снова атаковали Аясларъ, настойчиво ходили въ атаку три раза, но каждый разъ были отбрасываемы съ большимъ урономъ. Съ прибытіемъ подкрѣпленій они опять перешли въ наступленіе, и тогда войска наши (Невскій, Софійскій и Болховской полки) отошли къ Султанкюю, потерявъ 12 офицеровъ и 340 нижнихъ чиновъ. 14-го числа турецкій отрядъ, изъ всѣхъ родовъ оружія, атаковалъ наши передовые посты у Садины. Двѣ роты Зарайскаго полка, съ двумя орудіями и дивизиономъ лубенскихъ гусаровъ, отразили неприятеля, потерявъ шесть человекъ. 18-го турки въ значительныхъ силахъ, до 12,000, снова атаковали наши передовыя войска у Садины, Карахасанкюя и Хайдаркюя. Генералъ-маіоръ Леоновъ съ незначительнымъ отрядомъ держался цѣлый день. Деревни шесть разъ переходили изъ рукъ въ руки, и наконецъ вечеромъ войска наши, очистивъ всѣ передовыя позиціи, отступили къ Панкюю, потерявъ около 400 человекъ. На другой день турки начали стягивать значительныя силы противъ Гагова и Панкюя, въ виду укрѣпленныхъ позицій, занятыхъ 13-мъ корпусомъ. Такимъ образомъ, съ 9-го по 15-е августа, турки, рядомъ настойчивыхъ атакъ, веденныхъ значительными силами, заставили передовыя войска 13-го корпуса, съ большимъ урономъ, очистить передовыя позиціи у Аяслара, Карахасанкюя, Хайдаркюя и Садины и сосредоточиться у Панкюя. Кавалерія 13-го кор-

пуга отошла отъ Бѣлаго къ Черному Лому, и правый флангъ нашихъ аванпостовъ у Констанцы остался на воздухѣ.

Одновременно съ этимъ турки перешли въ наступленіе и на лѣвомъ флангѣ. 15-го августа, турецкій отрядъ, изъ табора пѣхоты, 600 черкесовъ и двухъ орудій, началъ наступать отъ Рушукъ на Кадыкій, но три роты Украинскаго полка и 12-й донской казачій полкъ, при двухъ орудіяхъ, отбросили непріятеля обратно въ Рушукъ. 19-го турки снова возобновили нападеніе. Восемь таборовъ, съ артилеріею и кавалеріею, собрались на шоссе между Рушукомъ и Разградомъ и начали наступать на Кадыкій. Ихъ встрѣтили Украинскій пѣхотный полкъ, 12-й донской и 12-й гусарскій полки и двѣ батареи. Бой продолжался цѣлый день; наконецъ турки, выбитые изъ Кадыкія, подожгли селеніе; нашъ же передовой отрядъ на лѣвомъ флангѣ отступилъ за Ломъ къ Иванъ-Чифтлику.

Послѣ этого драгуны остались одни на Бѣломъ Ломѣ, удерживая еще участокъ отъ Нисова черезъ Соленикъ до Констанцы. Влѣво и вправо отъ насъ передовые посты уже отступили, и мы одни, на протяженіи 20 верстъ, были выдвинуты въ районъ непріятельскаго расположенія; по флангамъ Кадыкій и Садино заняты были турками. Такъ мы стояли еще нѣсколько дней въ постоянной тревогѣ, съ минуты на минуту ожидая наступленія. Чтобы быстро отойти въ случаѣ надобности и не оставить непріятелю лишнюю добычу, обозы, палатки, кухни, все было отправлено назадъ. Мы бивакировали на голой землѣ, не раздѣвались, не разсѣдывали лошадей, не варили пищи, довольствовались одними сухарями, ни днемъ ни ночью не знали отдыха. Дни эти навсегда останутся намъ памяты; всѣ силы были напряжены, нравственное волненіе дошло до крайняго предѣла.

У.

Дѣло 1-го эскадрона драгуновъ подъ Кацелевымъ, 23-го августа, и бой при деревняхъ Кацелево и Аблава, 24-го августа.

Отбросивъ наши передовыя войска выше и ниже по Лому, турки неминуемо должны были всѣми силами обрушиться на центръ общаго расположенія рушукскаго отряда. 20-го августа я уже доносилъ, что непріятельская кавалерія показывается въ этомъ направленіи, а на другой день, 21-го, получилъ приказаніе съ двумя эскадронами перейти изъ Соленика въ Кацелево, 3-му эскадрону — оставаться пока возможно у Нисова, для наблюденія за лѣвымъ флангомъ, 4-му эска-

дрону—отойти въ Церовцы, наблюдая отдѣльными пикетами у Соленика и Констанцы за движеніемъ непріятеля.

Съ отступленіемъ нашихъ передовыхъ отрядовъ непріятель двинулся впередъ, и турецкая кавалерія, затѣмъ и пѣхота, начали показываться у деревень Амуркіой, Садино и Опака. Эскадронъ 12-го уланскаго полка, выдвинутый для прикрытія праваго фланга къ деревнѣ Бекеръ-Іеникіой, въ виду превосходныхъ силъ турецкой кавалеріи, вынужденъ былъ 22-го отойти къ деревнѣ Огорчину и далѣе къ самому Лому. Въ тотъ же день драгунскіе посты, выставленные у Соленика и Констанцы, также были сбиты и отошли къ Кацелеву. Такимъ образомъ непріятель, оттѣснивъ насъ къ Черному Лому, первоначально на обоихъ флангахъ, наступалъ теперь на центръ общаго расположенія изъ Разграда черезъ Соленикъ на Кацелево и далѣе къ Аблавѣ. Уже 21-го августа замѣчено движеніе большихъ турецкихъ силъ по высотамъ Бѣлаго Лома отъ Опака и по долинѣ рѣки Соленикъ. Движеніе это продолжалось безостановочно на деревни Бекеръ-Іеникіой и Церовцу. 22-го, драгунскіе и уланскіе посты сбиты и кавалерія отступила къ передовой позиціи на Ломѣ. 23-го августа противникъ, занявъ Огорчинъ, началъ выстраивать свои войска противъ позиціи у Кацелева и Аблавы. Съ рѣшительнымъ наступленіемъ противника, аванпостная служба кавалеріи прекращалась. Въ теченіе четырехъ дней, съ 20-го по 23-е, имѣя постоянныя столкновенія съ турецкой кавалеріей, мы медленно, шагъ за шагомъ, отходили передъ непріателемъ, открывая его силы, донося о его движеніяхъ, и, наконецъ, дойдя до позиціи, присоединились къ остальнымъ войскамъ, очистивъ имъ фронтъ для принятія боя.

Расположеніе непріятеля, сосредоточившаго противъ насъ всѣ свои силы, скрывалось мѣстностью; въ свою очередь и наша позиція не была видна противнику. Вслѣдствіе этого, 23-го августа, 1-й эскадронъ драгуновъ, подъ начальствомъ маіора Канукова, высланъ съ цѣлью развѣдать непріятеля. Такое же намѣреніе возымѣли и турки, выславъ впередъ, въ тотъ же день, всю свою кавалерію для производства рекогносцировки. Съ утра уже замѣтны были отдѣльныя группы всадниковъ, въ пестрыхъ одѣяніяхъ, которыя, вѣѣ нашихъ выстрѣловъ, по одиночкѣ выѣзжая изъ кустовъ, гарцовали на бѣлыхъ коняхъ. Эскадронъ выѣхалъ впередъ, спустился въ деревню Кацелево и поднялся, вправо отъ насъ, на поляну; за деревней тянулся небольшой мелкій лѣсъ, изъ-за котораго показывались отдѣльные всадники. Наѣзники смѣло выскочили впередъ, но, втянувшись въ лѣсокъ, увидали позади густыя массы всадниковъ, нѣсколько эскадроновъ регулярной кавалеріи

и черкесовъ: красныя фески и черныя бараньи шапки перемѣшались въ рядахъ; они шли изъ Соленика и Церовцы. Положеніе Канукова было критическое; уже не разъ бывши въ дѣлахъ, онъ зналъ нравъ своего противника, который, если не смѣло атакуеть, то безпощадно преслѣдуетъ при малѣйшемъ колебаніи—и потому онъ зналъ, что, въ случаѣ отступленія, онъ неминуемо погибнетъ подъ ударами черкесовъ. Между тѣмъ онъ отъѣхалъ далеко отъ бивака, помощи скоро ожидать нельзя, атаковать же въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго противника, окружавшаго его съ разныхъ сторонъ, значило погубить весь эскадронъ. Въ душѣ драгунъ, самъ ловкій стрѣлокъ, маіора Кануковъ рѣшился обороняться въ пѣшемъ строю, огнемъ удерживать непріятеля и не допустить его до рекогносцировки нашихъ позицій. По близости на полянѣ были небольшіе ложементы, уже давно вырытые на всякій случай нашей пѣхотой, стоявшей позади Кацелева. Ихъ замѣтилъ Кануковъ и поспѣшилъ ими воспользоваться. Остановивъ наѣзdnиковъ на опушкѣ и пославъ донесеніе на бивакъ, онъ спѣшилъ почти весь эскадронъ, лошадей, съ небольшимъ числомъ коноводовъ, отправилъ далеко назадъ, скрывъ ихъ въ деревнѣ. Когда драгуны съ своимъ командиромъ залегли въ ложементы, наѣзdnики отъѣхали назадъ, и эскадронъ остался одинъ въ виду непріятельской кавалеріи. Но хорошо обученные стрѣльбѣ и ободренные примѣромъ начальника, который съ своей турецкой винтовкой лежалъ между ними, драгуны, прикрытые насыпью, спокойно ожидали врага. Каждый разъ, какъ показывались изъ-за лѣса конные, нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ разбѣвали кучку, одинъ, другой валялся съ коня. Съ разныхъ сторонъ собирались густыя массы всадниковъ, но каждый разъ встрѣченные дружнымъ залпомъ, они не рѣшались атаковать ложементы, предполагая ихъ занятыми пѣхотой. Наконецъ черкесы также спѣшились у опушки и открыли огонь; пули засвистали надъ головами, но, лежа за валомъ, драгуны продолжали отстрѣливаться.

Такимъ образомъ эскадронъ, благодаря хладнокровію, распорядительности и находчивости командира, не только удержался цѣлый день противъ значительно превосходныхъ силъ, но еще и не допустилъ турецкую кавалерію осмотрѣть наши позиціи. Къ вечеру, съ нашихъ батарей у Аблавы пушено нѣсколько выстрѣловъ въ непріятельскую кавалерію; еще до этого прибылъ на рысяхъ 4-й эскадронъ драгунъ маіора Лихтанскаго, и скоро черкесы всюду скрылись. Подъ прикрытіемъ прибывшаго эскадрона подѣхали коноводы, и драгуны выѣзли изъ ложементовъ, пролежавши тамъ нѣсколько часовъ, израсходовавъ свѣ патроны и потерявъ всего одного человѣка раненымъ и нѣсколько

лошадей. Это чисто драгунское дѣло можно справедливо назвать образцовымъ.

Вернувшись на бивакъ, маіоръ Кануковъ донесъ, что непріятель, сосредоточившись въ значительныхъ силахъ, остановился передъ нашими позиціями. Сойдясь на пушечный выстрѣлъ, противники переночевали въ виду другъ друга; утро предвѣщало бой. Съ вечера сдѣланы всѣ распоряженія; густая пѣхотная цѣпь окружила бивакъ. Ночью поднялась буря, пошелъ ливень, въ темнотѣ слышалось нѣсколько выстрѣловъ въ цѣпи.

Войска для боя расположены были слѣдующимъ образомъ. Передовой отрядъ изъ двухъ баталіоновъ 132-го Бендерскаго полка и 5-й батареи 33-й артилерійской бригады, съ тремя эскадронами 12-го драгунскаго полка, занималъ позицію на правомъ берегу Лома у Кацелева. Позиція эта, прикрывая пути черезъ Ломъ у Острицы и Широка, не позволяла турецкимъ войскамъ перейти черезъ Ломъ у Аблавы и въ то же время облегчала переходъ намъ въ наступленіе. Въ этомъ отношеніи позиція удовлетворяла цѣли; но для обороны была крайне неудобна, не соответствуя, по величинѣ, такому малочисленному отряду и не имѣя ни одного опорнаго пункта. Противникъ же, значительно превосходившій насъ численностью, могъ удобно развернуть противъ насъ всѣ свои силы и охватить нашу позицію. Лѣвый нашъ флангъ примыкалъ къ небольшому лѣсу, за правымъ флангомъ была деревня Кацелево, спускавшаяся къ Лому, высокіе берега котораго круто, почти отвѣсно, падали въ рѣку. Позади позицій въ утесистыхъ берегахъ продолжалъ быть одинъ узкій спускъ къ Лому; кромѣ того, за лѣвымъ флангомъ, шла лѣсомъ узкая тропинка. Такая позиція, очевидно, вовсе не соответствовала цѣли отряда, который, перекинутый на тотъ берегъ, долженъ былъ задержать наступленіе цѣлой арміи. Для усиленія позиціи были выстроены батареи и выкопаны ровики для стрѣлковъ въ нѣсколько ярусовъ. Войсками на передовой позиціи командовалъ генералъ-маіоръ Арнольди, командиръ 1-й бригады 12-й кавалерійской дивизіи.

За кацелевской позиціей, вдоль крутаго берега, протекалъ Ломъ; въ двухъ мѣстахъ черезъ него были перекинуты мостики; а далѣе, сажень на 100—150, тянулась долина Лома и потомъ уступами, съ пологими скатами, на версту и болѣе, поднимался, къ деревнѣ Аблава, тотъ берегъ, покрытый по склону виноградниками. Эту позицію занимали главныя силы: 129-й Бесарабскій, 131-й Тираспольскій полки, 1-й баталіонъ 130-го Херсонскаго полка, 2-я, 3-я, 4-я и 6-я батареи 33-й артилерійской бригады, скорострѣльная батарея, 12-й уланскій полкъ и

19-я конная батарея, подъ общимъ начальствомъ генераль-лейтенанта барона Дризена. Впослѣдствіи къ Аблаву прибыли еще два полка 1-й пѣхотной дивизіи, Копорскій и Невскій съ двумя батареями, часть которыхъ успѣла еще попасть въ дѣло. Позиція эта, представляя сильную трехъярусную оборону, была чрезвычайно удобна для принятія на ней боя. Только путь отступленія отходилъ по одной узкой лѣсной дорожкѣ. Еще наканунѣ мы были убѣждены, что противникъ не рѣшится атаковать эту позицію, да онъ, вѣроятно, и не атаковалъ бы ее, еслибы не выбилъ нашъ передовой отрядъ изъ Кацелева и, ободренный легкимъ успѣхомъ, не увлекся атакою главныхъ силъ.

Въ ночь съ 23-го на 24-е, къ намъ прибылъ генеральнаго штаба капитанъ Воеводичъ, который сообщилъ, что на усиленіе кацелевскаго отряда отправлены два баталіона 130-го Херсонскаго полка съ 1-ю батареей 33-й бригады и три сотни казачьяго № 31-го полка.

Съ разсвѣтомъ войска заняли передовую позицію; посерединѣ стала батарея, по сторонамъ баталіоны Бендерскаго полка, имѣя стрѣлковыя роты въ цѣпи. Нашимъ тремъ эскадронамъ 12-го драгунскаго полка приказано прикрывать лѣвый флангъ общаго расположенія, такъ какъ впереди мѣстность была удобна для дѣйствія кавалеріи. Такимъ образомъ всѣ войска стали въ боевой линіи безъ резерва. Мы расположились во взводныхъ колоннахъ въ одной линіи и съ фланга наблюдали за ходомъ дѣла.

Въ шесть часовъ утра густыя непріятельскія колонны начали показываться передъ фронтомъ нашей батареи; по нимъ пущены съ нашей стороны первые выстрѣлы, но снаряды не долетѣли. Черезъ полчаса на позицію прибыли два баталіона Херсонскаго полка, поставленные въ резервъ за лѣвымъ и правымъ флангами позиціи.

Въ семь часовъ утра непріятель открылъ огонь по нашей батарее; въ началѣ стрѣляло десять орудій, къ концу дѣла, противъ Кацелева и Аблавы, турки сосредоточили огонь 50-ти орудій. Быстро пристрѣлявшись, непріятель сталъ наносить чувствительный вредъ нашей батарее, выбивая людей и лошадей изъ строя; при этомъ, осколкомъ гранаты въ животъ убить командиръ батареи капитанъ Нѣжинцевъ. Тутъ же геройскою смертію палъ капитанъ Воеводичъ, стоявшій все время на батарее возлѣ генерала Арнольди, помогая ему распоряжаться боемъ. Потерю эту мы долго оплакивали; покойный былъ одинъ изъ лучшихъ, способнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба и пользовался общеою любовью и уваженіемъ въ дивизіи.

Болѣе трехъ часовъ шелъ сильный ожесточенный артилерійскій бой; въ одиннадцать часовъ онъ дошелъ до крайности, и наша батарея,

потерявъ большую часть людей и лошадей, не могла болѣе состязаться съ противникомъ. Въ это время прибыла 9-ти-фунтовая батарея, приведенная на позицію штабсъ-капитаномъ 12-го драгунскаго полка Саломірскимъ. Подъ прикрытіемъ ея огня, генераль Арнольди отвелъ 4-хъ-фунтовую батарею на вторую позицію, въ устроенную для нея земляную насыпь. Ослабивъ насъ артилерійскимъ огнемъ, непріятельскія колонны, предшествуемыя густыми стрѣлковыми цѣпами въ три ряда, перешли въ общее наступленіе.

Видя, что мы имѣемъ дѣло съ вѣнгеро сильнѣйшимъ противникомъ, охватывающимъ насъ съ обоихъ фланговъ, генераль Арнольди рѣшился отвести войска на вторую позицію и удержаться на ней еще нѣкоторое время, дабы этимъ дать возможность убрать раненыхъ и артилеріи сняться съ позицій.

Все время боя мы оставались на лѣвомъ флангѣ, постоянно передвигаясь впередъ, назадъ и въ стороны, чтобы укрыться отъ губительнаго огня артилеріи. Благодаря этому, гранаты рвались возлѣ насъ, не причиняя вреда полку. Около десяти часовъ ко мнѣ прибыли три сотни 31-го казачьяго полка. Когда, наконецъ, непріятель перешелъ въ наступленіе, и войска наши стали отходить на вторую позицію, турки выслали противъ насъ всю свою кавалерію, чтобы обойти лѣвый флангъ и отрѣзать намъ путь отступленія. Наши эскадроны стояли въ лощинѣ, и поднимавшаяся впереди мѣстность скрывала ихъ отъ глазъ противника. Видя приближеніе кавалеріи, я спѣшилъ два эскадрона драгуновъ и, примкнувъ ихъ къ лѣсу, закрыть путь къ обхвату лѣваго фланга. Трѣмъ же сотнямъ казаковъ, поддержаннымъ эскадрономъ драгуновъ, приказалъ атаковать непріятеля. Турецкіе эскадроны смѣло на рысяхъ подавались впередъ, не ожидая встрѣтиться съ нами. Когда они приблизились, казаки неожиданно поднялись на верхъ, а драгуны открыли огонь во флангъ. Регулярная турецкая кавалерія, которая вообще очень плоха, тутъ, при внезапномъ появленіи казаковъ, была такъ озадачена, что не только не приняла атаку, но даже не повернула назадъ, и шагахъ въ 50-ти отъ насъ остановилась въ нерѣшительности. Казаки вскочили въ ряды турокъ и пиками перекололи впереди стоящихъ офицеровъ; только тогда они повернули назадъ и ускакали въ разсыпную, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ. Ободренные успѣхомъ, казаки увлеклись преслѣдованіемъ и наткнулись на пѣхоту, которая причинила имъ довольно значительный уронъ. Не будучи въ состояніи догнать противника, казаки, подъ прикрытіемъ огня спѣшенныхъ драгуновъ, отошли назадъ.

Въ это время поручикъ Марченко донесъ мнѣ, что всѣ войска

наши отступаютъ. Отойдя на вторую позицію, пѣхота залегла въ ровикахъ и завалахъ и дала возможность, подъ сильнымъ натискомъ непріятеля, благополучно сняться съ позиціи сперва 4-хъ-фунтовой, а потомъ 9-ти-фунтовой батареямъ. Послѣ этого она еще нѣсколько разъ штыками отбивала насѣдавшаго противника и къ 2-мъ часамъ пополуночи весь отрядъ окончательно оставилъ кацелевскую позицію. Не имѣя уже возможности отступить къ своимъ войскамъ, мы бросились влѣво въ лѣсъ и, втянувшись рядами, узкой лѣсной дорожкой спустились къ Лому. Опрокинутая нами турецкая кавалерія не преслѣдовала.

Такимъ образомъ незначительный отрядъ нашъ героически выдержалъ 6-ти-часовой бой съ значительно сильнѣйшимъ противникомъ. Находясь все время подъ страшнымъ неумолкаемымъ огнемъ со всѣхъ непріятельскихъ батарей и подавленный численностью, онъ, только послѣ упорной защиты, истощенный и разбитый, медленно отступилъ съ позиціи, не потерявъ ни одного орудія, подобравъ раненыхъ, не оставивъ никакихъ трофеевъ въ рукахъ противника. Небольшая часть войскъ отошла къ Острицѣ; остатки херсонскихъ и бендерскихъ баталіоновъ, ведя съ собою массу раненыхъ, подъ прикрытіемъ 12-го драгунскаго полка, отступили на Кара-Врбовку и далѣе на Еренджикъ. Съ праваго фланга, часть 3-го баталіона Бендерскаго полка, вытѣсненная турками и отрѣзанная отъ пути отступленія, отошла на Аблаву; туда же отступили и три сотни донскаго № 31-го полка.

Отбросивъ нашъ передовой отрядъ у Кацелева, Мехметъ-Али повелъ атаку на главную позицію у Аблавы. Еще раньше онъ началъ громить эту позицію артилерійскимъ огнемъ изъ 60-ти орудій, поставленныхъ въ восьми батареяхъ.

Когда въ самый разгаръ боя у Кацелева къ нашимъ главнымъ силамъ стали подходить подкрѣпленія (три баталіона Копорскаго, одинъ баталіонъ Невскаго полковъ и двѣ батареи), генераль Дризень послалъ 131-й Тираспольскій полкъ, съ 6-й батареей, на поддержку передоваго отряда. Тираспольцы быстро вышли изъ виноградниковъ и ложементовъ, спустились къ Лому и перешли его въ бродъ, поддержанные огнемъ съ нашихъ батарей, которыя дѣйствовали шрапнелью по густымъ турецкимъ цѣлямъ. Но въ это время войска наши уже отступили съ кацелевской позиціи, и движеніе тираспольцевъ заставило турокъ пріостановить преслѣдованіе кацелевскаго отряда и обрушиться всѣми силами на Аблаву.

Около 3-хъ часовъ артилерійскій и ружейный огонь дошелъ до крайности, и непріятель, вѣроятно считая насъ довольно ослабленными, спустился къ Лому и повелъ атаку на виноградники и деревню Аблаву,

то есть, на нашъ правый флангъ и фронтъ. Не смотря на убійственный огонь и страшныя потери, турки, какъ львы, лѣзли впередъ, открыто поднимаясь въ гору. Уже цѣпь ихъ заняла деревню Аблаву и открывала фланговый огонь по частямъ, расположеннымъ въ виноградникахъ. Фланговый огонь и движеніе турокъ на виноградники вынудили бесарабцевъ отойти. Настала критическая минута; турки, ободренные успѣхомъ, подъ адскимъ огнемъ съ батарей и ложементовъ, прошли большое разстояніе; еще послѣднее усиліе — и они были бы на верху; уже бесарабцы подались назадъ, но въ это время въ общемъ ходѣ дѣла наступилъ тотъ кризисъ, тотъ переломъ, который рѣшаетъ участь дѣла, вырываетъ побѣду изъ рукъ непріятеля. Завидя отступавшихъ бесарабцевъ, начальникъ отряда, баронъ Дризенъ, лично подѣхалъ къ нимъ, ободрилъ солдатъ словомъ и приказалъ барабанщикамъ бить наступленіе. Начальникъ 33-й пѣхотной дивизіи, генералъ Тимофѣевъ, и командиры бригадъ бросились въ цѣпь, личнымъ примѣромъ увлекая солдатъ. Въ одно мгновеніе всѣ отступавшія части повернули назадъ; къ бесарабцамъ присоединились копорцы и съ крикомъ «ура» бросились въ штыки. Не выдержавъ бѣшенаго натиска нашихъ молодцовъ, турки повернули назадъ. Сломивъ ихъ штыками, пѣхота наша погнала ихъ къ Лому и далѣе за Ломъ до горъ, занятыхъ турками. Наши батареи и возвращавшіяся части Тираспольскаго полка помогли этому натиску, преслѣдуя турокъ огнемъ и штыкомъ. Бросивъ раненыхъ и убитыхъ, они бѣжали въ безпорядкѣ.

Въ шесть часовъ вечера прекратился бой, продолжавшійся безъ перерыва 11 часовъ; турки всюду были отбиты и отступили за Ломъ. Наши войска заняли прежнія позиціи, блистательно отразивъ вчетверо сильнѣйшаго врага, подъ начальствомъ турецкаго главнокомандующаго, Мехмета-Али-паши, численность арміи котораго доходила до 60-ти таборовъ пѣхоты съ 60-ю орудіями, 2,000 черкесовъ и четырехъ полковъ кавалеріи.

VI.

Отступление рущукскаго отряда съ Чернаго на Баницкій Ломъ.

Отбитіе атаки Мехметъ-Али подъ Аблавой 24-го августа имѣло важное стратегическое значеніе; отъ успѣха этого дѣла зависѣла участь рущукскаго отряда и данная ему цѣль: — обезпечить тылъ войскъ на Шипкѣ, прикрыть пространство отъ Дуная до Балкановъ и разобщить турецкія арміи, дѣйствовавшія на западномъ и восточномъ театрахъ.

Если бы мы не удержались под Аблавой, не только наш отрядъ, не имѣя обезпеченнаго пути отступленія, могъ быть окончательно уничтоженъ, подавленный численнымъ превосходствомъ противника, имѣвшаго всѣ шансы на своей сторонѣ, но еще прорывался центръ общаго расположенія рущукскаго отряда, и Мехметъ-Али могъ угрожать сообщеніямъ нашей арміи.

Съ 24-го на 25-е обѣ стороны почевали на своихъ позиціяхъ, въ виду другъ друга, отдѣленные только долиною Лома. Съ вечера еще наши раненные, обозы и все лишнее, что могло задержать движеніе войскъ, отправлено назадъ въ деревню Еренджикъ, верстахъ въ пяти за Аблавой. Узкая дорога, въ одну повозку, шедшая нѣсколько верстъ густымъ лѣсомъ, распустившаяся отъ дождя и грязи, была единственнымъ путемъ отступленія для нашего отряда. Всю ночь здѣсь бились повозки, стонали раненные. Небольшая разоренная деревня Еренджикъ должна была принять массу раненныхъ. Открыли подвижной лазаретъ; въ помощь пріѣхали врачи, прислуга и сестры «Краснаго Креста», подъ предводительствомъ молодаго, энергическаго и дѣятельнаго князя Щербатова, и работа закипѣла. Надлежало какъ можно скорѣе, подавъ первую помощь раненымъ, отправить ихъ дальше, въ виду близости непріятеля и предполагавшагося на завтра отступленія.

На другой день ожидали, что Мехметъ-Али возобновить атаку, но видно ударъ, нанесенный ему наканунѣ, былъ чувствительный и уронъ слишкомъ великъ для немедленнаго возобновленія дѣйствій. Съ утра онъ выслалъ парламентаря, чтобы уговориться относительно уборки раненныхъ. Вслѣдствіе этого, а также благодаря густому туману съ мелкимъ дождемъ, который совершенно скрывалъ мѣстность, не позволяя различить что-либо въ двухъ шагахъ, войска стали сниматься съ позиціи и послѣдовательно отходить, не замѣченныя и не тревожимыя турками.

Драгуны оставлены въ Еренджикъ для прикрытія раненныхъ; офицеры наши разосланы въ окрестныя деревни для сбора повозокъ. Всѣ свободные волы, лошади и повозки отобраны у болгаръ подъ раненныхъ, и, укладывая ихъ по нѣсколько человекъ, стали отправлять одну повозку за другой. Мимо насъ цѣлый день тянулись войска, артилерія, обозы; слѣдовало торопиться съ отправкою раненныхъ, чтобы не оставить ихъ вблизи непріятеля, который, послѣ ухода нашихъ войскъ, легко могъ перейти въ наступленіе. Въ Еренджикъ день послѣ боя и слѣдующую ночь шла усиленная работа и къ утру 26-го все было вывезено. Тогда получено приказаніе нашей бригадѣ, съ 19-й конной батареей, оставаться въ арьергардѣ, прикрывая отступленіе, для

чего изъ Еренджика перейти въ Челново, выше на Ломѣ, гдѣ и держаться противъ непріятеля, пока не пройдутъ войска 13-го корпуса, всѣ обозы и раненые. Быстрымъ движеніемъ мы, послѣ полудня, заняли Челновъ; къ нашей бригадѣ присоединились два баталіона 2-го Софійскаго полка. Выславъ разъѣзды, мы узнали, что противоположный берегъ Лома, отъ Острицы до Широка, занятъ непріятельскими передовыми постами и позади бивакъ значительныхъ силъ. Выставивъ отрядъ на позицію, генераль Арнольди объявилъ, что будетъ держаться здѣсь до послѣдней крайности. Однако турки, въ виду быстрого занятія нами Челнова ст пѣхотой, артилеріей и двумя полками кавалеріи, не рѣшились перейти черезъ Ломъ, и мы спокойно простояли на позиціи до вечера, когда получили извѣстіе, что всѣ наши войска, обозы и раненые благополучно прослѣдовали позади насъ.

27-го августа, т. е. черезъ три дня послѣ дѣла подъ Аблавой, всѣ войска рушукскаго отряда уже успѣли сосредоточиться, отступивъ отъ Чернаго за Баницкій Ломъ. Съ этого времени положеніе отряда было обезпечено.

Имѣя цѣль оборонительную, вслѣдствіе общаго хода дѣлъ подъ Плевной и на Балканахъ, рушукскій отрядъ, оставаясь на Черномъ Ломѣ, былъ разбросанъ и могъ быть разбитъ по частямъ. Кромѣ того, позиціи на Ломѣ, неудобныя для обороны, отдавали всѣ выгоды въ руки непріятеля, который, имѣя на флангахъ сильно укрѣпленные пункты, въ Рушукѣ и въ Разградѣ, соединенные паралельными путями, желѣзной и шоссейной дорогами, пользуясь открытою мѣстностью, могъ удобно маневрировать, сосредоточивая свои силы противъ того или другаго пункта нашего расположенія. Между тѣмъ рушукскій отрядъ, дойдя во время общаго наступленія до Чернаго Лома, не могъ отступить безъ боя въ виду непріятеля, въ особенности такого, какъ турки. Когда уже удалось блистательно отбить атаку Мехмета-Али на Аблаву, тогда только представилась возможность уступить непріятелю линію Чернаго Лома и отойти назадъ для принятія сосредоточеннаго расположенія. Турки же, потерпѣвъ пораженіе, оставались на мѣстѣ и лишь на 4-й—5-й день, перейдя черезъ Ломъ, направились черезъ Еренджикъ и Осиково на Церковну, гдѣ уже вторично были разбиты, 9-го сентября, отрядомъ генерала Татищева съ частями 11-го корпуса.

Сокративъ линію фронта и прикрываясь Баницкимъ Ломомъ, войска рушукскаго отряда расположились слѣдующимъ образомъ: отъ Дуная черезъ Трестеникъ къ Домогилѣ — 12-я дивизія, у Батинца — 33-я дивизія, далѣе вправо, выше по Лому — войска 13-го корпуса. Такимъ образомъ, кромѣ сосредоточеннаго расположенія на нашу сторону пе-

реходили и всё выгоды мѣстныхъ условій. Для атаки нашихъ позицій турки должны были переходить черезъ Черный Ломъ, текущій въ кру-
тыхъ, скалистыхъ берегахъ, что было чрезвычайно затруднительно и
рисковано въ случаѣ неудачи. Поэтому, во всѣхъ дальнѣйшихъ дѣ-
лахъ, они всегда выводили мало артилеріи, быстро убирали ее съ
позицій, дабы не потерять при отступленіи за Ломъ.

Такимъ образомъ совершилось отступленіе съ Чернаго на Баницкій
Ломъ съ цѣлью сосредоточенія, которое, въ стратегическомъ отношеніи,
можетъ считаться одною изъ лучшихъ операций рущукскаго отряда,
выполнившаго блистательно свою роль до конца кампаніи.

Занявъ всѣмъ отрядомъ новыя позиціи, надлежало развѣдать мѣст-
ность и непріятеля передъ фронтомъ нашего расположенія. Съ этою
цѣлью 31-го августа назначены сильныя рекогносцировочныя отряды,
которые должны были слѣдовать по тремъ направленіямъ: изъ Домо-
гилы, Батинцы и Бузовцы. Съ нашего бивака, у Батинцы назначены
для производства рекогносцировки 129-й Бесарабскій пѣхотный полкъ,
четыре орудія и по одному эскадрону драгуновъ и улановъ. Въ каждый
отрядъ командированы были особые офицеры изъ отряднаго штаба.
При нашей колоннѣ состоялъ покойный герцогъ Сергій Максимиліано-
вичъ Лейхтенбергскій съ генеральнаго штаба полковникомъ Зандеромъ.
Выступивъ изъ Батинца, отрядъ нашъ спустился къ Лому у Острицы.
На противоположномъ берегу видѣнъ былъ турецкій бивакъ, но силу
и составъ отряда нельзя было различить. Тогда, раздѣливъ батарею
на двѣ части, мы съ двухъ противоположныхъ сторонъ открыли огонь
по непріятелю; пѣхота же заняла деревню Острицу, на самомъ берегу
Лома. Послѣ первыхъ удачно пущенныхъ выстрѣловъ, непріятель об-
наружилъ свои силы, открывъ огонь изъ четырехъ батарей, величина и
расположеніе которыхъ ясно обозначились; остальные войска стали въ
ружье, и въ бинокль различались нѣсколько таборовъ. Развѣдавъ силы
и расположеніе противника, отрядъ отошелъ, преслѣдуемый только огнемъ.
Оставалось еще осмотрѣть позиціи выше по Лому, но вести съ этою
цѣлью отрядъ изъ трехъ родовъ оружія, подъ выстрѣлами противника,
было рискованно, и потому, расположивъ его скрытно въ деревнѣ, я съ
своднымъ дивизіономъ и въ сопровожденіи Его Высочества, на рысяхъ
поѣхалъ въ Кара-Врбовку. Деревня эта была занята, но мѣстные
жители показали, что черкесы и турецкая кавалерія съ того берега
ходятъ сюда на водопой и за фуражомъ. При насъ еще большее число
всадниковъ поднималось въ гору. Противъ Кара-Врбовки у Кацелева
мы высмотрѣли большой турецкій лагерь. Такимъ образомъ, удачно
выполненная развѣдка, раскрывъ силы противника, показала, что на пра-

вомъ берегу Лома находятся сильные передовые отряды, противъ Острицы и Врбовки посты выставлены вдоль Лома, и нашъ лѣвый берегъ нигдѣ не занятъ непріятелемъ, причемъ рѣка составляла границу расположенія обѣихъ сторонъ. То же выяснили и остальные рекогносцировки.

Съ отступленіемъ отряда наша бригада (12-й драгунскій и 12-й уланскій полки) стала у Батинца, охраняя бивачное расположеніе 33-й пѣхотной дивизіи. 2-я бригада нашей дивизіи стояла у Трестѣника, охраняя расположеніе 12-й пѣхотной дивизіи. Здѣсь служба наша стала легче; чередуясь съ уланами, мы ежедневно высылали только одинъ эскадронъ на аванпосты, охраняя лѣвый берегъ Лома на протяженіи всего семи верстъ, отъ Широка до Острицы. На противоположномъ берегу, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, стояли непріятельскіе посты.

Еще 27-го августа къ намъ на бивакъ у Батинца прибылъ пѣзъ Россіи маршевой эскадронъ, и мы пополнили свои ряды. Трудный вѣходъ, два мѣсяца безсмѣнной службы на аванпостахъ, значительная убыль въ людяхъ и особенно въ лошадяхъ, понесенная въ дѣлахъ, наконецъ потеря большого числа лошадей, сорвавшихся съ коновязей 27-го іюня, все это довело нѣкоторые, болѣе потерпѣвшіе, эскадроны, почти до половиннаго состава. Съ приходомъ маршевой части вся убыль заполнилась, и сохранившіеся въ рядахъ эскадроны снова развернулись въ надлежащія боевыя единицы. У Батинца мы простояли пять дней; это время употребили съ пользой на приведеніе себя въ порядокъ. Въ это время къ намъ, наконецъ, присоединился и 3-й эскадронъ, который во время дѣла подъ Аблавою оставался на аванпостахъ у Нисова на Бѣломъ Ломѣ. Отрѣзанный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и не будучи въ состояніи присоединиться къ полку, который въ то время уже отступилъ отъ Аблавы, эскадронъ, спѣшившись въ деревнѣ, три дня отбивался отъ нападенія черкесовъ. Наконецъ, воспользовавшись дѣломъ подъ Кадыкіюемъ, которое отвлекло вниманіе непріятеля, 3-й эскадронъ, подъ предводительствомъ майора Энемука, спустился по Лому къ Иванъ-Чифтлику, гдѣ присоединился къ войскамъ 12-й пѣхотной дивизіи, принявъ участіе въ дѣлѣ при Кадыкіюѣ и кружнымъ путемъ вернулся къ полку на бивакъ у Батинца. 1-го сентября въ Батинцы прибыла сводная донская дивизія генерала Родіонова; 12-й же кавалерійской дивизіи, по смѣнѣ ея казаками, приказано отойти на отдыхъ за Янтру. Съ перехода черезъ Дунай, слѣдуя въ авангардѣ, участвуя во всѣхъ дѣлахъ, постоянно на аванпостахъ, псходивъ всю мѣстность подъ Рушукомъ и подъ Разградомъ, мы, черезъ два съ половиною мѣсяца, перешли обратно черезъ Янтру и стали бивакомъ у Беланова. Не успѣли мы расположиться, устроиться,

какъ получено извѣстіе, что казачья дивизія генерала Родіонова отправлена подъ Плевну, и наша дивизія снова выдвигается на аванпосты. 1-й бригадѣ приказано идти въ Трестеникъ на смѣну 2-й бригады 12-й кавалерійской дивизіи, которая заняла наше мѣсто въ Белановѣ для отдыха.

VII.

Снова подъ Рушукомъ. Кавалерійскія дѣла на аванпостахъ.

Послѣ пятидневнаго отдыха, мы, съ береговъ Янтры, снова потянулись къ Лому для занятія аванпостовъ подъ Рушукомъ и 6-го сентября вечеромъ прибыли въ Трестеникъ, гдѣ поступили въ распоряженіе командира 12-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанта барона Фиркса. Здѣсь мы узнали, что на лѣвомъ флангѣ, противъ Пиргоса, черкесы печальными нападеніями часто тревожатъ наши аванпосты и однажды сняли цѣлый постъ, причемъ два гусара убиты, двое взяты въ плѣнъ. При смѣнѣ гусаровъ уланами они возобновили свои нападенія и наканунѣ нашего прихода, почти на томъ же мѣстѣ, взяли въ плѣнъ двухъ улановъ. Вслѣдствіе этого командиръ 1-й бригады, генераль Арнольди, приказалъ мнѣ занять этотъ участокъ аванпостной линіи драгунами. На слѣдующее утро я выѣхалъ осмотрѣть мѣстность и разставить посты. Линія нашихъ аванпостовъ была удалена отъ бивака на семь верстъ въ прямомъ направленіи и верстъ на 10 и болѣе до обоихъ фланговъ. Данный для охраненія участокъ, длиною слишкомъ восемь верстъ, шелъ отъ Дуная, на высокомъ берегу котораго поставленъ первый постъ, вдоль по высотамъ впереди селенія Мечки, проходилъ между этимъ селеніемъ и Пиргосомъ и далѣе, по открытой, легко всхолмленной мѣстности, доходилъ до рушукскаго шоссе у Ханъ-Гюль-Чесме. Здѣсь мы входили въ связь съ уланами, которые наблюдали пространство отъ шоссе до селенія Кошева на Ломѣ.

Наше аванпостное расположеніе представляло слѣдующія невыгоды: 1) Линія аванпостовъ была слишкомъ удалена отъ бивака: вмѣсто $3\frac{1}{2}$ —4-хъ верстъ, какъ полагается по уставу, посты были выдвинуты на восемь верстъ впередъ. 2) По длинѣ участокъ былъ тоже несообразно великъ; обыкновенно, при полномъ числѣ рядовъ, эскадронъ можетъ занять цѣною до четырехъ верстъ, мы же охраняли участокъ вдвое большій. 3) При растянутости и большомъ удаленіи линіи постовъ, мѣстность на лѣвомъ флангѣ была крайне пересѣченная, что, затрудняя наблюденіе, увеличивало опасность. Передъ линіею постовъ разстилалось внизу большое, богатое селеніе Пиргось, житница болгаръ; отъ него къ флангу нашей линіи тянулись виноградники.

Высоты по другую сторону Пиргоса были заняты непріятельскими постами. Такимъ образомъ между нами, на прямомъ пути изъ Рушука вверхъ по Дунаю, лежало селеніе Пиргось, служа приманкою для обѣихъ сторонъ, которыя, истощивъ свои запасы, ходили на фуражировку въ богатое болгарское селеніе, покинутое жителями. Поэтому и бывали здѣсь частыя аванпостныя стычки.

Такое невыгодное расположеніе аванпостовъ, въ особенности съ такимъ противникомъ, какъ черкесы, которые рѣдко держатъ непрерывную цѣпь на мѣстѣ, а шныряютъ вдоль всей линіи и массою въ 50—100 человекъ неожиданно нападаютъ на тотъ или другой постъ, было причиной частой тревоги и даже потери нѣсколькихъ людей, убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ.

Для устраненія этихъ невыгодъ и предупрежденія несчастныхъ случаевъ, я принялъ слѣдующій порядокъ охраненія:

1) За линію постовъ не ставить главнаго караула, а ограничиться двумя, болѣе сильными заставами за флангами, у селенія Мечки и на шоссе, какъ болѣе подверженныя нападенію. Въ серединѣ мѣстность открытая, удобная для наблюденія, слѣдовательно менѣе опасная.

2) Въ каждой заставѣ по взводу драгуновъ, въ цѣпи остальные два взвода; передъ каждой заставой отъ пяти до шести постовъ, слѣдовательно по всей линіи отъ 11 до 12 постовъ, въ четыре, пять и шесть человекъ каждый, смотря по мѣстности.

3) Всей линіи приказано постоянно быть въ движеніи, для чего, по очередно, два человека остаются на посту—часовой и подчасокъ—остальные 2—3—4 человека разъѣзжаютъ вправо и влево до сосѣднихъ постовъ и обратно. Такимъ образомъ, при растянутости линіи достигалась постоянная связь, и вся линія, будучи въ движеніи, охранялась бдительно и живѣе. При той пересѣченной мѣстности и предпріимчивости черкесовъ, которые прокрадывались къ цѣпи, это былъ лучший способъ охраненія линіи.

4) На ночь посты подаются назадъ къ заставамъ и занимаютъ меньшую линію, отчего стоятъ ближе.

5) Съ разсвѣтомъ посты выѣзжаютъ впередъ и занимаютъ прежнюю линію. При этомъ, прежде чѣмъ податься всѣмъ впередъ, нѣсколько отдѣльныхъ всадниковъ съ разныхъ сторонъ выскакиваютъ на возвышенности, осматриваютъ впереди мѣстность и затѣмъ уже выѣзжаютъ посты. За ними всегда должны слѣдовать заставы, которыя отъѣзжаютъ назадъ и слѣзаютъ съ лошадей только тогда, когда всѣ посты уже стали на мѣста. Предосторожность эта принималась въ виду того, что

черкесы большею частью нападали съ разсвѣтомъ. Посты всегда смѣнять на мѣстахъ деннаго расположенія.

6) Смѣну производить по возможности раньше, такъ какъ послѣ ночи, проведенной на аванпостахъ, люди до того утомлены, что уже не могутъ быть бдительны на посту.

7) Въ случаѣ нападенія, постами приказано открывать огонь, и если противникъ превосходилъ численностью, быстро собраться къ заставѣ. Заставѣ же, при первыхъ выстрѣлахъ, и въ какихъ бы силахъ ни былъ противникъ, непремѣнно подаваться впередъ. Выѣздъ заставы, хотя временно задерживая противника, даетъ возможность постами ускакать отъ преслѣдованія и присоединиться къ большой части. Если застава не можетъ сама отразить непріятеля, то, собравъ посты, отходить, наводя его на позади стоящую пѣхотную поддержку, которая залпомъ разсѣваетъ непріятельскую кавалерію. Послѣ чего застава бросается впередъ и, отогнавъ противника, занимаетъ постами прежнюю линію.

8) Большое удаленіе аванпостной линіи вызывало необходимость резерва передовыхъ постовъ, вслѣдствіе чего я просилъ начальника 12-й пѣхотной дивизіи выслать подкрѣпленія изъ пѣхоты. Ежедневно къ Мечкѣ и къ Ханъ-Гюль-Чесме выходили дежурныя части изъ двухъ ротъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ, отъ которыхъ высылались впередъ полуроты въ видѣ репли (replie) для кавалерійскихъ заставъ.

9) Кромѣ эскадрона, стоящаго на аванпостахъ, одинъ эскадронъ на бивакѣ назначается дежурнымъ и находится въ полной готовности. Люди и лошади отдыхаютъ, но днемъ полуэскадронъ засѣдланъ, дабы, въ случаѣ надобности, по первому донесенію съ постовъ, скакать на помощь, пока остальная часть полка собирается.

10) Наконецъ, согласно уставнымъ правиламъ—заставамъ высылать разѣзды къ сторонѣ непріятеля и для связи съ рядомъ стоящими частями. Донесенія письменныя посылать ежедневно утромъ и вечеромъ, кромѣ всѣхъ экстренныхъ случаевъ, и для передачи ихъ, между аванпостами и бивакомъ, выставлать нѣсколько промежуточныхъ постовъ отъ остальныхъ эскадроновъ.

При такомъ способѣ охраненія, черкесы не сняли у насъ ни одного поста; всѣ нападенія ихъ были отражены и, не смотря на ежедневную почти перестрѣлку на аванпостахъ, мы ни разу не потревожили напрасно отрядъ, который подъ прикрытіемъ драгуновъ спокойно отдыхалъ на бивакѣ.

Почти каждое утро черкесы подъѣзжали къ Пиргосу, но, встрѣченные мѣткимъ огнемъ драгуновъ, не рѣшались спуститься въ деревню.

12-го числа они собрались въ большихъ силахъ, съ цѣлью сбить наши посты, но 3-й эскадронъ, подъ начальствомъ капитана Вагнера, отразилъ ихъ нападеніе.

Видя неуспѣшность этихъ попытокъ, предводитель всѣхъ черкесовъ въ Руцукъ, Делаверъ-паша, родомъ черкесъ, родившійся въ Россіи, возымѣлъ намѣреніе, съ нѣсколькими сотнями, лично произвести рекогносцировку нашихъ аванпостовъ. Для этого ночью, когда посты наши отходятъ, онъ незамѣтно спустился въ Пиргосъ, съ тѣмъ, чтобы съ разсвѣтомъ нечаянно напасть, сбить посты и осмотрѣть расположеніе нашихъ войскъ, совершенно скрытое отъ турокъ.

Дѣло было въ ночь съ 17-го на 18-е; на аванпостахъ стоялъ 1-й эскадронъ. Когда съ разсвѣтомъ посты подались впередъ, изъ деревни неожиданно съ гикомъ выскочила сотня черкесовъ, за нею слѣдовала другая. Посты, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, поскакали назадъ. Но за постами ѣхала застава, взводъ подъ начальствомъ прапорщика князя Шаховскаго. Онъ ѣхалъ по узкой дорогѣ, окаймленной крутой высотой и обрывомъ. Услыхавъ выстрѣлы, князь Шаховской, во главѣ своего взвода, вытянутого рядами, бросился въ атаку. Когда изъ за поворота дороги показались драгуны, черкесы, уже наѣздавшіе на посты, пріостановились, и скакавшіе по одиночкѣ драгуны успѣли присоединиться къ заставѣ, избѣгнувъ вѣрныхъ ударовъ взмахнувшихся надъ ними шашекъ. Но когда весь взводъ вытянулся изъ дефиле, князь Шаховской увидалъ передъ собой густую массу разсыпанныхъ черкесовъ, которые, въ свою очередь, остановленные появленіемъ драгуновъ, снова подались впередъ, видя передъ собой только взводъ. Тогда, собравъ всѣ посты, застава, преслѣдуемая частымъ огнемъ и яростными криками черкесовъ, поскакала назадъ къ пѣхотному резерву аванпостовъ. На мѣстѣ обыкновеннаго расположенія заставы находился командиръ 1-го эскадрона, майоръ Кануковъ, съ двумя вѣстовыми, спокойно ожидая возвращенія заставы по смѣнѣ постовъ. Вдругъ онъ увидалъ скачущихъ назадъ драгуновъ, которыхъ быстро нагоняла черная туча черкесовъ. Въ этотъ критическій моментъ на помощь случайно подоспѣлъ 2-й эскадронъ. Съ разсвѣтомъ поднявшись съ бивака, 2-й эскадронъ, подъ начальствомъ прапорщика Кригера, поѣхалъ въ деревню Мечку за сѣномъ; люди были безъ ружей, но при шашкахъ. Подѣхавъ къ деревнѣ и услыхавъ въ сторонѣ перестрѣлку, прапорщикъ Кригеръ свернулъ съ дороги и поскакалъ на выстрѣлы. Увидавъ эскадронъ, майоръ Кануковъ принялъ надъ нимъ начальство и повелъ его впередъ; къ нему примкнула отступавшая застава, и тогда сила въ пять взводовъ драгуновъ развернулась подъ начальствомъ лихаго командира и,

съ крикомъ «ура», шапки на-голо, бросилась въ атаку. Черкесы, не выдержавъ, повернули назадъ и усакали вразсыпную. При преслѣдованіи они потеряли нѣсколько человѣкъ, свалившихся въ кручу; у насъ убитъ одинъ драгунъ и четыре лошади.

Такимъ образомъ, благодаря находчивости и смѣлости князя Шаховскаго, бросившагося въ атаку съ однимъ взводомъ, мы собрали всѣ свои посты, не отдавъ ни одного драгуна въ руки противника; а быстрое появленіе прапорщика Кримера, который, не задумавшись, повелъ эскадронъ на выстрѣлъ, дало возможность 1¹/₂ эскадрону отбросить нѣсколько сотенъ черкесовъ, предводимыхъ ихъ главнымъ начальникомъ, не допустивъ къ рекогносцировкѣ нашихъ позицій. Въ этой лихой аванпостной схваткѣ офицеры показали тотъ духъ смѣлости и предпріимчивости, который свойственъ только истымъ кавалеристамъ.

Въ официальномъ донесеніи Сулейману-пашѣ, Делаверъ-паша говоритъ, что не могъ довести до конца рекогносцировки, предпринятой 18-го числа, потому что былъ встрѣченъ значительно превосходными силами пѣхоты и кавалеріи; но при этомъ черкесы будто бы убили и ранили у насъ много всадниковъ, потерявъ сами нѣсколько человѣкъ.

Постъ этого черкесы долго не тревожили наши аванпосты и вѣѣ ружейнаго выстрѣла разѣѣзжали передъ нашей цѣпью.

Простоявъ двѣ недѣли на аванпостахъ, 20-го сентября, мы были смѣнены 2-ю бригадою. Драгуновъ на лѣвомъ флангѣ смѣнили казаки, а улановъ на правомъ флангѣ — гусары. Наша же 1-я бригада отошла верстѣ на восемь назадъ и стала бивакомъ у деревни Кара-Каджали, гдѣ мы отдыхали въ теченіе недѣли. Все это время, до 1-го октября, шли дожди, осенніе болгарскіе дожди; дороги распустились, густые туманы стояли съ утра. Ни мы, ни турки ничего не предпринимали, потому что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно.

28-го сентября мы снова получили приказаніе идти къ Трестенику для занятія аванпостовъ и уже оставались здѣсь до конца кампаніи. Служба по-бригадно кончилась, и всѣ части 12-й кавалерійской дивизіи вошли въ первую линію. Въ это время войска 12-го корпуса подались немного впередъ и стали на предварительно избранныхъ позиціяхъ, усиленныхъ полевыми укрѣпленіями. Линія аванпостовъ вслѣдствіе этого также продвинулась впередъ, и наша цѣпь заняла высоты по ту сторону Пиргоса, на мѣстности ровной, открытой и удобной для наблюденія.

Весь 12-й корпусъ сосредоточился на протяженіи 8 — 10 верстѣ.

Первая бригада 12-й пѣхотной дивизіи заняла укрѣпленную позицію на высотахъ позади Мечки; вторая бригада той же дивизіи — высоты впереди Трестеника, также усиленные укрѣпленіями; 33-я дивизіа въ резервъ между Трестеникомъ и Домоголой. Пространство между Мечкой и Трестеникомъ охраняла первая бригада 12-й кавалерійской дивизіи, расположенная тутъ на бивакѣ. Отсюда мы, поочередно съ уланами, выходили на аванпосты, выставляя цѣпь отъ Дуная, передъ Пиргосомъ до шоссе. На правомъ флангѣ 12-го корпуса стала вторая бригада нашей дивизіи, охраняя цѣпью пространство отъ шоссе до Кошева на Ломѣ. Войска твердой ногою стали бивакомъ позади хорошо укрѣпленныхъ и естественно сильныхъ позицій. Подтянулись обозы, въ деревняхъ устроили правильное хлѣбопеченіе; позади открылись дивизіонныя подвижныя лазареты, установился правильный подвозъ всѣхъ запасовъ, словомъ, все необходимое для продолжительной стоянки. Въ Трестеникѣ расположились всѣ штабы дивизій; корпусный штабъ сталъ позади, въ Яли Аблановѣ. У села Батина, верстахъ въ восьми за Мечкой, выше по Дунаю, устроили постоянную переправу, обеспечивающую подвозъ всѣхъ запасовъ изъ Румыніи для войскъ рущукскаго отряда. Вправо отъ 12-го корпуса, вверхъ по Лому, сталъ 13-й корпусъ также на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Такимъ образомъ, сосредоточенная на лѣвомъ берегу Лома армія Наслѣдника Цесаревича никогда еще не была такъ сильна. Имѣя отличную базу, хорошо обеспеченные фланги, припертые къ Дунаю и къ Лому, и хорошо сгруппированныя войска на небольшомъ боевомъ фронтѣ, мы могли здѣсь спокойно ожидать и даже желать атаки турокъ, которые не долго заставили себя ждать.

Главная турецкая армія, силою до 100 тысячъ, считая въ томъ числѣ гарнизоны крѣпостей Рущука и Шумлы, сосредоточилась на линіи Рущукъ-Разградъ подъ начальствомъ новаго турецкаго главнокомандующаго, Сулеймана-паши. Бывшій главнокомандующій Мехметъ-Али, который долго бездѣйствовалъ подъ Разградомъ, а затѣмъ потерпѣлъ неудачи подъ Аблавой 24-го августа и подъ Церковной 9-го сентября, былъ смѣненъ за то, что былъ противъ немедленной атаки. Сулейманъ-паша, одновременно съ назначеніемъ, получилъ инструкцію отъ сераскериата безотлагательно перейти въ наступленіе противъ арміи Наслѣдника Цесаревича на Ломѣ. Для рѣшительныхъ дѣйствій новый главнокомандующій собралъ всѣ свои силы. Уже съ 20-го сентября турецкія войска изъ Шумлы, Разграда и Джумы, а также по Лому изъ Кацелева, Аблавы и Широка, стали стягиваться къ Рущуку и къ Кадыкію, находящемуся въ восьми верстахъ отъ Рущука. Зная рѣши-

тельный образъ дѣйствій Сулеймана, его ожесточенныя атаки шипкинскихъ позицій, въ которыхъ онъ не жалѣлъ людей, мы, въ виду сосредоточенія его арміи, со дня на день стали ожидать его атаки. Грабежи, пожары, разбои, всякія звѣрства, всюду сопутствовавшія арміи Сулеймана и залившія кровью балканскія долины, разразились и здѣсь, на берегахъ Лома, съ появленіемъ этого излюбленнаго вождя турецкихъ фанатиковъ. Запылали деревни, застонали жители и каждую ночь наши аванпосты задерживали несчастныхъ болгаръ, бѣжавшихъ въ ужасѣ на нашу цѣпь.

Выславъ развѣдочныя партіи драгуновъ по разнымъ направленіямъ къ Лому, я узналъ, что по сю сторону Лома, кромѣ разсѣянныхъ партій черкесовъ, стоятъ только кавалерійскіе посты вдоль берега, съ небольшими пѣхотными поддержками у Иванъ-Чифтлика. Главныя же силы сосредоточены позади Лома у Кадыкіоя и въ окрестностяхъ Рущука, имѣя небольшіе передовые отряды у Долабы, Бесарбова, Краснаго, позади Чифтлика и у Нисова. Въ Кадыкіюфъ, такъ же какъ прежде въ Разградѣ, турки, искусные въ возведеніи земляныхъ насыпей, устроили обширный укрѣпленный лагерь, хорошо видный съ этого берега. Въ дополненіе къ этому, подосланные мною лазутчики показали, что у Кадыкіоя сосредоточено около 50,000 и около 30,000 въ окрестностяхъ Рущука; въ резервъ, по дорогѣ изъ Рущука въ Силистрію, стояли египетскія войска принца Гассана. Они также сообщили, что турки намѣревались атаковать насъ тотчасъ послѣ праздника Байрама, но, по случаю дурной погоды, постоянныхъ дождей, не позволившихъ перевезти артилерію, отложили атаку до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ. Выйдя изъ Рущука, они собирались атаковать насъ со стороны Пиргоса. Собравъ такимъ образомъ по развѣдкамъ и разспросамъ подробныя свѣдѣнія о силахъ, расположеніи и намѣреніяхъ противника, которыя вполне оправдались впоследствии, я послалъ подробное о томъ донесеніе въ штабъ.

Съ 1-го октября погода прояснилась. Съ этого времени и до первой серьезной атаки Сулеймана, послѣдовавшей только 14-го ноября, турки предпринимали цѣлый рядъ рекогносцировокъ, чтобы осмотрѣть наши позиціи и силы, хорошо скрытыя отъ нихъ мѣстностью. Въ свою очередь и мы предпринимали наступленія небольшими частями, какъ для отраженія непріятельскихъ рекогносцировокъ, такъ и для произведенія таковыхъ же.

Таковъ былъ общій характеръ дѣйствій на Ломѣ въ теченіе всего октября и половины ноября мѣсяца, въ которыхъ кавалерія рущукскаго отряда играла не малую роль.

Въ послѣднихъ числахъ сентября, въ турецкомъ лагерѣ у Кадыкіоя замѣтно было большое оживленіе, и до нашихъ аванпостовъ часто доносились звуки турецкой музыки, продолжавшейся далеко за полночь. Какъ только установилась погода, турки стали готовиться къ рекогносцировкѣ. 1-го октября аванпосты донесли, что къ вечеру непріятель въ значительныхъ силахъ, съ артилеріею, вышелъ изъ лагеря и построился впереди Кадыкіоя; лошадей повели на водопой въ сбруѣ. Съ развѣдомъ мы ожидали наступленія, но слѣдующій день прошелъ спокойно. Только сотни черкесовъ выѣхала на высоты противъ нашихъ постовъ и скрылась. Наконецъ 3-го октября, съ разсвѣтомъ, турки переправили на лѣвый берегъ Лома четыре батареи пѣхоты, нѣсколько сотенъ кавалеріи и, занявъ Иванъ-Чифтликъ, стали наступать къ шоссе. Донесли объ этомъ, наши посты, тѣснимые противникомъ, медленно отходили къ Ханъ-Гюль-Чесме, гдѣ стояла на позиціи дежурная часть — баталіонъ Украинскаго полка съ батареей. Въ 12-ть часовъ надъ авангардной батареей поднялся бѣлый дымокъ, раздался орудіиный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій; отвѣта съ противоположной стороны не было. Непріятель, не видя наши позиціи и не ожидая встрѣтить нашу артилерію въ столь близкомъ разстояніи, продолжалъ наступленіе изъ Иванъ-Чифтлика слѣдомъ за отступавшей цѣпью. Шелъ онъ медленно, увязая въ грязи; отъ проливныхъ дождей почва распустилась, люди едва волочили ноги, артилеріи подвезти не было возможности. При такихъ-то условіяхъ, наши посты, приблизившись къ авангарду, открыли фронтъ, и густая турецкая колонна была неожиданно встрѣчена мѣткимъ огнемъ нашей батареи. Нѣсколько удачно разорвавшихся гранатъ остановили наступленіе, и турки въ безпорядкѣ, вразбродъ, кто какъ могъ, бросились назадъ къ Лому. Въ это время Наслѣдникъ Цесаревичъ и командиръ 12-го корпуса Великій Князь Владиміръ Александровичъ, въ сопровожденіи начальника отряднаго штаба и конвоя изъ четырехъ сотенъ 37-го донскаго полка съ дивизіономъ атаманцевъ, объѣзжали войска на передовыхъ позиціяхъ. Объѣздъ этотъ, совпавшій случайно съ рекогносцировкой Сулеймана, былъ особенно эффектенъ. Тогда какъ турки силились подойти къ нашимъ позиціямъ, у насъ вдоль фронта развѣвалось красное знамя Цесаревича; солдаты, выстроенные на бивакѣ, громкимъ, восторженнымъ «ура» привѣтствовали высокихъ вождей, а, вторя имъ, дежурная батарея мѣткимъ огнемъ громила непрошеннаго гостя. Получивъ приказаніе отъ генерала Ванновскаго поддержать аванпосты, я съ дивизіономъ драгуновъ поѣхалъ въ Ханъ-Гюль-Чесме. Когда, по страшной грязи, я добрался до дежурной части, артилерія наша уже замолкла,

и непріятель скрылся за высотами къ Лому. Подъ прикрытіемъ дивизіона посты снова подались впередъ. Въ вечеру Великій Князь съ своими адъютантами выѣхалъ на шоссе, и одинъ, безъ конвоя, доѣхалъ до нашей цѣпи. Начальнику же корпуснаго штаба, генералу Косичу, съ двумя баталіонами Украинскаго полка, четырьмя сотнями 37-го полка и дивизіономъ атаманцевъ, приказалъ произвести рекогносцировку къ Чифтликъ, чтобы убѣдиться, не укрѣпился ли тамъ противникъ. Рекогносцировка, окончившаяся ночью при лунномъ свѣтѣ, исполнена была очень удачно; съ появленіемъ атаманцевъ и казаковъ, оставшіеся въ Чифтликѣ турки очистили деревню, и всѣ отступили на правый берегъ Лома.

Такъ неудачно для Сулеймана окончилась его первая рекогносцировка 3-го октября; потерявъ напрасно людей, онъ не достигъ никакихъ результатовъ, не нанеся намъ никакого вреда. Страшная распутица, не дозволившая вывезти артилерію, была отчасти тому причиною.

Слѣдующіе дни прошли спокойно. Только большое число болгаръ изъ Рущука, Кадыкюя и окрестныхъ деревень ночью перебѣгали къ намъ въ цѣпь, и всѣ показывали, что Сулейманъ готовится атаковать. Въ числѣ ихъ на посты однажды привели ко мнѣ баши-бузука. Рѣдко встрѣчалъ я такой красивый типъ: высокій, хорошо сложенный, съ тонкимъ профилемъ, выразительно звѣрскими глазами, красивыми черными усами на выбритомъ лицѣ. На головѣ бѣлая чалма, одѣтъ въ яркихъ тряпкахъ, за поясомъ кинжалъ. Онъ самъ называлъ себя баши-бузукомъ и показалъ, что сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Рушукѣ за убійство болгаръ, что теперь ихъ всѣхъ выпустилъ Сулейманъ, и что, узнавъ, будто русскіе отступили, и турки заняли Систово, онъ шель туда, когда неожиданно наткнулся на нашу цѣпь. Мнѣ и до этого нѣсколько разъ приходилось слышать отъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, что турецкое начальство само распускало въ лагеряхъ самые небывалые слухи о пораженіяхъ, нанесенныхъ русскимъ, и тщательно скрывало или искажало наши побѣды. Этимъ путемъ, вѣроятно, думали поддержать духъ арміи. Баши-бузука я отправилъ въ штабъ и не знаю, какая участь постигла этого дикаго звѣря.

8-го октября изъ штаба Наслѣдника къ намъ пріѣхалъ принцъ Арнульфъ Баварскій, съ небольшой свитой. Осмотрѣвъ наши позиціи, онъ выѣхалъ на аванпосты и проѣхалъ вдоль всей цѣпи, отъ Дуная до Лома. Въ 1,000 шагахъ отъ насъ неподвижно стояла турецкая цѣпь. Въ это время черкесы уже были замѣнены на аванпостахъ ре-

гулярною кавалеріей, которая совершенно усвоила себѣ нашъ способъ охраненія.

Въ тотъ же вечеръ получено приказаніе на другой день, 9-го октября, двумъ отрядамъ произвести рекогносцировку непріятельскаго расположенія. Одному—подъ моимъ начальствомъ, въ составѣ драгунскаго полка, двухъ казачьихъ орудій, двухъ баталіоновъ Одесскаго полка и четырехъ пѣшихъ орудій, слѣдовать возможно далѣе по шоссе къ Рущуку; другому отряду, изъ двухъ баталіоновъ, пѣшей батареи и 12-го казачьяго полка, подъ начальствомъ командира онаго, полковника Хрещатицкаго, слѣдовать къ Лому на Иванъ-Чифтликъ. Выступивъ съ разсвѣтомъ по шоссе, я оставилъ пѣхоту и артилерію на удобной позиціи впереди Ханъ-Гюль-Чесме, въ видѣ резерва, а самъ съ драгунами выѣхалъ далеко впередъ, сбилъ непріятельскіе посты и безпрепятственно подѣхалъ не только подъ орудійный, но почти подъ ружейный огонь Леванъ-Табіи. Видя далеко раскинутую цѣпь одиночныхъ всадниковъ, турки не открыли огня и не успѣли даже собраться при быстромъ нашемъ появленіи. Это дало мнѣ возможность осмотрѣть отдѣльные небольшіе лагеря у Бесарбова, Долаба и, подъ Леванъ-Табіею, сосчитать въ бинокль число палатокъ и приблизительно опредѣлить численность отрядовъ. Записавъ эти свѣдѣнія, я благополучно вернулся назадъ. Въ это время отрядъ полковника Хрещатицкаго завязалъ бой съ непріателемъ у Иванъ-Чифтлика. Въ виду этого я оставилъ часть своего отряда на шоссе, дабы турки не могли насъ обойти, переправившись у Краснаго, и съ однимъ баталіономъ, четырьмя орудіями и драгунами пошелъ на помощь правому отряду. Турки изъ за Лома открыли по насъ огонь изъ 6—7 орудій. Наши батареи отвѣчали имъ удачно; турецкая пѣхота и черкесы, показавшіеся изъ Чифтлика, были отброшены одесситами и казаками. Высмотрѣвъ въ подробности расположеніе непріятеля, правый отрядъ также вернулся на свои позиціи, потерявъ у Иванъ-Чифтлика двухъ убитыхъ и 16-ть раненыхъ, въ числѣ ихъ одного офицера. Драгуны прикрывали отступление. Въ этой рекогносцировкѣ принялъ участіе принцъ Арнульфъ.

На другой день послѣ этого турки значительно усилили свою цѣпь передъ Чифтликомъ, между тѣмъ позади большой лагерь подъ Кадыкіюмъ какъ будто уменьшился. Палатокъ не видать, вмѣсто нихъ земляныя насыпи, движенія нѣтъ, все тихо. Потомъ оказалось, что, по случаю дурной погоды, турки сняли палатки, часть ушла въ Рущукъ, часть въ окрестныя деревни, остальные укрылись въ землянкахъ. Но многіе полагали въ то время, что кадыкіюскій лагерь пустъ, что Сулейманъ ушелъ. Всѣ эти свѣдѣнія были такъ неопредѣленны, такъ

разнорѣчивы, что необходимо было выяснитъ положеніе непріятеля и развѣдать силы его на правомъ берегу Лома. Это и повело къ большой рекогносцировкѣ, предпринятой 12-го октября.

Наканунѣ получено приказаніе изъ отряднаго штаба 12-го октября произвести общую рекогносцировку Лома, частями 12-го и 13-го корпусовъ, для чего: тремъ полкамъ 33-й дивизіи съ артилеріею и второй бригадой 12-й кавалерійской дивизіи изъ Трестеника отдѣльными отрядами идти на Бесарбово, Красное, Чифтликъ, Кошево. Въ резервѣ за ними слѣдовать 12-й дивизіи: первой бригадѣ съ драгунскимъ полкомъ за лѣвымъ флангомъ, къ Пиргосу; второй бригадѣ съ уланами за правымъ—къ Ханъ-Гюль-Чесме. Правѣ 12-го корпуса—пяти баталіонамъ 13-го корпуса изъ Батинцы и Табачки слѣдовать къ Нисову и Соленику. Такимъ образомъ одновременно, небольшими отрядами, предпринималась общая рекогносцировка отъ Бесарбова до Соленика, на протяженіи 25-ти верстъ, центромъ дѣйствій коей былъ Кадыкій. Войскамъ велѣно взять съ собою запасъ мяса и сухарей и, буде возможно, занять Кадыкій, если противникъ отступилъ; въ случаѣ же серьезнаго сопротивленія, не втягиваясь въ бой, отойти за Ломъ. Цѣль эта, неясно поставленная, ввела въ заблужденіе отрядъ. Вообще изъ всѣхъ предпріятій руцукскаго отряда рекогносцировка 12-го октября была наименѣе удачная. Для развѣдки силъ и расположенія противника достаточно было выслать небольшія кавалерійскія части, которыя, быстро появляясь передъ фронтомъ противника, уже не разъ доставляли о немъ точныя свѣдѣнія. Усиленная же рекогносцировка могла служить только преддверіемъ къ бою. Не поддержанная, не доведенная до конца, она безцѣльно подвергла отрядъ неудачѣ. Отдѣльныя части, двинутыя по разнымъ направленіямъ, не имѣли общей связи, точно поставленной цѣли—управленіе ими, на протяженіи 25-ти верстъ, становилось невозможнымъ. Словомъ, для простой рекогносцировки мы были слишкомъ сильны, и потому дѣйствовали очень рѣшительно; для боя же, не будучи во-время поддержаны, оказались слишкомъ слабыми и вынуждены были отступить съ большими потерями.

Части 33-й дивизіи со второй кавалерійской бригадой выступили въ 6 часовъ утра; мы снялись съ бивака часомъ позже. Слѣдуя въ авангардѣ второй бригады 12-й пѣхотной дивизіи, драгуны отбросили непріятельскіе посты и гнали ихъ почти до самаго Долаба; при этомъ мы потеряли одного человѣка 3-го эскадрона и нѣсколько лошадей ранеными. Освѣтивъ мѣстность на нѣсколько верстъ впереди, мы остановились на высотѣ Бесарбова, гдѣ вошли въ связь съ гусарской

цѣпью. Позади насъ передъ Пиргосомъ стояли баталіоны 1-й дивизіи съ артилерією, которые, по диспозиціи, должны были оставаться здѣсь въ резервѣ. Этимъ дѣло и кончилось на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Отсюда я поѣхалъ вверхъ по Лому и засталъ слѣдующее положеніе дѣла. Правѣ насъ Бессарабскій полкъ съ ахтырскими гусарами подошелъ къ Бесарбову. Гусары также отогнали черкесовъ за Ломъ, но на противоположномъ берегу, между Бесарбовымъ и Краснымъ, стоялъ турецкій отрядъ, въ хорошо укрѣпленной позиціи; къ нему подходили еще подкрѣпленія изъ Рушука; вслѣдствіе этого командиръ Бессарабскаго полка, полковникъ Кузьминскій, не рѣшился форсировать переправу и остановился на этомъ берегу противъ Бесарбова. Главный бой разгорѣлся въ центрѣ у Чифтлика и Кошева. Тутъ же, въ самомъ началѣ дѣла, убитъ на повалѣ, пулей въ голову, Князь Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, выѣхавшій впередъ осмотрѣть расположеніе войскъ. По диспозиціи херсонцы были направлены къ Чифтлику, тираспольцы съ казаками къ Кошеву; одинъ полкъ 33-й дивизіи, Бендерскій, оставался въ резервѣ. Полковникъ Синкевичъ повелъ херсонцевъ и, послѣ упорнаго боя, овладѣлъ Иванъ-Чифтликомъ, въ которомъ отчаянно защищался таборъ пѣхоты съ 200 черкесовъ. Болѣе часа въ этомъ мѣстѣ какъ въ котлѣ кипѣлъ бой, вся деревня въ огнѣ грохотала залпами. Наконецъ херсонцы овладѣли мостомъ и стали взбираться на правый берегъ. Тутъ расположенъ былъ рядъ ложементовъ, занятыхъ турками; херсонцы, имѣя впереди 3-й баталіонъ храбраго майора Гапонова, штыками выбили турокъ изъ перваго ложемента, затѣмъ овладѣли вторымъ, третьимъ; турки бѣжали въ страхѣ; увлекшись успѣхомъ, прикалывая все, что сопротивлялось, цѣпь наша уже ворвалась въ переднія палатки кадыкійскаго лагеря. Тираспольцы также перешли Черный Ломъ у Кошева, но ужасной мѣстности, подъ сильнымъ огнемъ дошли до Бѣлаго Лома, но тутъ были остановлены. Въ это время турки, вышедшіе изъ Рушука, Кадыкія и Нисова, успѣли уже сосредоточиться и открыли жестокой ружейный и артилерійскій огонь. Съ лѣваго берега отвѣчали наши батареи. Разыгрался настоящій бой. Если бы такое энергическое наступленіе херсонцевъ было поддержано частями 12-й дивизіи, стоящими въ резервѣ то Кадыкія былъ бы занятъ нами. Но мы производили рекогносцировку, общее наступленіе не входило въ диспозицію. Силы противника достаточно выяснились и всѣмъ приказано отступить. Однако херсонцевъ долго нельзя было вывести изъ огня; только что бѣжавшіе передъ ними турки теперь стали насѣдать при отступленіи. Тогда ввели въ дѣло послѣдній полкъ 33-й дивизіи, подъ рипкрытіемъ ко-

того херсонцы и тираспольцы, отбиваясь штыками, медленно стали отходить за Ломъ. Львами бросились они вперед и героями отступили. Когда послѣдніе подошли къ Лому, нѣсколько человекъ, неуспѣвшіе спуститься къ рѣкѣ, были приперты къ отвѣсному берегу и окружены турками. Послѣ отчаянной защиты, предпочитая смерть постыдному плѣну, они перекрестясь бросились въ кручу....

Къ вечеру всѣ войска отошли за Ломъ на прежніе биваки. Турки, слабо преслѣдуя, остались на своихъ позиціяхъ; только часть ихъ слѣдомъ перешла черезъ Ломъ и попрежнему заняла Чифтликъ и укрѣпилась въ немъ. Такъ окончилось дѣло 12-го октября. Для насъ оно было только рекогносцировкой, хотя и съ потерей около 800 человекъ, а турки праздновали его какъ побѣду.

Послѣ этого, нѣкоторое время, ни мы, ни турки ничего не принимали, спокойно оставаясь на мѣстахъ. Армія Наслѣдника Цесаревича, хорошо сосредоточенная на отличныхъ позиціяхъ, ожидала атаки Сулеймана, который продолжалъ стигивать войска и обучать ихъ въ отдѣльных лагеряхъ, готовить къ рѣшительному удару. Такъ стояли мы три недѣли; ежедневная аванпостная служба шла своимъ чередомъ, изрѣдка оживленная легкою перестрѣлкой съ черкесами.

5-го ноября турки опять предприняли рекогносцировку нашихъ позицій. Около 11-ти часовъ утра получено донесеніе съ передовыхъ постовъ, что непріятель наступаетъ. Противъ казачьихъ постовъ, изъ Иванъ-Чифтлика, вышла кавалерія, поддержанная пѣхотною цѣпью; за ними изъ Кадыкюя къ Чифтлику спускалось нѣсколько таборовъ. Противъ драгунскихъ постовъ, на Пиргосъ, вышло три табора, при двухъ орудіяхъ съ двумя эскадронами. Получивъ эти донесенія, начальникъ 12-й кавалерійской дивизіи, баронъ Дризенъ, приказалъ одному дивизиону отъ каждаго полка, при четырехъ орудіяхъ 5-й донской и 19-й конной батарей, немедленно двинуться на Ханъ-Гюль-Чесме, дабы изъ этого центрального пункта дѣйствовать по обстоятельствамъ. Получивъ это приказаніе, командиръ нашей бригады, генералъ-маіоръ Бороздинъ, не медля повелъ на рысяхъ дивизионы драгуновъ и улановъ. У насъ 3-й эскадронъ стоялъ на постахъ, 1-й и 4-й выѣхали по тревогѣ, 2-й остался на бивакѣ. По прибытіи на мѣсто оказалось, что со стороны Чифтлика непріятель только слабо демонстрируетъ; встрѣченный ротой пѣхоты и двумя сотнями казаковъ, онъ остановился на высотахъ передъ Чифтликомъ. Главная же рекогносцировка была направлена на Пиргосъ; три пѣхотныя колонны, предшествуемая кавалеріей, рѣшительно наступали въ этомъ направленіи, тѣся драгунскіе посты, которые медленно отступали. Чтобы остановить движеніе

непріятеля, начальникъ дивизіи послалъ 1-й эскадронъ драгуновъ и 1-й эскадронъ гусаровъ въ обходъ лѣваго фланга непріятеля, за ними уступами пошли еще два эскадрона. Сводный дивизионъ на рысяхъ по-несся впередъ, поддержанный огнемъ четырехъ орудій 5-й донской батареи. Это быстрое движеніе нашей кавалеріи, почти въ тылъ наступавшихъ къ Пиргосу турокъ, заставило ихъ поспѣшно отступить. Вышедшія изъ Бесарбова и изъ Краснаго подкрѣпленія, огнемъ стрѣлковой цѣпи и двухъ орудій, поддерживали отступление турокъ и остановили преслѣдованіе драгуновъ и гусаровъ. Заставивъ противника отступить отъ Пиргоса, наши эскадроны, поражаемые огнемъ съ фронта и съ фланга, разсыпались и шагомъ отошли къ Ханъ-Гюль-Чесме. Сюда въ это время уже подошелъ авангардный баталіонъ Одесскаго полка съ двумя пѣшими орудіями, которымъ начальникъ дивизіи, въ виду наступленія турокъ изъ Бесарбова, приказалъ выдвинуться впередъ на позицію, чтобы встрѣтить турецкую пѣхоту. Однако турки ограничились только стрѣльбой по отходящей кавалеріи и, вслѣдъ за этимъ, отошли назадъ за Ломъ. Въ 4 часа дня дѣйствія всюду прекратились и посты наши заняли прежнія мѣста. Въ этомъ дѣлѣ у насъ контуженъ одинъ офицеръ, прапорщикъ Бережецкій, и раненъ пулей на вылетъ унтеръ-офицеръ 1-го эскадрона Гриценко, который, не смотря на рану, остался въ строю и только послѣ конца дѣла былъ отвезенъ на бивакъ; ранено также нѣсколько лошадей. Такимъ образомъ, благодаря во-время посланному донесенію съ передовыхъ постовъ и быстрому выѣзду остальныхъ эскадроновъ, начальнику дивизіи удалось съ одной кавалеріей, въ числѣ восьми эскадроновъ, изъ которыхъ только четыре были въ дѣлѣ, остановить наступленіе шести таборовъ съ артилерією и помѣшать производству рекогносцировки.

Послѣ неудачи 5-го ноября турки черезъ день, 7-го ноября, снова предприняли развѣдку и, на этотъ разъ, съ большими силами, причемъ опять главное направленіе взято на Пиргосъ. Въ этотъ день аванпосты заняты были отъ Дуная до шоссе эскадрономъ улановъ, отъ шоссе до Кошева—эскадрономъ гусаровъ. Съ ранняго утра слышались ружейные выстрѣлы со стороны Пиргоса и, около 10-ти часовъ, начальникъ 12-й кавалерійской дивизіи почти одновременно получилъ слѣдующія донесенія съ аванпостовъ. Съ праваго фланга, противъ гусарской цѣпи, изъ Иванъ-Чифтлика, вышло три табора пѣхоты, съ двумя эскадронами и двумя горными орудіями. Съ лѣваго фланга, на уланскую цѣпь изъ Рущука, выступили на Пиргосъ четыре табора пѣхоты съ двумя сотнями черкесовъ. На центръ общаго расположенія, на Ханъ-Гюль-Чесме, по рушукскому шоссе двигалась артилерія, подъ

прикрытіемъ густой пѣхотной цѣпи, охраняемой съ фланговъ кавалеріей. Съ полученіемъ этихъ донесеній начальникъ дивизіи приказалъ: командиру 12-го донскаго полка, полковнику Хрещатицкому, съ тремя сотнями и четырьмя казачьими орудіями, двинуться по направленію къ Кошеву, для наблюденія за правымъ флангомъ нашей позиціи. Командиру 12-го гусарскаго полка, полковнику Тевяшеву, оставивъ одинъ эскадронъ при резервѣ аванпостовъ, съ однимъ дивизиономъ и четырьмя конными орудіями двинуться по шоссе на Ханъ-Гюль-Чесме. Командиру 1-й бригады, генералъ-маіору Бороздину, съ драгунами и уланами, двинуться на Пиргосъ и, обойдя селеніе справа, наблюдать все пространство отъ Пиргоса до шоссе, войдя въ связь съ гусарами у Ханъ-Гюль-Чесме. Такимъ образомъ, на встрѣчу противника кавалеріи 12-й дивизіи немедленно двинута впередъ по тремъ направленіямъ, для прикрытія фронта боеваго расположенія 12-го корпуса.

Еще до начала дѣла, раннимъ утромъ, 1-й эскадронъ драгуновъ пошелъ къ Пиргосу смѣнять улановъ на аванпостахъ. Вскорѣ послѣ этого послышалась въ этомъ направленіи частая ружейная стрѣльба, и я отправилъ туда же 2-й эскадронъ. Въ 10 часовъ получено приказаніе начальника дивизіи, и генералъ Бороздинъ, съ оставшимся на бивакѣ дивизиономъ драгуновъ и тремя эскадронами улановъ, на рысяхъ пошелъ къ Пиргосу. Ружейная пальба усиливалась, слышались орудійные выстрѣлы; подъѣзжая къ Пиргосу, мы увидѣли, что турки уже спустились въ деревню; тамъ шелъ ожесточенный бой; изъ деревни выходили наши раненые, впереди на носилкахъ несли командира 1-й роты Азовскаго полка, штабсъ-капитана Черницкаго, пораженнаго четырьмя пулями. Здѣсь на лѣвомъ флангѣ происходило слѣдующее. Около 8 часовъ утра, противъ Пиргоса, показалась сперва цѣнь черкесовъ; встрѣченные эскадрономъ улановъ и 1-мъ эскадрономъ драгуновъ, пришедшимъ на смѣну, черкесы были опрокинуты. Не выдержавъ атаки, они вразсыпную бросились назадъ, открывъ густую цѣнь пѣхоты, за которой наступали четыре табора. Тогда 1-й эскадронъ сомкнулся къ лѣвому флангу, оберегая нижнюю дорогу по Дунаю, куда нѣсколько разъ пытались прорваться черкесы, но каждый разъ, отбитые драгунами, они скрывались, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько тѣлъ; уланскій эскадронъ сомкнулся вправо отъ Пиргоса. Стоявшая въ резервѣ аванпостовъ 1-я рота 45-го Азовскаго полка и пришедшая на смѣну рота 46-го Днѣпровскаго полка встрѣтили непріятеля впереди Пиргоса. Послѣ отчаяннаго сопротивленія впереди и въ самой деревнѣ, роты эти были выбиты турками, къ коимъ подошли еще нѣсколько таборовъ. Въ это время прибыла наша бригада, пройдя 6—7 верстъ.

на полныхъ рысяхъ. Найдя Пиргось уже занятымъ турками, генераль Бороздинъ приказалъ намъ развернуться вправо. Подъ сильнымъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, выставъ отъ всѣхъ эскадроновъ цѣпь наѣздниковъ, мы заняли всю линію отъ Пиргоса до шоссе, гдѣ вступили въ связь съ гусарами. Три турецкихъ эскадрона, пытавшіеся было обойти Пиргось, были отброшены. Съ появленіемъ нашей кавалеріи, части 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи, изъ Мечки, также перешли въ наступленіе на Пиргось. Атакованные съ фронта пѣхотой и съ фланга кавалеріей, турки очистили Пиргось. Но, проходя черезъ деревню, успѣли поджечь ее съ разныхъ сторонъ и перерѣзать нашихъ раненыхъ, оставшихся въ Пиргосѣ. Въ центрѣ, противъ дежурной части, стоявшей на шоссе, показались сначала всего двѣ роты турецкой пѣхоты съ двумя эскадронами. Вслѣдствіе этого начальникъ дивизіи приказалъ находившемуся здѣсь баталіону Одесскаго полка съ двумя орудіями перейти въ наступленіе; дивизіону гусаровъ, поддержанному дивизіономъ улановъ съ конной батареей прикрыть правый флангъ нашей пѣхоты и слѣдовать ложиной въ обходъ Пиргоса. Однако движеніе это было приостановлено, такъ какъ выѣхавшіе впередъ гусары обнаружили, что за двумя разсыпанными ротами скрытно расположено въ кукурузѣ еще нѣсколько таборовъ, позади которыхъ тянулись сомкнутыя части. Чтобы задержать непріятеля до прибытія подкрѣпленій, 2-й эскадронъ гусаровъ, подъ начальствомъ майора Булюбоша, три раза бросался въ атаку; скоро подоспѣли на выручку одесцы, поддержанные еще однимъ баталіономъ, и тогда общія усилія пѣхоты и кавалеріи, а также и мѣткій огонь артилеріи, заставили турокъ отступить. Этимъ дѣломъ въ центрѣ и кончилось, съ малыми для насъ потерями. Къ общему сожалѣнію, здѣсь былъ раненъ начальникъ штаба нашей дивизіи, полковникъ Штрикъ, пулею въ шею.

На правомъ флангѣ, у Кошева, противникъ вовсе не переходилъ въ наступленіе.

Къ вечеру, когда турки всюду были отброшены, кавалерія, разсыпавъ наѣздниковъ отъ Дуная до Ломы, стала преслѣдовать отступающихъ, которые отошли частью за Ломъ, частью въ Руцукъ. Отступленіе совершенно было такъ быстро, что непріятель оставилъ на полѣ много труповъ; кавалерія остановила преслѣдованіе только съ наступленіемъ темноты. Ночью драгуны и казаки заняли прежнюю линію постовъ отъ Дуная до Кошева. Возвращаясь черезъ погорѣвшую деревню Пиргось на бивакъ, мы нашли здѣсь еще горячіе слѣды турецкихъ звѣрствъ. Около 20 человѣкъ пѣхотныхъ солдатъ и между ними офицеръ, валялись страшно изуродованными; у всѣхъ отрѣзаны были

головы, вырѣзаны кресты на груди и другіе знаки; они были изуродованы такъ, что перо отказывается передать. Я тотчасъ же составилъ объ этомъ актъ, который, за подписями очевидцевъ, отправилъ въ штабъ, какъ новое доказательство тѣхъ злодѣйствъ, которые безнаказанно творятся въ арміи Сулеймана.

Въ этотъ день на насъ вышло съ разныхъ сторонъ до 16-ти таборовъ турецкой пѣхоты, которые всюду были отброшены; особенно сильная атака ведена была на Пиргосъ. Наши потери: офицеровъ убито—одинъ, ранено—семь, нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ до 150 человекъ. На долю кавалеріи въ томъ числѣ пришлось: штабъ-офицеровъ—1, оберъ-офицеръ—1, нижнихъ чиновъ—12, лошадей—24.

Въ дѣлахъ 5-го и 7-го ноября полки нашей дивизіи играли самую важную роль въ отбитіи непріятеля; не выходя изъ подъ огня, начавъ и окончивъ дѣла, они блистательно исполнили назначеніе кавалеріи. Сравнительно малую убыль въ людяхъ и лошадяхъ слѣдуетъ приписать принятому способу дѣйствій—постоянно въ сферѣ ружейнаго огня разсыпая эскадроны въ цѣпь, наступая тонкимъ, разомкнутымъ строемъ, держа сомкнутыя части въ поддержкѣ вѣ дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла.

VIII.

Дѣла подъ Мечкой и Трестеникомъ съ арміей Сулеймана. Бой 14-го ноября.

Рядъ послѣдовательныхъ рекогносцировокъ, произведенныхъ турками, все съ большими силами и все въ томъ же направленіи, ясно указывали, что они намѣрены сдѣлать серьезное нападеніе на русскій отрядъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ предположеніи я послалъ нѣсколькихъ надежныхъ лазутчиковъ высмотрѣть силы и расположеніе противника и узнать его намѣренія. Выпущенные ночью за нашу цѣпь, они 8-го утромъ были приведены драгунами на бивакъ и, опрошенные моимъ переводчикомъ, доставили весьма подробныя свѣдѣнія о составѣ и численности сосредоточенныхъ противъ насъ турецкихъ войскъ. Кромѣ того, они сообщили, что въ турецкомъ лагерѣ получено изъ сераскеріата приказаніе безотлагательно и энергично атаковать наши позиціи у Мечки и Трестеника, съ цѣлью отбросить насъ за Янтру, овладѣть Батинскимъ мостомъ на Дунаѣ и дѣйствовать на сообщенія русской арміи. Составивъ на основаніи добытыхъ свѣдѣній и произведенныхъ развѣдокъ подробное донесеніе, я въ тотъ же вечеръ отправилъ его въ штабъ.

Предупрежденный передовыми постами, 12-й корпусъ, сосредоточенный на хорошо укрѣпленныхъ позиціяхъ, стоялъ въ ожиданіи боя. Всѣ распоряженія сдѣланы заблаговременно. 9-го числа командиръ корпуса, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, объѣзжалъ войска.

10-го, 11-го и 12-го ноября все было спокойно. 13-го, утромъ, турки двинули впередъ небольшіе отряды по всей линіи Лома, выше нашего расположенія. Демонстративныя движенія эти имѣли цѣлью скрыть сосредоточеніе войскъ для общей атаки, назначенной на 14-е число.

Войска наши въ день боя расположены были на укрѣпленныхъ позиціяхъ слѣдующимъ образомъ: а) на лѣвомъ флангѣ у Мечки 1-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи (шесть баталіоновъ, 16 орудій) подъ начальствомъ генерала Цитлядзеа; б) на правомъ флангѣ у Трестеника 2-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи, за ней 129-й Бессарабскій полкъ 33-й пѣхотной дивизіи (девять баталіоновъ, 44 орудія) подъ начальствомъ генерала Фофанова; в) между Трестеникомъ и Мечкой 1-я бригада 12-й кавалерійской дивизіи, вправо отъ Трестеника 2-я бригада той же дивизіи; г) на крайнемъ правомъ флангѣ у Табачки, для охраненія Лома, два баталіона 130-го Херсонскаго полка при восьми орудіяхъ. Такимъ образомъ, отъ Дуная до Лома, на протяженіи 15 верстъ, стояли въ боевыхъ линіяхъ 17 баталіоновъ, 18 эскадроновъ, 68 пѣшихъ и 12 конныхъ орудій, подъ общимъ начальствомъ начальника 12-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта барона Фиркса. Въ резервѣ у Домогилы и у Обретеника остальные два полка 33-й дивизіи съ пятью батареями (шесть баталіоновъ, 24 орудія), всего около 20,000 человекъ. Турки же, вышедшіе противъ насъ 14-го ноября изъ Русука, Бесарбова, Краснаго, Кадыкюя, по донесенію Сулеймана, были въ составѣ 51 табора при 54 орудіяхъ и 15 эскадронахъ кавалеріи и черкесовъ, всего около 30,000 пѣхоты и 2,000 кавалеріи, подъ начальствомъ ферики Асафа-наши. Турки, какъ видно, имѣли значительный перевѣсъ въ силахъ и только уступали намъ въ числѣ артилеріи. Но за то отрядъ нашъ стоялъ на отлично укрѣпленныхъ позиціяхъ. Турки же атаковали насъ по открытой, хорошо обстрѣливаемой мѣстности, имѣя въ тылу трудно проходимую рѣку Ломъ, что значительно замедляло движеніе и затрудняло подвозъ артилеріи.

Въ ночь съ 13-го на 14-е на аванпостахъ противъ лѣваго фланга стояла сотня № 37-го казачьяго полка, противъ праваго фланга эскадронъ Ахтырскаго гусарскаго полка, за ними, въ резервѣ аванпостовъ, подъ Пиргосомъ—одинъ баталіонъ при двухъ орудіяхъ, у Ханъ-Гюль-Чесме—два баталіона при четырехъ орудіяхъ.

Около 8 часовъ утра получено было донесеніе съ аванпостовъ, что непріятельская пѣхота съ кавалеріей наступаетъ на Пиргось, другая часть переходитъ черезъ Ломъ и спускается къ Чифтлику. Немедленно для встрѣчи противника выдвинута вся кавалерія. На лѣвомъ флангѣ командиръ 1-й бригады, генералъ Бороздинъ, съ оставшимися на бивакѣ 1-мъ, 3-мъ и 4-мъ эскадронами драгуновъ и дивизіономъ улановъ, на рысяхъ поѣхалъ къ Пиргосу ('). Обойдя деревню Мечку, мы замѣтили, что казачья цѣпь уже отошла въ ложину передъ деревней; пѣхотный же резервъ, подержанный шедшимъ на смѣну баталіономъ, отошелъ отъ Пиргоса на мечкинскую позицію; на него наступало восемь таборовъ. Тогда генералъ Бороздинъ, отрядивъ одинъ полуэскадронъ улановъ къ Дунаю, для прикрытія лѣваго фланга, остальными частями занялъ пространство отъ Мечки до Трестеника и, связавъ войска лѣваго фланга позиціи съ центромъ, остановилъ турецкую кавалерію, направлявшуюся въ этотъ промежутокъ. На правомъ флангѣ командиръ 2-й бригады, генералъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, получивъ донесеніе о наступленіи непріятеля со стороны Чифтлика, выдвинулъ впередъ Ахтырскій гусарскій полкъ съ четырьмя орудіями 5-й донской и двумя орудіями 19-й конной батареи, для прикрытія праваго фланга трестенинской позиціи. Непріятель между тѣмъ сильно тѣснилъ цѣпь, и для облегченія ея отступленія выдвинуты были еще два орудія донской и 19-й батареи, подъ прикрытіемъ 2-го эскадрона драгуновъ и 3-го эскадрона улановъ. Мѣткій огонь 16 конныхъ орудій при шести эскадронахъ задержали наступленіе пѣхоты и кавалеріи, шедшей въ обходъ праваго фланга трестенинской позиціи. Этимъ началась дѣятельность кавалеріи на обоихъ флангахъ.

Около 10 часовъ уже всѣ передовыя позиціи оставлены, турки въ полномъ наступленіи, артилерія и пѣхота наша изъ за земляныхъ батарей и ложементовъ мѣткимъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ встрѣтили наступающихъ. У Мечки разгорѣлся сильный бой. Чтобы поддержать 1-ю бригаду, генералъ Фирксъ послалъ два баталіона Бессарабскаго полка съ батареею для подкрѣпленія мечкинской позиціи, а около 11 часовъ я получилъ приказаніе съ драгунскимъ полкомъ (три эскадрона) слѣдовать во главѣ Одесскаго пѣхотнаго полка и 5-й батареи, которые изъ Трестеника направлены на Пиргось, во флангъ турецкимъ войскамъ, атаковавшимъ Мечку. Между тѣмъ турки, сбивъ наши аван-

(') 2-й эскадронъ драгуновъ посланъ былъ къ Кошеву въ резервъ аванпостовъ 2-й бригады. Одинъ эскадронъ улановъ стоялъ у Кошева, другой посланъ былъ на аванпосты къ Пиргосу.

гардные баталіоны, уже спустились въ Мечку и густою цѣпью стали подыматься на противоположныя высоты, занятыя нашими ложементами. Поднутивъ непріятеля на близкое разстояніе, днѣпровцы дали нѣсколько залповъ, затѣмъ, выйдя изъ ложементовъ съ крикомъ «ура», спустились съ позиціи, сломили непріятеля и обратили его въ бѣгство. Азовцы тѣмъ временемъ ворвались въ деревню и, послѣ упорнаго боя, выбили турокъ изъ Мечки, переколовъ многихъ штыками. Множество труповъ, оставленные непріятелемъ раненые, брошенные ящики съ патронами, ружья, амуниція указывали на быстроту отступленія. Между Пиргосомъ и Мечкой турки пытались удержаться на гребнѣ, но когда на флангъ показались одесцы съ драгунами во главѣ, то, атакованные одновременно съ фронта и фланга, они бросились назадъ.

Для преслѣдованія отступающихъ я приказалъ 3-му эскадрону идти въ атаку. Командующій эскадрономъ, штабсъ-капитанъ Левицкій, крупной рысью повелъ эскадронъ ложиной, и когда поднялся на гребень, очутился въ 100 шагахъ отъ пѣхоты. Таборъ остановился, сомкнулся и дружнымъ залпомъ встрѣтилъ драгуновъ. Облако дыма заволочло эскадронъ, ничего не было видно. Сердце судорожно сжалось: въ первый разъ пускалъ я своихъ молодцовъ въ атаку на пѣхоту. Но моментально изъ за облака дыма стройно вынеслась карьеромъ черная масса. Весь залпъ пролетѣлъ надъ головою, и драгуны, шашки на-голо, врубались въ таборъ. Въ этой лихой кавалерійской атакѣ участвовали еще взводъ улановъ, подъ командою корнета Гейцига, и полковой адъютантъ, поручикъ Марченко, посланный мною къ эскадрону. Въ отчаянной рукопашной схваткѣ мы потеряли всего девять человекъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ двухъ лучшихъ унтеръ-офицеровъ, первыми врубившихся въ ряды. За то разгоряченные драгуны никому не дали пощады; непріятель оставилъ на мѣстѣ груду изрубленныхъ тѣлъ, много оружія, патроновъ. Подоспѣвшіе одесцы довершили поражение штыками; всего три человека взято было въ плѣнъ. Уцѣлѣвшіе турки въ паникѣ бѣжали къ Рущуку. Ведя позади два эскадрона устунами, я собирался и ихъ пустить въ атаку, чтобы покончить дѣло преслѣдованіемъ, какъ вдругъ увидалъ на рущукскомъ шоссе густыя массы турецкой пѣхоты съ артиллеріею, которыя, повернувъ въ нашу сторону, быстро спускались съ шоссе, чтобы отрѣзать отъ Пиргоса увлекшихся драгуновъ и одесцевъ. Остановивъ преслѣдованіе, я приказалъ ѣхавшей позади Одесскаго полка 5-й батарее остановиться и открыть огонь, чтобы удержать непріятеля и дать намъ время отойти. Батарея, подъ прикрытіемъ двухъ эскадроновъ драгуновъ, живо снялась съ позиціи. Не успѣла она открыть огонь, какъ уже первая

непріятельская граната разорвалась на самой батарее, выхвативъ четырехъ лошадей. Но артиллеристы, спокойно прицѣлившись, нѣсколькими мѣткими выстрѣлами остановили турецкія колонны, которыя, скрывшись за бугоръ, потянулись по шоссе къ Трестенику. Драгуны и одесцы отошли къ правому флангу мечкинской позиціи, куда къ часу дня отошли и полки 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи. Этимъ кончилось дѣло на лѣвомъ флангѣ.

Отбитые у Мечки, турки всѣми силами обрушились на трестеникскую позицію. Авангардъ, стоявшій у Ханъ-Гюль-Чесме, сильно атакованный непріателемъ, медленно отступилъ на главную позицію. Вмѣстѣ съ авангардомъ отступили и кавалерійскія части—12-й гусарскій Ахтырскій полкъ, дивизионъ улановъ и эскадронъ драгуновъ, съ двумя взводами 5-й донской и 19-й конной батарей, которыя встали правѣе шоссе для прикрытія праваго фланга трестеникской позиціи. Командиръ 12-го донскаго полка, полковникъ Хрещатицкій, занимавшій аванпосты, правѣе гусаровъ, отъ Кошева до Пепелены, убѣдившись, что турки ничего серьезнаго не предпринимаютъ въ этомъ направленіи, пошелъ съ двумя сотнями и взводомъ 5-й донской батареи черезъ Кошево въ пространство между Иванъ-Чифтликъ и Трестеникомъ для наблюденія за правымъ флангомъ и прикрытія дорогъ, ведущихъ къ шоссе и въ промежутокъ между Трестеникомъ и Домогилой.

Когда атака турокъ на Мечку была окончательно отбита, генераль Фирксъ послалъ приказаніе бесарабскимъ баталіонамъ возвратиться къ Трестенику и стать въ резервъ за правымъ флангомъ позиціи. Турки между тѣмъ уже развернули противъ Трестеника до сорока таборовъ и стали охватывать правый флангъ нашей позиціи, причемъ заняли оставленные нами передовые ложементы. Чтобы воспрепятствовать охвату, командиръ 2-й бригады, генераль Фофановъ, не ограничиваясь пассивною обороною, приказалъ Украинскому полку перейти въ наступленіе и взять обратно передовые ложементы противъ праваго нашего фланга. Украинцы, имѣя во главѣ ротныхъ командировъ, смѣло бросились впередъ и штыками выбили турокъ изъ ложементовъ. Атаку эту съ праваго фланга поддерживали гусары. Майоръ Игнатьевъ съ дивизиономъ гусаровъ и полкъ-эскадрономъ драгуновъ, подъ начальствомъ штабс-капитана Бенескула, бросились на отступавшую пѣхоту, изрубили болѣе 20-ти человекъ, взяли въ плѣнъ одного офицера и 11 рядовыхъ, нѣсколько выючныхъ лошадей съ патронными ящиками и много ружей, которыми вооружились гусары и открыли изъ нихъ частый огонь по отступавшимъ. Атака эта была поддержана огнемъ четырехъ орудій 5-й донской батареи. Турки очистили наши передовые ложементы. Для при-

крытія отступавшей пѣхоты они выставили на возвышенности у Ханъ-Гюль-Чесме десять орудій дальняго боя и открыли огонь по казачьимъ орудіямъ. Въ это время къ правому флангу прибылъ полковникъ Григорьевъ, командиръ 12-й артилерійской бригады, который, воспользовавшись движеніемъ впередъ украинцевъ, перевелъ на этотъ флангъ 9-ти фунтовую батарею, которая скоро заставила замолчать непріятельскія орудія. Донская же батарея, снявшись съ позиціи, отъѣхала на правый флангъ къ гусарскому полку.

Отброшенные на правомъ флангѣ, турки съ большимъ ожесточеніемъ обрушились на центръ и лѣвый флангъ позиціи. У Трестеника было всего пять баталіоновъ, изъ нихъ два, бывшіе въ авангардѣ, уже сильно пострадали. Турки же, вводя въ бой новыя силы, наступали нѣсколькими цѣпами, и потому даже сильный и мѣткій огонь нашей артилеріи не могъ ихъ задержать: они упорно подавались впередъ. Чтобы остановить эту атаку, начальнику мечкинской позиціи послано приказаніе атаковать правый флангъ турекъ, наступавшихъ на Трестеникъ. Въ Домогилу и Обретеникъ посланы ординарцы ускорить прибытіе тираспольцевъ и бендерцевъ, для поддержки 2-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи.

Какъ сказано было выше, наша бригада, отбросивъ непріятеля, атаковавшаго Мечку, остановилась вправо отъ этой деревни. Видя, что турки усиленно наступаютъ на Трестеникъ, генераль Бороздинъ приказалъ дивизиону бѣлгородскихъ улановъ, подъ командою подполковника Юмудекаго, съ двумя орудіями 19-й конной батареи, подъ командою прапорщика Жебеки, выѣхать на позицію влѣво отъ Трестеника и взять во флангъ наступающаго непріятеля. Подполковникъ Юмудскій на близкій выстрѣлъ подѣхалъ къ туркамъ и, избравъ удобную позицію, осыпалъ картечными гранатами наступавшаго непріятеля. Два конныхъ орудія эти дѣйствовали необыкновенно удачно и нанесли большой уронъ противнику; уланы же захватили почти въ тылъ наступавшей цѣпи. Одновременно съ этимъ на высоту, лѣвѣе улановъ, выѣхали четыре пѣшихъ орудія, подъ прикрытіемъ 1-го эскадрона драгуновъ, и также открыли огонь во флангъ. Наконецъ Одескому полку, съ остальными эскадронами драгуновъ, приказано перейти въ наступленіе изъ Мечки къ Ханъ-Гюль-Чесме, въ обходъ трестенинской позиціи.

До 3^{1/2} часовъ, украинцы съ однимъ баталіономъ одесцевъ отстаивали свои позиціи впереди Трестеника, изнемогая въ неровной борьбѣ. Въ это время къ правому флангу подошли два баталіона бесарабцевъ, вскорѣ за ними подошли изъ резерва Бендерскій и Ти-

распольскій полки съ двумя батареями. Прибытіе этихъ частей было сигналомъ общаго наступленія. Впереди пошли украинцы и бесарабцы, за ними бендерцы. Атака на всѣхъ пунктахъ ведена была энергично, безостановочно. Для поддержанія наступленія праваго фланга, полковникъ Григорьевъ лично направилъ изъ резерва 6-ю батарею въ середину наступающихъ украинцевъ. Батарея, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, съ 400 сажень картечными гранатами открыла огонь по непріятельскимъ колоннамъ. Украинцы взшли на высоты по пятамъ бѣжавшихъ турокъ и преслѣдовали ихъ до Ханъ-Гюль-Чесме. Кавалерія съ фланговъ поддерживала наступленіе. На высотахъ у Ханъ-Гюль-Чесме непріятель хотѣлъ еще удержаться, но когда на флангъ со стороны Мечки показались одесцы и азовцы, то непріятель, одновременно атакованный съ фронта и съ фланга, поспѣшно началъ отступать по всей линіи. Дѣло кончилось уже въ сумерки; но кавалерія еще выѣхала впередъ для общаго преслѣдованія и остановилась только, когда наступила совершенная темнота. Въ этотъ день уже съ 2-хъ часовъ пошелъ дождь; холодный рѣзкій вѣтеръ подъ вечеръ усилился еще болѣе, почву растворило отъ дождя, двигаться дальше не было возможности. Подъ прикрытіемъ первой бригады, аванпосты заняли прежнюю линію, впереди Пиргоса, отъ Дуная до Лома. Измученные, голодные, промокшіе до костей, мы только въ полночь съ трудомъ добрались въ потьмахъ до бивака, гдѣ весь отрядъ уже спалъ непробуднымъ сномъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ еще за нѣсколько часовъ кипѣлъ ожесточенный бой, царила мертвая тишина, только изрѣдка прерываемая стономъ раненыхъ. Вернувшись на бивакъ, мы были такъ утомлены, что люди, разсѣлавъ лошадей и заложивъ имъ кормъ, сами, не ужиная и не раздѣваясь, бросились на сырую землю.

Пораженіе непріятеля въ этотъ день было полное. При отступленіи турки оставили на мѣстѣ много убитыхъ и раненыхъ; оружіе, патроны, амуниція и другіе трофеи достались намъ въ руки. По донесенію самого Сулеймана, турки потеряли въ этотъ день 1,200 человекъ; впереди нашихъ позицій лежало до 400 тѣлъ, въ плѣнъ взято всего 80 человекъ при трехъ офицерахъ. Съ нашей стороны у Трестеника и Мечки ранено 646 человекъ, убито 100, офицеровъ ранено 25 и трое убитыхъ.

Не входя въ разборъ славнаго дѣла 12-го корпуса подъ Мечкой и Трестеникомъ 14-го ноября, я укажу только на участіе въ немъ кавалеріи.

1) Еще за нѣсколько дней до боя кавалерія, по собраннымъ свѣдѣніямъ, предупредила о намѣреніи противника атаковать наши пози-

цій у Мечки. Въ день боя аванпосты по всей линіи во-время донесли о наступленіи противника, съ указаніемъ силъ и направленія.

2) Въ началѣ боя вся кавалерія 12-й дивизіи по-бригадно выѣхала впередъ и на время удержала противника, давъ возможность всему отряду занять свои позиціи и изготovitъ къ бою. Отойдя затѣмъ на линію общаго расположенія, 1-я бригада заслонила открытый участокъ позиціи между Мечкой и трестенинской позиціи, обезпечивъ отрядъ отъ обхода со стороны Лома.

3) Во время боя драгунскій полкъ содѣйствовалъ фланговой атакѣ Одесскаго полка въ обходъ турокъ, атаковавшихъ Мечку, причемъ одинъ эскадронъ бросился въ атаку на таборъ и шашками изрубилъ пѣхоту. То же самое на правомъ флангѣ: гусарскій полкъ поддержалъ атаку украинцевъ, причемъ дивизиономъ атаковалъ отступавшую пѣхоту и также изрубилъ много турокъ. Такія сомкнутыя атаки кавалеріи на пѣхоту, доведенныя до конца, были очень рѣдки во всю кампанію, а потому особенно замѣчательны, указывая на то, что въ рукахъ хорошихъ кавалеристовъ шашка и сабля всегда останутся лучшимъ и самымъ грознымъ оружіемъ для врага.

4) Наконецъ съ окончаніемъ боя вся кавалерія снова выѣхала впередъ для преслѣдованія, и если не совершенно уничтожила непріятеля, то только вслѣдствіе полной темноты и близости сильно укрѣпленныхъ лагерей подъ Руцукомъ и Кадыкіемъ, куда турки могли скрыться.

На другой день послѣ боя наши аванпосты имѣли только незначительную перестрѣлку съ черкесами, выѣхавшими подобрать тѣла убитыхъ. Затѣмъ все было спокойно, и непріятель не показывался. Передъ нашими позиціями все поле усыяно турецкими трупами; пѣхотные полки въ теченіе нѣсколькихъ дней высылали команды, которыя, передъ Мечкой и Трестеникомъ, зарыли нѣсколько сотъ тѣлъ. Своихъ мы тоже на другой день схоронили. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бивака вырыли общую могилу, куда драгуны снесли своихъ товарищей и положили ихъ рядкомъ. Храбрецы эти первыми во время атаки врубались въ турецкую пѣхоту и пали смертью героевъ, увлекая за собою весь эскадронъ. Почтенный нашъ отецъ Іоаннъ, отслуживъ надъ ними панихиду, сказалъ нѣсколько глубоко прочувствованныхъ словъ солдатамъ, которые горячо молились надъ могилой товарищей, за вѣру, царя и отечество животъ свой во брани положившихъ. Сотни рукъ засыпали могилу и водрузили надъ ней сколоченный изъ досокъ крестикъ. Проста, сурова, но трогательна солдатская

смерть въ бою, и картина преданія землѣ въ общей братской могилѣ павшихъ воиновъ производитъ глубокое, потрясающее впечатлѣніе.

16-го ноября на наши позиціи пріѣхалъ начальникъ руцукскаго отряда Наслѣдникъ Цесаревичъ; всѣ войска были собраны въ Трестеникъ и въ присутствіи Его Высочества отслуженъ благодарственный молебень за одержанную побѣду. Послѣ молебна Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ объѣзжалъ войска, благодарилъ офицеровъ и солдатъ за славное дѣло и роздалъ георгіевскіе кресты нижнимъ чинамъ.

IX.

Бой 30-го ноября.

Послѣдующіе дни все было спокойно; но, не смотря на рѣшительный ударъ, нанесенный туркамъ 14-го ноября, слѣдовало ожидать возобновленія атаки Сулеймана, съ цѣлью прорвать наши линіи. Дѣйствительно, 21-го ноября мои лазутчики донесли, что турки снова готовятся къ нападенію, что уже вчера, 20-го, они думали атаковать и отложили свое намѣреніе только по случаю дурной погоды. Бывшій начальникъ, ферикъ Ассафъ-паша, который велъ атаку на Мечку-Трестеникъ 14-го ноября, былъ смѣщенъ. На его мѣсто назначенъ муниръ Фазли-паша, который уже нѣсколько дней какъ прибылъ и поселился въ Руцукъ. Они слышали, что ему приказано стянуть къ себѣ всѣ свободныя силы, безотлагательно перейти въ наступленіе и, во что бы то ни стало сбить насъ съ нашихъ позицій, овладѣть сообщеніями на Дунаѣ. Также сообщили нѣкоторыя подробности о дѣлѣ 14-го. Турки на этотъ разъ не скрывали своей неудачи и признавали пораженіе полнымъ. Одинъ командиръ табора вернулся всего съ 30-ю человѣками, всѣ остальные легли въ бою. Общая же потеря турокъ въ этотъ день была болѣе 2,500 человѣкъ убитыми и ранеными. Неудачу главнымъ образомъ приписывали Ассафу-пашѣ и нераспорядительности офицеровъ. На другой день послѣ боя въ селеніи Долабъ, по приказанію главнокомандующаго, разстрѣляно шесть офицеровъ (1 капитанъ, 2 поручика и 3 субалтернъ-офицера), которые бѣжали съ поля сраженія. Не смотря на это, войска, по показаніямъ лазутчиковъ, не падаютъ духомъ и дѣятельно готовятся къ новой атакѣ.

Свѣдѣнія эти опять немедленно доставлены мною въ отрядный штабъ. Въ виду этого заблаговременно были сдѣланы всѣ распоряже-

нія на случай новой атаки турокъ, которую слѣдовало ожидать еще въ болѣешихъ противъ прежняго силахъ. Вся 33-я дивизія выдвинута на позицію, части 35-й дивизіи, изъ 13-го корпуса, подвинуты къ намъ. Открытый на позиціи промежутокъ между Мечкой и Трестеникомъ замкнутъ полевыми укрѣпленіями, войска въ теченіе нѣсколькихъ дней работали надъ усиленіемъ позиціи; всѣмъ войскамъ отдана диспозиція на случай боя.

26-го ноября мы праздновали на бивакѣ Георгіевскій праздникъ, но къ вечеру общее веселье было нарушено извѣстіемъ о боѣ отряда генераль-адъютанта князя Мирскаго у Марены и Елены 22-го ноября. Оказалось, что Сулейманъ, убѣдившись послѣ неудачи 14-го, что пространство между Ломомъ и Дунаемъ сильно обороняемо, сдѣлалъ новую попытку отвлечь наше вниманіе къ другому театру дѣйствій. Съ этой цѣлью онъ 22-го произвелъ энергическое наступленіе на Елену и отбѣснилъ наши войска съ большимъ урономъ. Тѣмъ не менѣе, движеніе это было не болѣе какъ сильная демонстрація. Главная же цѣль заключалась въ отвлеченіи нашихъ силъ къ Тырнову, съ тѣмъ чтобы снова атаковать наши сообщенія изъ Рушукъ по единственно удобному и обезпеченному операціонному пути.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ боя подъ Еленой Сулейманъ снова вернулся въ Рушукъ. Уже 28-го наши аванпосты донесли, что турки въ значительныхъ силахъ переходятъ черезъ Ломъ у Чифтлика и Краснаго и наступаютъ на наши авангарды. Около полудня на высотахъ впереди Пиргоса и Ханъ-Гюль-Чесме показалась турецкая пѣхота съ артилеріею и кавалеріею. Впослѣдствіи оказалось, что это Сулейманъ лично производилъ рекогносцировку. Не дойдя до авангардовъ и только немного отбѣснивъ наши посты, турки около 2 часовъ отошли назадъ, оставивъ на линіи аванпостовъ прокламаціи на польскомъ языкѣ. Солдаты наши принесли цѣлую кину такихъ листовъ, на которыхъ было напечатано глупое, бессмысленное воззваніе къ полякамъ, которымъ предлагалось покинуть наши ряды и присоединиться къ туркамъ. Въ Рушукѣ, говорятъ, дѣйствительно было около сотни конныхъ поляковъ, извѣстныхъ у турокъ подъ названіемъ «Казакъ-Алаи», но мы ихъ не видали.

29-го ноября по бивакамъ быстро разнеслась радостная вѣсть, что наканунѣ пала Плевна и взята въ плѣнъ вся армія Османа-паши. Грозная твердыня, на пять мѣсяцевъ приковавшая къ себѣ почти всю армію, была уничтожена, непобѣдимый Османъ сложилъ оружіе и плѣненъ. Вся Россія въ этотъ день ликовала, за Дунаемъ-же восторгъ войскъ былъ неописанный. Всюду чтеніе телеграммы, сообщенной На-

слѣдникомъ Цесаревичемъ, сопровождалось громкимъ, неумолкаемымъ «ура»; всѣ веселились, поздравляли, цѣловали другъ друга. Биваки преобразились отъ всеобщей радости и приняли праздничный видъ. У насъ на бивакѣ собрались въ кружокъ всѣ офицеры, заиграли тру-бачи, заварили жженку, пошелъ пиръ горой.

Одни только люди на аванпостахъ не принимали участія въ общемъ весельѣ. Стоя на стражѣ, охраняя отрядъ, они честно исполняли свой долгъ, зорко слѣдили за непріятелемъ. Вечеромъ съ постовъ прискакалъ конный съ донесеніемъ: непріятель въ значительныхъ силахъ переправляется черезъ Ломъ у Краснаго, за нимъ изъ Кадыкюя тянутся колонны; изъ Рушукъ также выступили войска. Черезъ полчаса получено новое, болѣе обстоятельное донесеніе. Посты, пользуясь темнотой, подобрались къ непріятелю и насчитали у Краснаго около 40 таборовъ, переправившихся черезъ Ломъ, и около 30, вышедшихъ изъ Рушукъ. Всѣ они остановились на бивакѣ, въ виду нашихъ позицій. Изъ донесеній этихъ было очевидно, что турки на другой день намѣрены насъ атаковать въ громадныхъ силахъ. Во всѣ стороны поскакали ординарцы и мѣстовые, всѣ начальники были немедленно извѣщены. Въ мигъ веселье прекратилось, замолкла музыка, погасли огни, и весь отрядъ сталъ готовиться къ предстоящему бою. Воодушевленіе отъ полученнаго въ этотъ день радостнаго извѣстія было такое сильное, что всѣ рвались въ дѣло, готовы были на самый отчаянный бой, на небывалые подвиги. Если бы турки въ этотъ день знали о паденіи Плевны, то, вѣроятно, не полѣзли бы такъ слѣпо на насъ въ атаку.

Рано утромъ 30-го ноября всѣ войска, занявъ мѣста, указанныя по диспозиціи, стояли въ полной готовности въ ожиданіи боя. Укрѣпленныя позиціи у Мечки и Трестеника были заняты какъ 14-го ноября, только вторая бригада 33-й пѣхотной дивизіи стала въ резервномъ порядкѣ между Мечкой и Трестеникомъ у виноградниковъ. Кромѣ того, войска 12-го корпуса въ дѣлѣ 30-го были поддержаны еще слѣдующими частями. Наканунѣ, съ полученіемъ донесенія о наступленіи непріятеля, Его Высочество начальникъ рушукскаго отряда приказалъ: второй бригадѣ 35-й дивизіи, изъ состава 13-го корпуса, перейти съ разсвѣтомъ въ Домогилу, дабы имѣть возможность поспѣть оттуда въ дѣло. Изъ отряда, охранявшаго Батинскую переправу — 7-му саперному баталіону и гвардейскому экипажу съ четырьмя орудіями занять тыльную позицію за Мечкой, для обороны верхней береговой дороги вдоль Дуная. Въ кавалеріи, кромѣ четырехъ полковъ 12-й кавалерійской дивизіи съ артилеріею, были присланы въ подкрѣпленіе еще двѣ

сотни № 31-го и двѣ сотни № 37-го донскихъ казачьихъ полковъ и 21-я донская батарея. Всего, слѣдовательно, въ дѣлѣ 30-го ноября участвовало: 31^{1/2} баталіонъ, 23 эскадрона и сотни и 126 орудій, т. е. на 8^{1/2} баталіоновъ, пять эскадроновъ и 22 орудія больше, чѣмъ въ предшествующемъ дѣлѣ 14-го числа. Сверхъ того, принимали еще участіе съ противоположнаго берега наши осадныя орудія на Паранскихъ батареяхъ и, на Дунаѣ, броненосная лодка «Никополь».

Въ 8 часовъ утра съ Паранскихъ батарей дано было два условныхъ выстрѣла, означавшихъ наступленіе турокъ изъ Рушукъ. Густыя массы непріятельской пѣхоты, предшествуемая кавалеріей, показались передъ нашими авангардами. Кавалерійскіе аванпосты и стоявшіе позади пѣхотные резервы у Пиргоса и Ханъ-Гюль-Чесме, въ виду опредѣлившася уже рѣшительнаго наступленія значительныхъ силъ непріятеля, безъ боя отошли на главныя позиціи, очистивъ фронтъ нашего расположенія. Такимъ образомъ, бой, который, во всѣхъ предшествующихъ дѣлахъ, завязывался сначала на авангардныхъ позиціяхъ, верстахъ въ 6—8-ми отъ насъ, въ этотъ день начался сразу на линіи боеваго расположенія войскъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ биваковъ. Это произошло отъ того, что непріятель уже наканунѣ вышелъ изъ лагеря и ночевалъ въ полѣ, въ виду нашихъ позицій. Только успѣла наша бригада, по первому выстрѣлу, съѣсть на коней и занять указанное въ диспозиціи мѣсто между Мечкой и Трестеникомъ, какъ впереди насъ, на гребнѣ высотъ, уже показались наши посты отъ 1-го эскадрона улановъ и посланнаго на смѣну имъ 1-го эскадрона драгуновъ. Посты, отстрѣливаясь, цѣбно, медленно отходили назадъ, уступая натиску сильнаго числомъ непріятеля. Аванпосты второй бригады отъ гусаровъ и казаковъ еще нѣкоторое время держались передъ правымъ флангомъ.

Въ 9 часовъ утра бой уже разгорѣлся и стало выясняться, что всѣ усилія непріятеля направлены противъ Мечки и въ промежутокъ между Мечкой и Трестеникомъ, гдѣ съ гребня высотъ спускалась густая кавалерійская цѣпь изъ черкесовъ и регулярной кавалеріи, а за нею большими массами шла турецкая пѣхота. Чтобы задержать это движеніе и не дать непріятельской кавалеріи прорваться въ промежутокъ между Мечкой и Трестеникомъ, до прибытія изъ резерва второй бригады 33-й дивизіи генерала Дохтурова, нашей бригадѣ приказано было выѣхать впередъ. 2-й и 4-й эскадроны драгуновъ и эскадронъ улановъ, спѣшившись, заняли приготовленные для пѣхоты ложементы и огнемъ встрѣтили наступающихъ. Какъ только раздалися ушаченные выстрѣлы спѣшенныхъ частей, непріятельская кавалерія не-

медленно отошла за гребень и открыла свою пѣхоту. Но въ это время генераль Дохтуровъ уже привелъ свою бригаду и занялъ ложементы между Мечкой и Трестеникомъ. Эскадроны наши, удачно исполнивъ свое назначеніе, отошли въ резервъ, очистивъ мѣсто пѣхотѣ. Одинъ полуэскадронъ отъ 1-го эскадрона драгуновъ отправленъ былъ къ Дунаю для охраненія лѣваго фланга мечкинской позиціи.

Въ это время къ отряду пріѣхалъ Его Высочество командиръ корпуса и, остановившись въ центрѣ у трестенинскаго виноградника, немедленно послалъ приказанія: въ Домогилу — второй бригадѣ 35-й пѣхотной дивизіи идти къ правому флангу трестенинской позиціи, Херсонскому полку—вдоль Лома къ Чифтлику, а Бесарабскому полку стать въ резервъ за центромъ. Для усиленія огня въ центрѣ передъ нашимъ бивакомъ выдвинута была 1-я батарея 33-й бригады, которая оттуда брала во флангъ турокъ, наступавшихъ на Мечку. Кавалеріи отданы были слѣдующія приказанія: Стародубовскому драгунскому полку стать за бригадой генерала Дохтурова и прикрывать ея флангъ при наступленіи. 19-й конной батарее, подъ прикрытіемъ эскадрона улановъ, стать правѣе 1-й батареи 33-й бригады. Всѣмъ же остальнымъ частямъ кавалеріи стать на правый флангъ трестенинской позиціи для прикрытія обходнаго движенія.

Между тѣмъ у Мечки завязался ожесточенный артилерійскій бой, густое облако дыма не сходило съ нашихъ батарей. Скоро открылась и ружейная пальба изъ ложементовъ. Турки густыми цѣпями спускались съ мечкинскихъ высотъ, артилерія поддерживала ихъ наступленіе. Желая охватить нашъ лѣвый флангъ у Мечки, непріятель выслалъ три эскадрона, которые карьеромъ вынеслись по береговой дорогѣ, но, встрѣченные здѣсь четвертой ротой Днѣпровскаго полка и полуэскадронномъ драгуновъ, подъ начальствомъ маіора Канукова, были отброшены назадъ съ большимъ урономъ. Послѣ атаки на лѣвый флангъ, турки начали готовить атаку на правый флангъ мечкинской позиціи, для чего направили на деревню еще болѣе густыя цѣпи. Позади этихъ цѣпей, пользуясь закрытой мѣстностью, собирались массы непріятельской пѣхоты, назначенныя для главнаго удара. Десять цѣпей послѣдовательно спустились въ Мечкинскую лощину, за ними слѣдовали навьюченные патронами лошади, въ цѣпи развѣзжали черессы, ободряя турокъ. Подъ страшнымъ огнемъ съ нашихъ батарей и ложементовъ, турки, какъ львы, полѣзли въ атаку на укрѣпленные высоты. Начальникъ мечкинской позиціи, генераль Цитлядзевъ, видя угрожающее положеніе непріятеля противъ своего праваго фланга, выдвинулъ изъ резерва остальные роты Азовскаго полка, которыя мѣткимъ огнемъ ста-

ли удерживать непріятеля. Изъ всѣхъ ложементовъ на высотѣ противъ Мечки открыли учащенную пальбу; стоявшая же на вершинѣ 9-ти-фунтовая батарея полковника Буда казалась намъ вся въ огнѣ; выстрѣлы сливались въ одинъ общій раскатъ. Турки, при каждой новой попыткѣ встрѣчая сильный отпоръ и теряя массу людей, отбѣгали внизъ, скрываясь въ лощины. За ними свѣжія силы снова лѣзли впередъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ длился здѣсь этотъ ожесточенный бой до тѣхъ поръ, пока изъ центра не перешла въ наступленіе вторая бригада 33-й пѣхотной дивизіи.

Пока у Мечки шелъ горячій бой противъ нашего центра, вдоль гребня, на хорошемъ ружейномъ выстрѣлѣ лежала пѣхотная цѣпь; изъ за гребня стрѣляла турецкая артилерія, направляя преимущественно огонь на батареи центра, причемъ масса снарядовъ падала на бивакъ нашего полка. Пѣхотный огонь также былъ очень силенъ, хотя причинялъ намъ мало вреда, такъ какъ люди хорошо были скрыты въ ложементахъ. Какъ рой пчелъ пролетали надъ ними пули, причиняя болѣе вреда резервамъ, чѣмъ передовымъ частямъ. Открывъ сильный ружейный и артилерійскій огонь, непріятель не переходилъ здѣсь въ наступленіе. На правомъ же флангѣ, у Трестеника, турки ограничивались только демонстраціями.

Положеніе дѣлъ въ это время вполне обрисовалось; очевидно было, что непріятель всѣ свои усилія употребляетъ для того, чтобы взять мечкинскую позицію и, такимъ образомъ, прорвать нашу оборонительную линію, отбросить насъ отъ Дуная и овладѣть Батинскимъ мостомъ.

Въ это время, въ 1½ часа пополудни, Его Высочество, командиръ корпуса, призналъ своевременнымъ для поддержки войскъ, геройски оборонявшихъ Мечку, перейти въ наступленіе правымъ флангомъ въ обходъ лѣваго фланга турокъ. Съ этою цѣлью приказано было второй бригадѣ 35-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ полковника Назарова, вмѣстѣ съ Украинскимъ полкомъ идти изъ Трестеника по шоссе на Рушукъ, чтобы ударить во флангъ и въ тылъ турокъ. Шоссе, поворачивая отъ Гюль-Чесме къ Дунаю, само указывало направленіе атаки. Вся кавалерія 12-й дивизіи, съ прикомандированными частями, за исключеніемъ драгунскаго полка, должна была предшествовать и прикрывать это обходное движеніе. Генералу Дохтурову, со второй бригадой 33-й дивизіи, приказано было сообразоваться съ обходнымъ движеніемъ праваго фланга, и когда оно достаточно разовьется, въ свою очередь, также перейти въ наступленіе изъ центра.

Кавалерія праваго фланга, предшествуемая цѣпью наѣздниковъ, отъ Трестеника быстро двинулась впередъ правѣе шоссе къ Чифтлику. Вне-

реди шли три эскадрона ахтырскихъ гусаровъ съ четырьмя орудіями 5-й донской батареи; правѣ ихъ 12-й казачій полкъ съ остальными двумя орудіями. Къ 5-й донской батарее присоединилась 21-я казачья батарея Дукмасова. Взойдя на высоты, кавалерія была встрѣчена залпами турецкой пѣхоты, засѣвшей въ кукурузѣ; позади виднѣлись турецкіе резервы. 21-я батарея молодецки выскакала впередъ и на близкое разстояніе открыла огонь. При этомъ лихомъ выѣздѣ батарея потеряла нѣсколько человекъ и лошадей, но за то осыпала ряды турокъ картечью. Первая сотня № 12-го полка, спѣшившись, скрытно зашла въ тылъ отдѣлившейся непріятельской пѣхоты и залегла; затѣмъ, подпустивъ турокъ на близкій ружейный выстрѣлъ, сдѣлала нѣсколько залповъ и, въ пѣшемъ строю, подъ начальствомъ хорунжаго Тимофѣева, бросилась въ атаку. Сотенный командиръ Васильевъ съ наѣздниками врубился въ непріятельскіе ряды, но былъ смертельно раненъ. Замѣтивъ затруднительное положеніе казаковъ, гусары, находившіеся въ пѣши, бросились на выручку казаковъ, которые успѣли вынести изъ боя есаула. Пока кавалерія праваго фланга, начавшая бой, сдерживала непріятеля, подошла вторая бригада 35-й пѣхотной дивизіи. Обходная колонна наша, подъ начальствомъ генерала Фофанова и полковника Назарова, имѣя впереди Зарайскій и Украинскій полки, а позади Моршанскій, съ музыкой и пѣснями наступала по шоссе къ Ханъ-Гюль-Чесме. Непріятель встрѣтилъ наступающихъ сильнымъ огнемъ, но зарайцы и украинцы, съ крикомъ «ура», отбросили турокъ, которые заняли слѣдующую позицію на высотахъ Ханъ-Гюль-Чесме. Тогда шесть батарей 12-й и 35-й бригадъ, выѣхавъ впередъ, открыли огонь картечными гранатами. Пользуясь замѣшательствомъ, произведеннымъ огнемъ нашей артилеріи, пѣхота снова перешла въ наступленіе и штурмомъ овладѣла ложементами на высотахъ Гюль-Чесме, штыками выбивъ турокъ. Въ этой атакѣ зарайцы потеряли трехъ офицеровъ и 60 нижнихъ чиновъ. Отступающій противникъ занялъ послѣдовательно еще двѣ позиціи. Но когда къ обходной колоннѣ присоединился еще Одескій пѣхотный полкъ съ двумя батареями, а два баталіона Моршанскаго, изъ резерва, выдвинуты были во флангъ, то пораженіе турокъ было полное; покинувъ высоты, они бѣжали въ безпорядкѣ.

Пока обходная колонна наступала по шоссе, бой на лѣвомъ флангѣ у Мечки и въ центрѣ достигъ крайней степени напряженія. Поэтому, когда около 3-хъ часовъ наша пѣхота показалась на высотахъ Гюль-Чесме, заходя во флангъ и почти въ тылъ непріятелю, генералъ Дотхуровъ рѣшился, въ свою очередь, перейти въ наступленіе и ударить

на турокъ съ фронта. Огонь въ это время былъ такъ силенъ, что почти не было возможности открыто стоять подъ выстрѣлами. Посланный къ генералу Дохтурову съ приказаніемъ, нашего полка прапорщикъ Муромцевъ, проскакавъ по цѣпи, былъ раненъ пулей въ руку. Нашего же полка прапорщикъ князь Шаховской, посланный Его Высочествомъ въ Мечку, былъ контуженъ и сибиленъ съ ногъ разрывомъ гранаты. Почти всѣ вѣстовые генерала Дохтурова, открыто разбѣжавшаго вдоль ложементовъ, были перебиты; его значокъ бригаднаго командира былъ весь изорванъ. Подъ моимъ вѣстовымъ была убита лошадь въ то время, какъ я подъѣзжалъ къ генералу. Даже въ свитѣ Его Высочества, стоявшаго позади у трестенинскаго виноградника, ранены были въ это время переводчикъ и шталмейстеръ. Намъ отдѣляла отъ турокъ глубокая лощина; по сую сторону залегли въ ложементахъ тираспольцы и бендерцы, по ту сторону лежала турецкая цѣпь. За этимъ узкимъ гребнемъ шла балка, за ней новый гребень и опять балка, спускавшаяся къ пиргосскимъ высотамъ, такъ что войскамъ нашимъ приходилось брать три ряда высотъ, проходить три балки. Для атаки назначены были 131-й Тираспольскій полкъ и два баталіона Бендерскаго. Генералъ Дохтуровъ самъ объѣхалъ части, объяснилъ цѣль дѣйствій. Затѣмъ разомъ, по сигналу, роты выскочили изъ ровиковъ, поднялись на брустверь и съ крикомъ «ура» и барабаннымъ боемъ спустились въ лощину. Встрѣченные страшнымъ огнемъ турецкихъ стрѣлковъ, тираспольцы и бендерцы молодцами полѣзли на гору. За ними съ праваго фланга пошли драгуны. Героями бросились впередъ офицеры, увлекая примѣромъ солдатъ, и первыми пали въ бою. На встрѣчу намъ тотчасъ понесли назадъ шесть офицеровъ; изъ нихъ двое лежали уже убитыми на носилкахъ. За ними потащились солдаты: кого несли, кто самъ ползъ, истекая кровью; но наши были уже на гребнѣ, опрокинувъ турецкую цѣпь. Внизу въ лощинѣ стояли резервы. Пользуясь разбѣгомъ съ горы, тираспольцы бросились внизъ и сошлись въ штыки. Тутъ началась бойня: освирѣпѣвшіе солдаты дрались какъ львы, не давая никому пощады. Кровь лилась ручьями. Турки взбѣжали на слѣдующій гребень; здѣсь артилерія наша провожала ихъ шрапнелью, вырывая цѣлые ряды. Неудержимо полѣзла за ними наша пѣхота, опрокидывая на пути все, что сопротивлялось. За слѣдующимъ гребнемъ въ лощинѣ стояли еще турецкіе резервы, и ихъ опрокинула наша пѣхота, остановившаяся только на высотахъ Пиргоса. Атаковавъ три ряда высотъ, солдаты падали въ изнеможеніи. Тогда шедшіе позади три эскадрона драгунъ вынеслись впередъ и продолжали преслѣдованіе; кто уцѣлѣлъ отъ пѣхот-

наго штыка—попадалъ подъ драгунскую шашку. Преслѣдованіе прекратилось только на высотѣ Бесарбова съ наступленіемъ темноты. Вслѣдъ за наступленіемъ центра подался впередъ и лѣвый флангъ, опрокинувъ непріятеля отъ Мечки. Общее преслѣдованіе закончилось сосредоточеннымъ огнемъ всей нашей артилеріи. Особенно сильныя потери отъ артилеріи турки понесли на Ломѣ, когда батареи наши уже безъ прикрытія выскочили на шоссе и почти въ темнотѣ осыпали картечью столпившіяся къ переправамъ массы турецкой пѣхоты.

Разставивши ночью цѣпь аванпостовъ на прежнихъ мѣстахъ, мы повернули назадъ къ биваку. Бой всюду кончился, выстрѣлы замолкли. Представилась страшная картина изнанки боя. Ночь была тихая, теплая. Луна высоко поднялась и озарила окровавленное поле. Лощина, которую атаквали тираспольцы, была завалена грудой убитыхъ и раненыхъ: съ трудомъ, по одиночкѣ, пробрались мы сквозь кучи человѣческаго мяса. Вся долина корчилась въ предсмертныхъ судорогахъ, издавая жалобный стонъ. Съ бивака доносилось громкое «ура» побѣдителей.

Турки въ этотъ день дрались отчаянно, напрягая послѣднія усилія, чтобы сбить насъ съ нашихъ позицій. Войска, судя по убитымъ и раненымъ, принадлежали къ лучшей, отборной Сулеймановской гвардіи: народъ рослый, красивый, отлично одѣтый, хорошо вооруженный и до крайности фанатизированный. Мы находили почти всѣхъ мертвыхъ съ кораномъ или четками въ рукахъ: видимо они творили молитву и умирали спокойно, съ улыбкой на устахъ. Не смотря на это, пораженіе ихъ было полное: надо полагать, что они потеряли болѣе 3,000 человѣкъ; въ нашихъ рукахъ они оставили 800 труповъ и болѣе 300 тяжело раненыхъ, въ плѣнъ же взято нераненыхъ всего 15 человѣкъ. Наши же потери: убитыхъ 4 офицера и 120 нижнихъ чиновъ, ранено 20 офицеровъ и 655 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ въ кавалеріи 3 офицера (1 убитъ), 20 нижнихъ чиновъ и 56 лошадей.

Въ этотъ день, такъ же какъ и 14-го ноября, главная заслуга кавалеріи состоитъ въ томъ, что она во-время предупредила отрядъ о наступленіи противника. Уже за нѣсколько дней до боя развѣзды наши сообщили, что турки готовятся къ атакѣ; затѣмъ, наканунѣ боя точно донесли о числѣ переправившихся черезъ Ломъ и вышедшихъ изъ Рущука войскъ. Благодаря этому, всѣ распоряженія были сдѣланы заблаговременно, подтянули резервы, составили диспозицію, отдали всѣ приказанія—и войска въ полной готовности приняли бой, который потому и разыгрался такъ удачно. Это самая большая услуга, которую

можно ожидать и слѣдуетъ требовать отъ хорошей кавалеріи. Во время боя кавалерія, какъ въ центрѣ, такъ и въ обходной колоннѣ праваго фланга, способствовала атакѣ и довершила дѣло преслѣдованіемъ.

Бой 30-го ноября былъ послѣдней попыткой Сулеймана сломить руцукскій отрядъ, прикрывавшій дѣйствія другихъ частей арміи. Въ теченіе шести мѣсяцевъ, говоритъ Великій Князь въ своемъ рапортѣ, войска 12-го корпуса, постоянно ожидая и отражая нападенія, стояли вѣрнымъ стражемъ на своихъ позиціяхъ и постахъ. Выдерживая частые бои и сраженія, они завершили свою службу блистательнымъ отраженіемъ двухъ серьезныхъ нападеній непріятеля.

На слѣдующій день Наслѣдникъ Цесаревичъ объѣзжалъ войска, и на мечкинской батарее, которую такъ упорно атаквали турки наканунѣ, отслужено было молебствіе въ присутствіи всѣхъ участниковъ славнаго дѣла.

Отраженіемъ послѣдней атаки Сулеймана, подъ Мечкой и Трестеникомъ 30-го ноября, блистательно закончилась боевая дѣятельность руцукскаго отряда. Истощивъ всѣ усилія и видя невозможность прорвать нашу линію, Сулейманъ, узнавъ о паденіи Плевны и движеніи русскихъ къ Балканамъ, съ остаткомъ своей арміи съ береговъ Ломы поспѣшно отступилъ за Балканы.

Слѣдующіе два мѣсяца, декабрь и январь, никакихъ серьезныхъ дѣйствій въ отрядѣ нашемъ не было. Центръ тяжести всей кампаніи перенесся за Балканы. Обѣ стороны направляли всѣ свободныя силы по ту сторону хребта. Противъ насъ остались только незначительныя гарнизоны въ Руцукѣ, Разградѣ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Роль нашего отряда, съ паденіемъ Плевны и развитіемъ войны за Балканами, окончилась.

Одолѣвъ врага, мы начали новую, не менѣе тяжелую, борьбу съ природой. Началась зима, морозы, мятели, вьюги; пошелъ ледъ по Дунаю, снесло мосты, прекратились сообщенія, затруднился подвозъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ мы испытали всѣ тягости зимней стоянки въ открытомъ полѣ, неся ежедневно аванпостную службу. Остаться въ палаткахъ не было возможности: принялись устраивать землянки и, какъ кроты, зарылись въ землю. Дѣсу по близости не было, кругомъ все вырубили, и потому зимнія жилища наши были очень неприхотливы. Небольшая четырехугольная яма, фута два глубины, шага три въ боку, сверху крыша изъ хвороста, прутьевъ камыша, обложенная навозомъ и землей, внутри темно, сыро, холодно... 6-го декабря выпалъ первый снѣгъ; нѣсколько дней онъ валилъ хлопьями

и выше чѣмъ на аршинъ покрыть землю. 8-го ночью поднялась вьюга, мятель съ сильнымъ морозомъ и къ утру насъ совсѣмъ замело. Съ трудомъ откопались мы изъ подъ снѣга и расчистили бивакъ. Ужасная ночь эта однако выхватила у насъ одну жертву. Землянка, въ которой лежали младшій врачъ и вольноопредѣляющійся рядового званія, ночью обвалилась; несчастные, придушенные землей и снѣгомъ, не могли кричать, никто не подалъ имъ помощи. Только утромъ мы съ трудомъ до нихъ добрались, стали откапывать и вытаскивали изъ подъ снѣга два тѣла. Младшій врачъ приведенъ былъ въ чувство, рядовой былъ уже мертвымъ. Съ каждымъ днемъ положеніе наше ухудшалось, морозы становились все сильнѣе, дровъ почти не было, запасы истощились. 14-го числа ледоходомъ снесло мостъ у Батина, и сообщеніе съ румынскимъ берегомъ, откуда мы получали фуражъ и другіе запасы, на нѣкоторое время прекратилось. Въ фуражъ сталъ ощущаться недостатокъ, сѣна нельзя было достать, кормили соломой и ячменемъ. У лошадей отъ мороза потрескались ноги; въ путовомъ составѣ образовались подъ щеткой раны, въ родѣ злокачественныхъ мокрецовъ; нѣсколько лошадей пало. Люди, къ счастью, были въ лучшемъ положеніи. Предвидя зимнюю кампанію, я еще въ началѣ октября командировалъ въ Россію майора Лихтанскаго за покупкою теплыхъ вещей для полка. Въ ноябрѣ онъ вернулся, и я роздалъ всему полку теплые чулки, теплыя перчатки, фуфайки; полушубки были привезены еще съ собою изъ Россіи, недостающіе докупили на мѣстѣ. Благодаря этому, люди всегда выходили на аванпосты тепло одѣтыми, и въ самые сильные морозы у насъ не было ни одного серьезнаго случая отмороженія. Кромѣ того, замѣтивъ, что въ сильные морозы и при глубокомъ снѣгѣ, въ которомъ лошадь проваливалась по брюхо, и всякая возможность движенія прекращалась, турки совсѣмъ не выставляли постовъ, мы, въ свою очередь, нашли возможность ограничиться для наблюденія однимъ полуэскадрономъ. Это позволяло, при томъ же расходѣ людей, смѣнять аванпосты два раза въ сутки; половина эскадрона стояла днемъ, другая ночью, и люди не оставались 24 часа на морозѣ. Въ теченіе всего декабря мѣсяца не было даже ни одного выстрѣла на аванпостахъ, съ обѣихъ сторонъ ничего не предпринималось, да и не было возможности. Однажды только было получено приказаніе изъ главной квартиры отправить летучій кавалерійскій отрядъ за Ломъ, для порчи желѣзной дороги между Рушукомъ и Разградомъ, по которой турки подвозили подкрѣпленія за Балканы. Съ этой цѣлью отъ каждаго полка дивизіи былъ назначенъ взводъ; своднымъ дивизіономъ первой бригады командовалъ майоръ Цаликовъ, 2-й бригады—майоръ

Игнатьевъ. Отъ нашего полка со взводомъ былъ назначенъ штабсъ-капитанъ Бенескулъ. Въ сильный морозъ, отрядъ 18-го декабря выступилъ съ бивака, снабженный на нѣсколько дней продовольствіемъ и фуражными консервами для лошадей, также необходимымъ шанцевымъ инструментомъ и динамитными патронами. Но экспедиція эта не привела ни къ какимъ результатамъ. Съ ужасными трудностями, проваливаясь въ снѣгу, отрядъ въ два дня добрался до Соленика, гдѣ стоялъ небольшой авангардъ 13-го корпуса. Далѣе двигаться не было возможности; единственно возможные мѣста для переправы оборонялись турецкой пѣхотой, приходилось по одному вытягиваться подъ выстрѣлами. На пятый день сводный кавалерійскій отрядъ вернулся на бивакъ.

Между тѣмъ армія наша, послѣ паденія Плевны, немедленно нѣсколькими колоннами двинулась къ Балканамъ, и уже 13-го декабря генераль Гурко, съ войсками западнаго отряда, вторично переходилъ Балканы. Послѣ этого мы почти ежедневно получали извѣстія о рядѣ побѣдъ, одержанныхъ западнымъ отрядомъ у Арабконака, Шандорника и о преслѣдованіи арміи Сулеймана къ Филиппополю. Съ 23-го по 27-е декабря еще двѣ колонны генераловъ Карцева и Скобелева 2-го перевалили черезъ Балканы и, наконецъ, 28-го разнеслась радостная вѣсть о громкой побѣдѣ генерала Радецкаго у деревень Шейнова и Шипки и о плѣненіи всей арміи Весселя-пани. Боемъ 28-го декабря доблестный шипкинскій отрядъ завершилъ свою службу на вершинахъ Балкановъ. На слѣдующій же день изъ Рушукъ въ нашу цѣпь прибылъ турецкій офицеръ генеральнаго штаба, въ качествѣ парламентаря. Вѣсть о плѣненіи турецкой арміи на Шипкѣ уже дошла до нихъ и навела паническій страхъ на турокъ, которые немедленно же стали просить о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе, мы еще весь январь простояли на мѣстѣ. Перемиріе, на условіяхъ, предложенныхъ турками, не было принято, и военныя дѣйствія возобновились. Противъ насъ снова появились непріятельскіе аванпосты, въ цѣпи, по временамъ, опять раздавались выстрѣлы. Однажды взводъ драгуновъ отъ 4-го эскадрона, подъ начальствомъ прапорщика Бодиско, былъ отправленъ къ Иванъ-Чифтлику, чтобы высмотрѣть, занята ли деревня турками. Драгуны разсыпались и, по глубокому снѣгу, шагомъ пошли впередъ; посты турецкіе отступили. Но когда драгуны подошли къ деревнѣ, рота турецкой пѣхоты встрѣтила ихъ залпомъ, причемъ ѣхавшій впереди прапорщикъ Бодиско былъ раненъ въ грудь и въ руку на вылетъ. Не смотря на рану, истекая кровью, молодой прапорщикъ со взводомъ вернулся на бивакъ. Такимъ образомъ у Иванъ-

Чифтлика, который такъ часто былъ мѣстомъ горячаго боя, раздался еще послѣдній выстрѣлъ. Это была также послѣдняя жертва, принесенная полкомъ въ эту кампанію.

Въ первой половинѣ января наши войска заняли Адрианополь, вторую столицу Оттоманской имперіи, и только подъ стѣнами Царьграда остановилось побѣдоносное шествіе русской арміи. Начались переговоры о мирѣ. Вслѣдствіе этого, въ концѣ января, мы получили разрѣшеніе, оставивъ одинъ эскадронъ на аванпостахъ, отойти на отдыхъ за Янтру, въ деревню Карашанъ-дере, возлѣ Новиграда. Размѣстившись цѣлымъ полкомъ въ деревнѣ, мы первый разъ послѣ 7½ мѣсяцевъ ночевали подъ крышей въ теплой хатѣ. Болѣе мѣсяца мы отдыхали въ этой деревнѣ, послѣ чего полкъ снова двинули въ походъ, но не домой, а въ сѣверо-восточную часть Болгаріи, въ окрестности Силистріи и Варны. Полку, изъ первыхъ перешедшему Дунай, не суждено было скоро вернуться на родину: онъ вошелъ въ составъ арміи, оставшейся въ Турціи послѣ войны.

22-го декабря 1878 г.

С.-Петербургъ.

Масштабъ

въ дюймѣ 5 верстъ

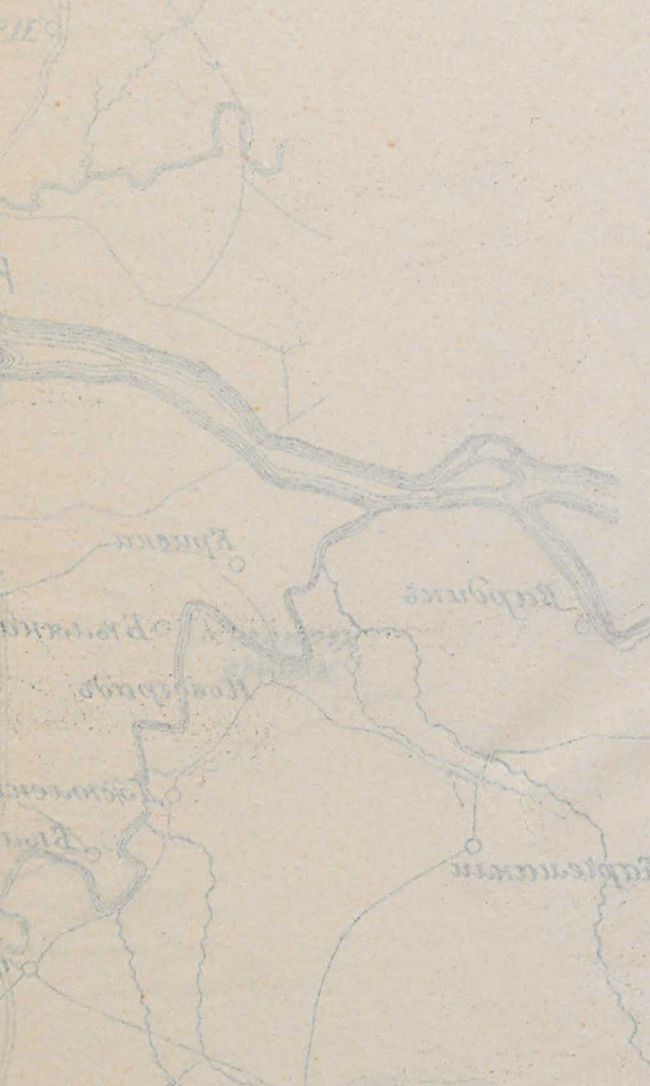
версты 5 0 5 10 версты

Составлена: 1) по полуреконструированной съѣмкѣ Болгаріи между рр. Янтрой и Ломой произведенной при штабѣ Рущукскаго отряда, 2) по реконструированнымъ произведеннымъ въ 13 корпусѣ и 3) по картѣ дорогъ части средней Болгаріи составленной при полковникѣ Военно-Топографическаго Отдѣла.

©СИСТОВЪ

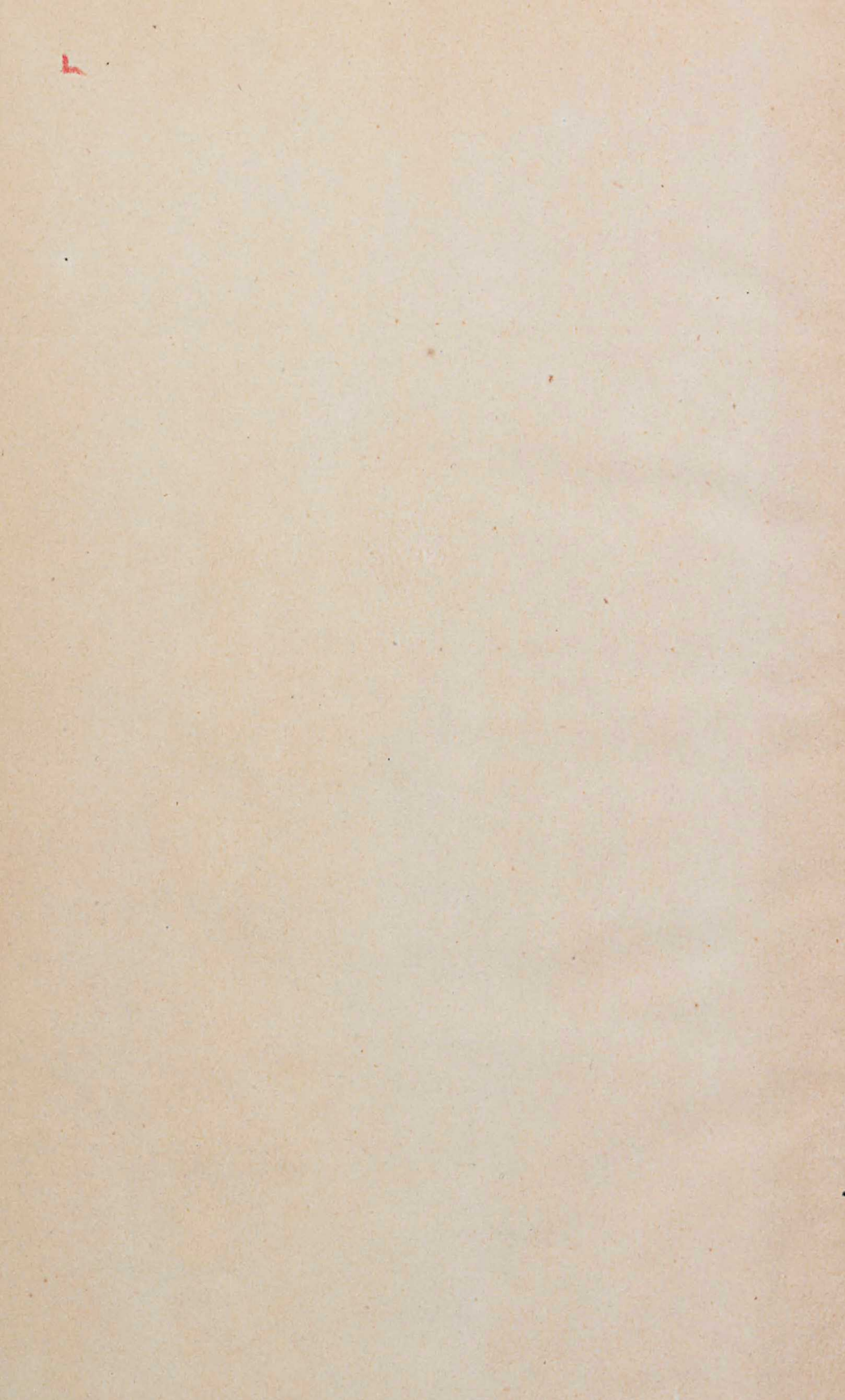

Алматы
Алматы
Алматы
Алматы
Алматы

Алматы

Алматы

2007335181